
Хроники
Эларионa
Цена правды

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ I. ЗЕМЛЯ И ЭЛАРИОН.....5

1. ЗЕМЛЯ: ГЕФСИМАНСКИЙ САД.....7
2. ЗЕМЛЯ: ПОЦЕЛУЙ ИУДЫ II.....11
3. ЭЛАРИОН: СОЛНЦЕ ЭЛАРИОНА.....12
4. ЗЕМЛЯ: МАРИЯ МАГДАЛИНА.....17
5. ЭЛАРИОН: НИТРА, СТОЛИЦА СОЮЗА.....33
6. ЗЕМЛЯ: ПОЦЕЛУЙ ИУДЫ.....49
7. ЭЛАРИОН: ЗОЛОТОЕ КОЛЬЦО.....58
8. ЗЕМЛЯ: ДЕНЬ РАЗДЕЛЕНИЯ.....60
9. ЭЛАРИОН: СЛОЙ.....65
10. ЗЕМЛЯ: ПРОКЛЯТАЯ СМОКОВНИЦА.....77
11. ЭЛАРИОН: МАРЕЯ ЛИОРЕН.....96
12. ЗЕМЛЯ: ИИСУС НА ГОРЕ.....102
13. ЭЛАРИОН: АРИЕН КОРВЕТ.....106
14. ЗЕМЛЯ: НАЧАЛО НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ.....130

ЧАСТЬ II. ОДНО ПРЕСТУПЛЕНИЕ, РАЗДЕЛЁННОЕ НА ЧАСТИ....135

15. ТРИДЦАТЬ ВАЛЮТ.....135
16. У РАНЫ ПОЯВЛЯЕТСЯ БЮДЖЕТ.....140
17. ФОНДЫ ЗАЩИТЫ.....145
18. БИО-ИИ БЕЗ НЕНАВИСТИ.....151
19. ЛАБОРАТОРИИ БЕЗ КАРТЫ.....155
20. ПОДОЗРЕНИЕ МАРЕИ.....160
21. ПРОВЕРКА НА СЛЕПОТУ.....167
22. ИСКЛЮЧЕНИЯ.....178
23. ПОСЛЕДНИЙ ПЛАТЁЖ.....186
24. ПЕРВАЯ ЛИХОРАДКА.....200

ЧАСТЬ III. ЧУМА ЗОЛОТОГО КОЛЬЦА.....213

25. ДОМА АУРИОЛЫ.....213

26. СИСТЕМЫ, КОТОРЫМ НЕ ВИДНО ЦЕЛОГО....221
27. ИМЯ, КОТОРОЕ БОЯЛИСЬ ПРОИЗНЕСТИ....230
28. ЗОЛОТОЕ КОЛЬЦО ЗА СТЕКЛОМ....237
29. ГОЛОС ЕСАИРА И МОСТ К ЕДИНОМУ ЭЛАРУ....245
30. ТРЕТЬ....261
31. ЗА СТЕКЛОМ....277
32. ТЕ, КТО ПРИХОДИТ....282

ЧАСТЬ IV. ЭЛАРИОН БЕЗ ТРЕТИ....292

33. РУКИ, КОТОРЫХ НЕ ХВАТАЛО....292
34. ДОЛЯ ЖИВЫХ....303
35. ФИНАНСОВЫЙ СКЕЛЕТ ПАНДЕМИИ....312
36. ЧЕЛОВЕК, У КОТОРОГО БЫЛА КАРТА....320
37. НЕ ТОЛЬКО АРИЕН....330
38. КОНВЕНТ ПОСЛЕ ТРЕТИ....336
39. ОДИН ЭЛАР....352
40. ВЕС ВЛАСТИ....363

УРОК ДЛЯ ЗЕМЛИ....388

Проблема бесконтрольного роста технологической мощи на планете....388
Коррупция и неэффективное государство....389
Проблемы уклонения от налогов....389
Прекращение войн и немедленное выявление финансовых злоупотреблений....390
Справедливое и прозрачное введение ББД — безусловного базового дохода....390
Вызовы вечной жизни и прозрачное решение демографических проблем планеты 391

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ HTTPS://HUMANITYUNITEDMOVEMENT.ORG....393

Здравый смысл как основа политики....393
Политическая академия....395
Глобальное движение в глобальном мире....397
Прозрачность как основа доверия....398
Технический прогресс и будущее труда....400

Равенство возможностей и достоинство человека....402
Умение мыслить на перспективу и ответственность за будущее....402
Как должно работать само движение....403
Чего же мы хотим добиться?....404
Обращение к новому поколению....405

Часть I. Земля и Эларион

Не всякое расстояние во Вселенной означает разлуку.

Тридцать световых лет для тела — пропасть. Для света — долгий путь. Для памяти, быть может, короче. В одном уголке звёздного пространства две планеты кружили каждая вокруг своего солнца. Они возникли из разной материи и принадлежали разным звёздам. И всё же походили друг на друга, как порой бывают похожи два далёких сна.

На обеих были моря, которые на рассвете обращались в серебро. На обеих были облака, горы, реки, пустыни и края, где ветер из века в век выводил в пыли свои безмолвные письмена. На обеих дождь падал на камни, деревья росли из земли, а живые существа учились отличать боль от желания, страх от надежды, то, что дано, от того, что можно изменить.

Одну из этих планет звали Эларион.

Другой предстояло получить имя Земля.

Они лежали далеко друг от друга. Но не так далеко, чтобы однажды от одной до другой не дошли свет, мысль, воля или нечто ещё более тихое. Вселенной ведомы не одни лишь пути кораблей. Ей ведомо и то, как медленно передаётся влияние, как незримо сплетаются истории и как странно возвращается то, что казалось утраченным.

Эти два мира связывало нечто большее, чем случайное сходство.

Связь эта была непростой. Её нельзя было сразу нанести на карты или описать в летописях. Она была из тех, что открываются лишь потом, когда судьба свершилась и человек вдруг понимает, что события, казавшиеся разрозненными, с самого начала были частями одной фразы.

На Эларионе люди уже достигли высот. Их города касались неба, их кораблям был знаком межпланетный мрак, их машины вычисляли то, о чём прежде можно было лишь догадываться. Они научились продлевать жизнь, исцелять тело, преображать пустыни, строить миры под куполами и смотреть в собственное будущее с отвагой существ, начавших верить, что почти ничто не останется невозможным навсегда.

Но даже самые развитые цивилизации остаются человеческими, пока в них живут существа, способные любить, завидовать, прощать, бояться и жаждать власти. А там, где есть человек, история никогда не сводится к истории техники. Она ещё и история сердца.

В ту пору на Эларионе жили двое.

Есаир Давион.

Марея Лиорен.

Их имена ещё не стали легендой. Это были просто имена, которые звучали в комнатах, на дорогах, в садах, среди друзей и тех, кто знал их близко. Но у некоторых имён странная судьба. Сперва они принадлежат человеку. Потом — боли. Потом — памяти. А в конце возвращаются в облике, в котором уже никто не узнает их до конца. Эта история начинается на Эларионе, в свете чужого солнца.

Но эху её не суждено навеки остаться там.

Ибо есть жизни, которые не кончаются у границ одного мира. Есть встречи, которые словно предшествуют самим себе. И есть любовь, которая возвращается в историю не оттого, что не умеет уйти, а оттого, что ещё не всё сказала.

1. Земля: Гефсиманский сад

Когда отзвучали пасхальные псалмы и на Иерусалим опустилась ночь, Иисус с учениками вышел за поток Кедрон. За их спинами город ещё дышал дневным теплом, но в долинах уже лежал холод. Над Елеонской горой стояла тишина, словно даже камни затаили дыхание.

Они пришли в место, которое звалось Гефсиманией. Там был сад, росли маслины с искривлёнными стволами, тихо шелестела листва. Ученики знали этот сад. Ничего торжественного в нём не было. Обыкновенное уединённое место, куда уходишь, когда нужно поговорить с Богом без свидетелей.

Иисус остановился. Лицо его было спокойно, но не тем покоем, какой бывает на лице человека в лёгкие минуты. Этот покой удерживал от распада что-то потрясённое до самого основания.

— Посидите здесь, — тихо сказал он, — пока я пойду помолюсь.

Петра, Иакова и Иоанна он повёл немного дальше. Они пошли за ним втроём, ни о чём не спрашивая. Чувствовали, что происходит нечто им непонятное. Иисус, который на их глазах исцелял больных, утишал бурю и говорил с властью, какой они не слышали ни от кого, вдруг зашагал тяжелее. Словно каждый шаг был отягощён невидимой им ношей.

Наконец он обернулся и к ним.

— Душа моя скорбит смертельно, — сказал он. — Побудьте здесь и бодрствуйте со мною.

Эти слова ранили больнее упрёка. Пётр открыл рот, словно хотел ещё раз поклясться в верности, но Иисус уже отходил. Недалеко — они ещё видели его, до него было рукой подать, — а между ними вдруг пролегло расстояние, которого никому не дано было преодолеть.

Иисус остановился у маслины. Ветер коснулся его одежды. Над головой трепетали серебряные листья, по земле, как разлитая вода, растеклись тени.

Он опустился на колени.

Потом пал лицом на землю.

И в тот миг ночь вокруг него стала глубже.

Перед ним вставали живые картины, отчётливее снов и обычных воспоминаний, — неумолимые, беспощадные.
Он увидел факелы меж деревьев.

Увидел, как идут вооружённые люди, услышал звон металла, шёпот, приказания. А среди них — Иуду. Лицо его было бледно, но решимость не оставляла его. Он шёл вперёд, как человек, который уже переступил черту и боится оглянуться. Подошёл и вместо того, чтобы поднять меч или бросить обвинение, указал на него поцелуем.
В своём видении Иисус ощутил на щеке прикосновение губ Иуды и знал, что по этому знаку его выдадут.
«Друг», — прозвучало в нём слово, которое ему предстоит произнести. И ранило больнее оков.

Картина переменилась.

Он увидел двор первосвященника. Огонь. Лицо служанки в отсветах пламени. Петра, который греется среди чужих и отводит глаза. Услышал вопрос: «И ты был с ним?»
А потом услышал ответ Петра.

— Не знаю его.

Иисус закрыл глаза, но видение не исчезло.

Второе отречение. Затем третье. Пётр возвысил голос и, пугаясь самого себя, поклялся, что не знает этого человека. В тот же миг ночь прорезал крик петуха. Резкий. Короткий. Страшный своей ясностью.
И Иисус увидел глаза Петра в тот миг, когда тот всё вспомнит.

В глазах Петра он видел друга, сломленного собственным страхом.

Иисус вздрогнул.

— Отче, — прошептал он, — они прах. Они слабы. И я люблю их.

Затем пришло другое видение.

Двор. Насмешки. За градом ударов не разглядеть лица. Трость в руках у воинов. Шипы, вдавленные в голову. Крик толпы, колышущийся, как пламя на ветру. Руки, которые били его и не ведали, кого касаются. Уста, которые насмехались над ним и не понимали, что само дыхание их дано им Богом.
Потом гора.

Дерево креста.

Гвозди.

Иисус увидел свои руки, распростёртые на перекладине. Увидел железо, приставленное к коже запястья. Увидел занесённый молот. Ещё прежде, чем тот опустился, тело напряглось от боли, словно будущее проникло в настоящее и настигло его уже сейчас.

С губ его сорвался тихий стон.

На лбу проступили капли пота. Сначала прозрачные, потом всё темнее. Сквозь волосы, по вискам стекали они, тяжёлые и красные, как капли крови. Падали на землю Гефсиманского сада, в пыль меж корней маслин.

Иисус дрожал, но не бежал.

— Отче мой, — произнёс он так тихо, что слышала лишь ночь, — если возможно, да минует меня чаша сия.

Тишина.

В ней не было пустоты. Это была тишина Отца, который ближе самого дыхания и всё же не избавляет от пути, который надо пройти.

Иисус прижал ладони к земле. Пальцы ушли в почву. Видения не прекращались. Он видел мать у подножия креста. Видел рядом с ней ученика, которого любил. Видел людей, отводивших лица. Видел небо, которому предстояло померкнуть. Видел, как его тело в судороге приподнимается, чтобы набрать воздуха. Видел жажду. Видел, каково быть оставленным всеми. Видел смерть. И видел Марию Магдалину, которая тремя пальцами прикасалась к его пронзённому гвоздём запястью.

И всё же за всем этим он видел ещё что-то.

Смутно, словно тонкую полосу света на краю ночи.

Он видел лица тех, кто ещё не родился. Людей далёких времён и земель. Видел грешников, которые будут оплакивать свою вину. Видел больных, которые будут держаться за его имя. Видел тех, кто сломлен и найдёт надежду в его ранах. Видел Петра, который, упав, снова поднимется. Видел учеников, которые разбегутся, а после вернутся. Видел, что любовь может пройти и через предательство, и через страх, и через смерть — если не перестанет быть любовью.

— Не как я хочу, — сказал он наконец, — но как ты.

Когда он произнёс это, боль в теле не утихла. Не исчез страх. Не отступил час, который шёл ему навстречу. Но в душе его окрепло спокойное послушание, и оно было даром, а не поражением.

Он поднял голову.

— Отче, — молил он, — дай мне силы любить их до конца. Дай мне силы не проклясть тех, кто будет бить меня. Дай мне силы взглянуть на Петра с милосердием. Дай мне силы принять поцелуй Иуды без ненависти. Дай мне силы нести крест, когда тело моё будет падать. Дай мне силы остаться твоим Сыном, даже когда я буду казаться человеком, которого оставил Бог.

В саду повеяло ветром. Листья маслин зашелестели, словно над ним скользнула невидимая рука. Иисус дышал тяжело, но ровнее. Кровавые капли на лбу медленно остывали.

Когда он вернулся к ученикам, они спали.

Пётр сидел, уронив голову, Иаков молчал во сне, а Иоанн дышал беспокойно, словно грядущий ужас коснулся и его. Их сморила печаль. Плоть была слаба. Они были людьми.

Иисус какое-то время смотрел на них.

— Так вы не могли и одного часа бодрствовать со мною? — спросил он.

В голосе его звучал не один упрёк. Была в нём и боль человека, который в самый тяжкий час остался один. Но и нежность того, кто знал об их слабости прежде, чем они сами в ней признались.

— Бодрствуйте и молитесь, — сказал он, — чтобы не впасть в искушение. Дух бодр, плоть же немощна.

Потом он вновь обернулся к темноте сада.

Они знали лишь, что он уходит молиться.

А он знал, что идёт навстречу часу, который уже шагает по дороге с факелами.

Примечания автора к главе:

Эта глава во многом опирается на описание событий в Гефсиманском саду в Новом Завете. Видения будущего, открывающиеся Иисусу, добавлены автором.

2. Земля: Поцелуй Иуды II

Когда в саду он подошёл к Иисусу, ночь у стены вернулась с такой силой, что на миг исчезли и воины, и факелы.
Он снова стоял перед ним. Снова чувствовал собственное дыхание. Снова слышал: довольно.

Только на этот раз за его спиной стояли вооружённые люди.

— Радуйся, Равви, — сказал он.

Иисус взглянул на него, и Иуда понял: он знает и о первосвященниках, и о серебре, но главное — понимает, почему он избрал именно этот знак.
Иуда поцеловал его.

На этот раз всё внешне было спокойнее. Мимолётно, на людях, как велел обычай. Но оттого и страшнее. Первый поцелуй был срывом страсти. Этот — его мёртвым близнецом: уже не мольба о том, чтобы его приняли, а метка на жертве.
Иисус сказал:

— Иуда, целованием ли предаёшь Сына Человеческого?

И в этом вопросе Иуда услышал другой, невысказанный:

Тем самым, в чём я однажды должен был тебе отказать, ты теперь предаёшь меня?

Иуда отступил.

Он ждал, что в нём шевельнётся торжество. Хоть слабое. Хоть горькое. Но не было ничего. Только пустота, в которую он начал падать.

Примечания автора к главе:

Глава во многом опирается на описание этой сцены в Новом Завете. Размышления Иуды придуманы и добавлены автором в соответствии с остальным повествованием.

3. Эларион: Солнце Элариона

Над центральными областями Элариона медленно поднималось солнце, словно и ему нужно было время, чтобы вглядеться в мир, который за последние столетия изменился сильнее, чем кто-либо мог себе представить.

Его звали просто — Солнце Элариона. В древних языках у него было множество имён. В песнях селенитов его имя звучало мягко, как дыхание леса, на вейранских навигационных картах оно было обозначено точным спектральным кодом, а в родовых хрониках аурелиан о нём писали как об оке, которое помнит все роды. Но для большинства людей оно было просто солнцем. Светом над городами, теплом над морями, сиянием на металлических гранях орбитальных колец.

С высоты Эларион казался планетой, которой уже ничто не могло повредить.

Его океаны соединяла сеть плавучих энергетических полей. Над континентами висели транспортные ярусы, в которых бесшумно перемещались грузовые коридоры, пассажирские модули, автономные суда и спасательные системы. На ночной стороне планеты нигде не гасли все огни. Города светились, как нервная система огромного живого существа.

Вдоль экватора широкой дугой тянулось орбитальное кольцо. Оно не было сплошным, как круг, начерченный детской рукой. Его составляли тысячи станций, доков, горнодобывающих узлов, исследовательских садов и энергетических якорей. Между ними сновали флотилии автоматических кораблей, державших курс на Таэрон, вторую планету системы.

Некогда Таэрон был всего лишь каменным шаром под тонким небом. Вода у него была, но её не хватало. Была атмосфера, но, чтобы ею можно было дышать, требовалось изменить её состав. Ночь тянулась слишком долго, а в пустынях ветер вёл себя как враг. И всё же эларионцы уже много веков назад решили, что не оставят Таэрон мёртвым.

Сначала туда отправили машины.

Потом — станции.

Потом — города под куполами.

Потом — закрытые сады и лесные купола.

А под конец появились дети, которые родились под куполами Таэрона и считали его резкий свет естественным.

Именно Таэрон научил Эларион мыслить в масштабах космоса, и причина была сугубо практической: цивилизация, у которой под рукой был второй мир, не имела права оставаться прикованной к одному. Таэрон был запасным глотком воздуха. Кладовой сырья. Лабораторией будущего. Местом, куда можно было перенести целые отрасли промышленности, целые исследовательские программы, все мечты о выживании.

Так Эларион рос.

Рос быстро.

Может быть, слишком быстро.

За последние двести лет его жители научились исцелять болезни, некогда опустошавшие города. Они выращивали пищу на закрытых фермах, строили с помощью автономных машин и перебрасывали воду через континенты. Умели восстанавливать повреждённые органы, если у пациента оставалось время и организм выдерживал долгое лечение. Поэтому некоторым учёным смерть начинала казаться задачей, в которой они однажды сумеют лучше разобраться. Но в больницах она по-прежнему была реальна.

Искусственный интеллект работал в больницах, школах, на транспорте и в финансовых сетях. В полученных данных он умел быстро находить закономерности. Однако отдельные системы принадлежали разным государствам и учреждениям. Даже лучшая модель не могла сопоставить записи, к которым не имела доступа, и даже точнейший расчёт не заменял человека, чья подпись должна была стоять под решением.

На Эларионе жило около девяти миллиардов человек.

Три большие ветви.

Аурелиане.

Селениты.

Вейраны.

Все они были эларионцами. Планета и города, история и школы, любовь и конфликты, законы и бедствия — всё это у них было общее. Но различия не исчерпывались культурой и политикой. Они залегали глубже — в строении тела, в

наследственности, в том, как определённые свойства передавались из поколения в поколение.

В глазах аурелиан таилось золотое кольцо.

Разглядеть его удавалось не всегда. Оно проявлялось при определённом освещении, в лихорадке, при глубокой сосредоточенности, от боли или в минуты, когда человек доходил до предела своих сил. Для аурелиан оно было знаком преемственности. Для поэтов — доказательством того, что у души есть светящаяся кайма. Для врачей — генетическим явлением. Для политиков — деликатным вопросом самоопределения. А для кое-кого — давним поводом не доверять.

Селениты славились умением чувствовать равновесие систем. Им хорошо давались медицина, психология, работа с экологическими сетями, с землёй, с водой, с душевными травмами. Они не любили, когда их называли мягкими. Мягкость была лишь на поверхности. Под ней таилась крепость корней.

Вейраны были организаторами. Управленцами, стратегами, переговорщиками, создателями институтов. Во многих государствах они занимали прочные позиции в банковских сетях, консорциумах, советах директоров, на транспорте и в некоторых внепланетных структурах. Несправедливо было бы сказать, что они были властолюбивы. Точнее будет сказать, что они очень рано усвоили язык власти и уже никогда его не забывали.

Эларион не был един.

На нём было сорок государств. Одни были древни, как письменность, другие возникли всего несколько поколений назад. Почти у каждого была своя валюта, свой центральный банк, свои налоговые правила, свои исключения в бухгалтерском учёте и своё представление о свободе.

Некоторые из самых маленьких государств превратили собственные малые размеры в источник дохода. У них не было ни больших городов, ни заводов, ни исследовательских центров. Зато были низкие налоги, закрытые реестры собственников и законы, по которым сохранение тайны становилось государственной услугой. Стоимость создавалась в другом месте, люди трудились в другом месте, машины выпускали продукцию в другом месте, но на бумаге прибыль рождалась именно здесь. С Элариона бежали не заводы. Ускользала сама налоговая база, из которой должны были оплачиваться школы, больницы и общая доля граждан.

Самым большим государством и самым влиятельным в области технологий и политики был Союз.

Его столицей была Нитра. Город, построенный на реке и семи холмах.

В Нитре часто решались вопросы, которые лишь с виду были внутренним делом страны, а на самом деле касались всей планеты. Здесь располагались финансовые советы, крупнейшие вычислительные центры, дипломатические представительства, медицинские консорциумы, банковские узлы и архивы, куда не имели доступа даже иные министры.

С орбиты Эларион казался воплощением успеха.

Стоило приглядеться — и становились видны трещины.

ИИ производил больше, чем люди могли потребить, но многие теряли привычную работу быстрее, чем общество успевало дать их труду новый смысл. Производство росло, а производственные системы сосредоточивались во всё меньшем числе рук. Политики говорили о безусловном базовом доходе, но никто не мог честно ответить, на какой основе его рассчитывать, кто декларирует действительную прибыль и кто определяет долю человека в мире, который тот уже не создаёт своими руками.

Успехи медицины обещали всё более долгую жизнь, а со временем, возможно, и жизнь, у которой практически не будет естественного конца. Пока лишь изредка и вполголоса звучал вопрос: что станет с цивилизацией, если люди будут по-прежнему рождаться, но постепенно перестанут умирать?

Власть говорила о безопасности.

Граждане говорили о свободе.

Банки говорили о неприкосновенности частной жизни.

Государства говорили о суверенитете.

А под всеми этими словами текли деньги.

Некоторые потоки были видны. Большинство — нет.

В этом таилась грядущая гибель.

Не от недостатка разума предстояло пасть Элариону. Разума у него было больше, чем у любой прежней цивилизации.

И в машинах не было недостатка. Они умели предсказывать бури, эпидемии, колебания рынков и рост напряжённости в городах.

Хватало и слов о нравственности. Их было даже слишком много.

Уязвимым его делало другое.

Власть научилась двигаться так, чтобы позади неё не оставалось видимой тени.

А когда власть не отбрасывает тени, простым людям кажется, что между ними и светом никто не стоит.

В тот год, с которого начинается эта история, Солнце Элариона вставало над планетой, уверенной, что самые страшные опасности уже позади.
На Таэроне открывались новые купола.

В Нитре готовились большие дебаты о ББД.

В аурелианском доме Давионов один человек снова противился тому, чтобы его называли наследником чудес.

Одна женщина решала, уйти ли ей навсегда от мужчины, которого она уже научилась бояться.

Одна сестра без золотого кольца глядела на финансовые данные и чувствовала: в них недостаёт чего-то, что должно быть на виду.
А один вейран, принявший любовь за право владеть, ещё не знал, что однажды у его боли появится бюджет.
Мир был прекрасен.

И именно поэтому никто не хотел верить в его хрупкость.

Примечания автора к главе:

Всё, что происходит в этой книге на Элариoне, вымышлено. Однако вероятность существования на других планетах цивилизаций человекоподобных существ, по моему мнению, очень высока. И многим из них, вероятно, уготована судьба, в общих чертах весьма сходная с судьбой земного человечества.

4. Земля: Мария Магдалина

Магдала стояла у воды, и вода там была повсюду.

В сетях, которые поутру поблёскивали на берегу. На руках рыбаков, стряхивавших её с верёвок и с волос. В глиняных кувшинах женщин, что ходили по улочкам ещё до восхода. Она была в воздухе, в солоноватом дыхании озера, в птичьем крике и в рыбном запахе, который пристал к городу, как вторая кожа.
И всё-таки Марию не оставляло чувство жажды.

Эта жажда залегала глубже, чем горло, глубже, чем тело. Безжалостная, она будила Марию посреди ночи, заставляла сесть в темноте, вслушиваться в собственное дыхание и ждать, не зазвучит ли в нём снова чужой голос.
В Магдале о ней говорили шёпотом.

Одни утверждали, что она больна. Другие — что проклята. Третьи — что с ней случилось то, чего с женщиной случаться не должно, и с тех пор душа её бродит по дому, как дым. Дети боялись её, женщины при виде неё осеняли себя крестом, мужчины делали вид, что не замечают. Когда она шла через рынок, разговоры стихали. Когда поднимала глаза, люди отворачивались.
И Мария научилась ходить так, чтобы никому не мешать.

Но внутри у неё было шумно.

Не всегда это были голоса. Иногда — лишь порывы, словно ветер бил в дверь. Порой ей казалось, что мысли в её голове не её. Что внутри неё сидят несколько существ и каждое хочет своего. Одно смеялось. Другое плакало. Одно шептало ей, что Бог её отверг. Другое заставляло вспоминать то, что хотелось забыть. Одно боялось людей. Другое их презирало. Одно хотело бежать к воде и не возвращаться.
А седьмое молчало.

Оно было страшнее всех.

Оно сидело глубоко внутри неё, без голоса и без имени, и просто ждало. Когда оно приходило, Мария ничего не чувствовала. Ни боли, ни стыда, ни страха. Лишь пустоту. Словно кто-то вынул у неё сердце и оставил в груди полость, сквозь которую дует холодный ветер.
В тот день она услышала об Иисусе ещё до того, как увидела его.

Пришёл из Капернаума, говорили люди. Учил в синагогах. Говорил о Царстве Божием, но не так, как книжники. Исцелял больных. Прикасался к нечистым. Ел с теми, кого набожные люди не желали видеть за своим столом. Кое-кто говорил даже, что он повелевает злыми духами и они слушаются его.
Мария сперва лишь усмехнулась.

Не вслух. Про себя. Горько.

Ещё один святой, подумала она. Ещё один будет говорить о грехе, покаянии и чистоте, а увидит такую женщину, как она, — и подберёт край одежды, чтоб не коснулась.
Она не пошла к нему.

По крайней мере, так ей казалось.

Но когда после полудня весь город двинулся к берегу, она пошла вместе со всеми. Сначала только для того, чтобы посмотреть, почему все теснятся в одну сторону. Потом — потому что её несла толпа. А под конец — потому что нечто в ней, не голос, не бес, а скорее давно забытый остаток собственной воли, хотело услышать хоть одну фразу, в которой не звучало бы осуждения.
Иисус стоял у самой воды.

Она представляла его другим. Ничто в его одежде не отличало его от прочих мужчин Галилеи. Сандалии были пыльными. Одеяние — простым. На лице лежала усталость от дороги и солнца. Рядом с ним стояли мужчины. В некоторых она по выговору и по рукам узнала рыбаков. Один был рослый, могучий, с беспокойным взглядом. Другой помоложе, молчаливый, словно всё запечатлевал в памяти.
Были там и женщины.

Вот это её удивило. Не в сторонке, не среди слушателей с краю. Они стояли совсем близко. Одна держалась как женщина из хорошего дома, другая несла корзину с хлебом, третья говорила с учениками так непринуждённо, словно была одной из них.
Иисус говорил о сеятеле.

О зерне, упавшем на дорогу, на камень, в терние и в добрую землю. Мария слушала, и ей казалось, что каждое слово падает по-своему. Иные — туда, где всё в ней окаменело. Иные — на мелкую почву, где ничто не держалось. Иные — в колючки страха. А одно — одно-единственное — куда-то глубже.

— Имеющий уши слышать, — сказал Иисус, — да слышит.

Тогда он заметил её.

Впрочем, может быть, всё было иначе. Может быть, он заметил её прежде, ещё до того, как она оторвала взгляд от пыли. Может быть, он видел её с той самой минуты, когда толпа пришла в движение и она оказалась среди людей, привыкших обходить её, как обходят камень на дороге.

Иисус замолчал на полуслове.

Стоявший рядом Пётр наклонился к нему, словно хотел спросить, продолжать ли. Иоанн посмотрел туда, куда смотрел Учитель. В толпе тоже обернулось несколько человек.

Мария почувствовала это раньше, чем поняла.

Взгляд.

Так на неё в Магдале никогда не смотрели. В этом взгляде не было ни страха, ни отвращения, ни любопытства, ни того снисходительного сострадания людей, почитающих себя чистыми, что порою бывает жесточе презрения.

Этот взгляд искал её не для того, чтобы обличить.

Он знал её.

И потому-то ей захотелось от него бежать.

Иисус стоял у воды и смотрел на неё. В тот миг он словно перестал слышать крики рыбаков, гул толпы, плеск волн и тревожные вопросы учеников. Всё отдалилось. Перед ним осталась одна женщина, закутанная в плащ, с прижатыми к телу руками, чуть поднявшая плечи, словно всё ещё ждала удара.

Он видел в ней страдание.

Это бросалось в глаза.

Он видел тьму, прикипевшую к её душе, как собственная кожа. Видел разорванные ночи, стыд, страх, гнев, пустоту. Видел семь теней, споривших в ней за право на её имя.

Но прежде всего этого он увидел другое.

Близость.

Она пришла внезапно и тихо. Так входишь в чужой дом и улавливаешь запах, знакомый с детства. Так слышишь в песне ноту, которой не слышал много лет, и всё

же знаешь, какая последует за ней. Иисус смотрел на неё, и в нём шевельнулось нечто более древнее, чем память.
Он не знал для этого человеческого слова.

Словно души их когда-то прошли рядом в том свете, из которого люди приходят в мир, и теперь на миг узнали друг друга сквозь пыль, болезнь, стыд и человеческую плоть.
Мария из Магдалы.

Этого имени ещё никто не произнёс, но ему казалось, что он его знает.

Не так, как знаешь однажды услышанное имя. Скорее так, как пастух знает голос овцы, затерявшейся в ночи. Как мать знает шаги ребёнка за дверью. Как Бог знает человека ещё прежде, чем тот научится произносить собственное имя.
Мария стояла в толпе и боролась с собой.

Иисус видел, как чуть дрогнули её губы, хотя она не произнесла ни слова. Как пальцы сжали ткань плаща. Как что-то поднялось в ней против него ещё прежде, чем он к ней обратился.
И всё же там, подо всем этим, была она.

За болезнью, за стыдом, за всеми именами, какими называли её люди, он видел просто её.

И именно эта, скрытая от всех Мария сразу стала ему близка.

Объяснить эту близость он не мог.

До того близка, что стало больно.

Потому что сейчас он видел не только её нынешнее лицо. Он словно видел тени дорог, по которым она не шла, но которые в ней были. Видел девочку у воды, ещё не запятнанную словами, которые люди позднее прилепят к её коже. Видел женщину, которая среди ночи просыпается в ужасе и не знает, чей голос у неё в голове — её или чужой. Видел ещё не наступившее будущее: её шаги за собой, её руки, несущие хлеб, её лицо у креста, её слёзы у гробницы.
И в том далёком будущем — в саду, ещё до рассвета, — вновь увидел её.

Она будет стоять, сломленная горем, и думать, что утратила последний свет. Будет искать его среди мёртвых. И он снова позовёт её по имени.
Мария.

Это имя прозвучало в нём уже теперь.

Ещё до того, как он произнёс его вслух.

Он шагнул к ней.

И тут она вдруг подняла глаза. Их взгляды встретились.

Мария застыла.

К людским взглядам она привыкла. К страху. К осуждению. К мужскому любопытству. К женскому презрению. К взглядам тех, кто хочет помочь, но сперва требует, чтобы страдающий выглядел так, как им представляется страдание.
Этот взгляд был другим.

Он не вторгался в неё силой. Не разглядывал. Не искал пятна, на которое можно указать. Не взвешивал её вину. Не прикидывал ей цену.
Он знал её.

Это было самое страшное.

И самое прекрасное.

Мария вдруг почувствовала, что от этого человека не укрыться. Не потому, что он хотел обличить её перед толпой, а потому, что перед ним ей пришлось бы перестать прятаться и от самой себя. А это было страшнее всех презрительных взглядов Магдалы.
Она отступила на шаг.

— Нет, — прошептала она.

Иисус остановился.

— Не бойся.

Эти слова поразили её с неожиданной силой. Сколько раз люди говорили ей, чтобы не боялась! Но это всегда означало: успокойся, ты нас пугаешь. Или: возьми себя в руки, ты нам мешаешь. Или: замолчи, мы не знаем, что с тобой делать.
В его устах это значило другое.

Не бойся, я знаю тебя.

Не бойся, ты — больше того, что с тобой происходит.

Не бойся: то, что держит тебя, не сильнее Того, кто тебя зовёт.

Мария вздрогнула.

— Ты меня не знаешь, — сказала она.

Иисус долго смотрел на неё с тихой уверенностью, пробуждавшей в ней память о том, чего она никогда не переживала.
— Знаю, — сказал он.

Толпа вокруг них смолкла.

— Откуда? — спросила Мария.

В голосе её звучал вызов, а под ним — мольба.

Иисус ответил не сразу.

Он посмотрел на озеро. Ветер пробежал по воде, раздробив свет на тысячу мелких искр. Потом он снова повернулся к ней.
— Оттуда, — сказал он тихо, — откуда Бог зовёт каждого по имени ещё до его рождения.

Мария не поняла слов, но поняла, как они были сказаны.

И в тот миг совершенно неожиданно в ней отозвалась память, в которой не было образов. Ей показалось, что она уже когда-то стояла перед ним — где-то за пределами Магдалы, озера и этой жизни, слишком тесной и больной для такого света.
Словно душа узнала его раньше глаз.

И именно этого тьма в ней не вынесла.

Сначала закружилась голова. Потом сдавило горло. Толпа вдруг отдалилась, хотя люди всё ещё стояли кругом. Звуки раскололись на острые осколки: детский смех, шорох ткани, плеск волн, чей-то кашель, стук её сердца.
Только не сейчас, подумала она.

Только не здесь.

Она хотела уйти, но ноги не слушались. Женщина рядом заметила, как Мария побледнела, и отшатнулась. Кто-то произнёс её имя. Другой сказал что-то о бесах. Пространство вокруг неё опустело так быстро, как раздаётся в стороны вода под брошенным в неё камнем.
А потом зазвучал голос.

Не Иисуса.

Тот, что был у неё внутри.

— Прочь, — прошептала Мария, сама не зная, к кому обращается: к толпе, к себе или к тому, что в ней поднималось.

Её руки задрожали. Она хотела спрятать их под плащ, но было поздно. Люди пятились. Она видела страх на их лицах. Всё тот же знакомый страх, что годами шёл за ней по пятам. Страх, который говорил ей: «Видишь? Вот кто ты такая. И такой останешься навсегда».

Тогда сквозь толпу прошёл Иисус.

Не пришлось никого просить дать ему дорогу. Люди расступились сами.

Мария опустила глаза. Она не хотела видеть его лицо. Не хотела увидеть отвращение. Сострадание было бы ещё хуже.

Он остановился перед ней.

— Посмотри на меня, — сказал он.

Голос его не был суровым. Не был и мягким. Он был твёрд, словно опирался на что-то незыблемое.

Мария не подняла головы.

— Не могу, — прошептала она.

— Почему?

Она рассмеялась. Коротко, надломленно.

— Потому что ты их увидишь.

— Кого?

— Тех, кто во мне.

На миг стало тихо.

Потом Иисус сказал:

— Я вижу тебя.

Эти слова потрясли её сильнее крика.

Я вижу тебя.

Я вижу тебя. За болезнью, стыдом, голосами и историей, которую рассказывал о тебе город.

Тебя.

Мария подняла глаза.

Иисус смотрел на неё без любопытства, без страха и без отвращения. И именно это было невыносимо. Осуди он её, она бы знала, как быть. Отшатнись он от неё —

мир остался бы таким, каким она его знала. Но он стоял перед ней. Близко. Спокойно. Словно видел в ней не место погибели, а поле битвы, куда пришёл кого-то спасти.

— Не подходи, — сказала она.

— Почему?

— Я причиню тебе зло.

— Нет, — сказал он.

— Ты этого не знаешь.

— Знаю.

Тут в ней вскипело сопротивление. Не её собственное. Древнее, яростное, звериное. Губы её разомкнулись, но слова, сорвавшиеся с них, не были мольбой.

— Что тебе до нас, Иисус Назарянин?

Толпа ахнула.

Мария слышала собственный голос и не узнавала его. Стыд залил её, словно горячая кровь. Ей хотелось броситься на землю, зажать себе рот, исчезнуть. Но Иисус не шелохнулся.

— Довольно, — сказал он.

Он тихо произнёс одно это слово, а Марии показалось, что сквозь него прошло всё небо.

Иные ждали крика. Заклинаний. Величественного жеста. Чего-нибудь, о чём можно вечером рассказать у огня.

Но Иисус просто стоял перед ней и говорил с властью человека, который не спрашивает у тьмы дозволения.

— Больше вам в ней не жить.

Мария согнулась, словно ей на плечи взвалили тяжёлый камень. Из горла вырвалось рыдание, потом крик, потом — ничего. Она опустилась на колени. Упёрлась руками в землю. К ладоням прилипла пыль. Она чувствовала, как один за другим гаснут в ней голоса.

Первый отбивался злобой.

Второй — насмешкой.

Третий — страхом.

Четвёртый — воспоминаниями.

Пятый — стыдом.

Шестой — отчаянием.

А седьмой — тот, молчаливый, — держался дольше всех. Он ничего не говорил. Лишь тянул её обратно в пустоту, в знакомый холод, где можно не надеяться, потому что надежда — лишь другая боль.

Иисус опустился на колени рядом с ней.

— Мария, — сказал он.

Её имя.

Иисус произнёс только её имя — без прозвищ, без обвинений, без всего, что за долгие годы к нему прибавили другие.

Мария.

И в ту же минуту последняя пустота внутри неё разорвалась.

Это был не крик. Скорее вдох. Первый настоящий вдох за долгие годы.

Она вдохнула запах озера. Ощутила пыль под ладонями. Тепло солнца на затылке. Услышала птиц. Людей. Волны. А за всем этим — тишину. Не мёртвую тишину седьмого беса, а тишину после бури, в которой можно жить.

Она заплакала.

Так плачет от облегчения человек, перед которым отперли дверь заточения и сказали: «Выходи. Тебе больше незачем там оставаться».

Иисус не сразу возложил руку ей на голову. Он побыл рядом, подождал, пока выровняется её дыхание.

Потом по-братски, просто, коснулся её плеча.

— Ты свободна, — сказал он.

Мария не поняла.

Свобода — слово для мужчин, у которых нет долгов. Для народов, над которыми не властен Рим. Для птиц над озером. Не для неё.

— Что мне теперь делать? — спросила она.

Иисус чуть улыбнулся.

— Живи.

Этот ответ едва не рассердил её. Слишком просто. Слишком трудно.

— Я не умею.

— Научишься.

— Люди будут помнить.

— Да.

— Будут говорить.

— Да.

— Будут бояться.

— Некоторые.

— А ты?

— Я знаю, кто ты.

Мария смотрела на него, и на лице её облегчение мешалось с недоверием. Будто она боялась, что всякое доброе слово может рассыпаться при следующем вдохе. Будто всю жизнь простояла на земле, которая разверзалась под нею, и теперь впервые не знала, что делать с твёрдой почвой под ногами.

Иисус протянул ей руку.

Мария некоторое время смотрела на неё.

Тёплая, крепкая, обыкновенная ладонь. Ладонь человека, который ходит по дорогам, касается больных, преломляет хлеб, поднимает с земли детей. В ней не было и тени показного могущества. И всё же, когда он протянул руку, Марии показалось, что к ней склонилось всё милосердие мира.

Она медленно вложила ладонь в его руку.

Он встал первым и помог ей подняться.

И в тот миг произошло нечто, чего никто, кроме них двоих, по-настоящему не заметил.

Марии следовало отпустить его руку. Она уже поднялась. Держаться больше не было нужды. Толпа зашевелилась. Ученики перевели дух. Одна женщина принесла воды. Ребёнок, ещё недавно прятавшийся за материнским плащом, теперь высунул голову и с любопытством глядел на неё.

Но рука Марии шевельнулась сама.

Вместо того чтобы отпустить Иисуса, она приложила три пальца к его запястью с внутренней стороны.

Легко.

Точно.

Так, словно знала этот жест задолго до того, как ему научилась.

Иисус замер.

Всё длилось одно мгновение. Такое короткое, что Пётр увидел лишь, как женщина коснулась руки Учителя. Иоанн заметил лишь, что Иисус на миг затих. Иоанна, стоявшая поблизости, увидела лишь женщину, которая ещё толком не пришла в себя. Толпа увидела только конец странного происшествия, о котором под вечер заговорит весь город.

Но Иисус почувствовал её прикосновение.

Три пальца на запястье.

И с этим прикосновением пришло нечто чуждое этому берегу, этому дню, этому телу.

Мария прошептала:

— Не уходи один.

Сказала и сама испугалась.

Слова слетели с губ прежде, чем она успела их понять. Она посмотрела на него так, словно хотела попросить прощения, сама не зная за что. В глазах её было смятение. Не стыд, не страх перед толпой, а глубокое изумление человека, который только что произнёс слова из сна, которого никогда не помнил.

— Не знаю, почему я это сказала, — прошептала она.

Иисус не сразу ответил.

Он смотрел на своё запястье, туда, где ещё ощущал давление трёх её пальцев. Потом взглянул на неё.

В его лице мелькнуло нечто столь тонкое, что невнимательный взгляд принял бы это за сострадание. Но там было не только сострадание. Были и боль, и изумление, и тихое узнавание, в котором он ещё не хотел признаться даже себе.

— Может быть, ты вспомнила что-то, чему ещё не знаешь названия, — сказал он.

Мария затаила дыхание.

— Что?

Иисус на мгновение засмотрелся на озеро. Свет дробился на воде, ветер нёс с берега запах рыбы, соли и мокрых канатов. Всё было самым обыкновенным. И всё же

ему показалось, что за этим обыкновенным миром на миг приоткрылась другая дверь.

Ясно он ничего не разглядел.

Лишь отблеск.

Женщина, идущая с ним рядом.

Улица, озеро и имена были другими.

Но те же глаза.

То же прикосновение.

Три пальца на его запястье.

И те же слова, произнесённые когда-то давно, среди иной пыли, под иным небом:

Не уходи один.

А потом видение исчезло.

Иисус снова взглянул на Марию из Магдалы.

— Верность, — наконец сказал он.

Мария не поняла.

Но слово осталось в ней.

Верность.

Верность осталась в ней, как путь, который душа избирает прежде, чем узнает, какую цену за него заплатит.

Мария опустила глаза.

— Прости, — сказала она. — Я не хотела...

— Знаю.

— Это было так странно.

— Да.

— Мне страшно.

Иисус слегка улыбнулся, но в улыбке его не было лёгкости.

— Человека может испугать и то, что приходит от Бога.

Мария взглянула на него.

— А это пришло от Бога?

Иисус молчал.

Где-то за их спинами вскрикнул ребёнок. Ученики снова пришли в движение. Толпа медленно дышала, словно мир возвращался в привычные границы.
Но между ними двоими осталось нечто, что уже не вмещалось в эти границы.

Женщина, которая прежде стояла возле учеников, подошла к Марии и подала ей воды.

Мария взяла сосуд обеими руками. Пила медленно. Вода была тёплая и отдавала глиной. Лучшей воды она ещё в жизни не пила.
— Как тебя зовут? — тихо спросила женщина.

Мария помедлила, словно ей предстояло заново привыкнуть к собственному имени.

— Мария.

— А я Иоанна.

Мария кивнула. Это имя она запомнила. Позже запомнит и другие. Сусанна. Саломия. Мария Иаковлева. Женщины, которые несли еду, деньги, вести, тревоги, веру. Женщины, которые не всегда будут на виду, но останутся, когда многие исчезнут.
— Ты пойдёшь домой? — спросила Иоанна.

Мария оглянулась на город.

Магдала стояла на прежнем месте. Дома, улицы, рынок, глаза за занавесками. Место, где о ней судили по худшим её дням. Место, где каждая стена хранила отзвук того, что она хотела оставить в прошлом.
Потом она посмотрела на Иисуса.

— Куда ты идёшь? — спросила она.

— В другие города, — сказал он. — Возвещать Царство Божие.

— А таких, как я, ты тоже берёшь с собой?

Иисус посмотрел на неё так, словно вопрос её опечалил.

— Таких и беру.

Мария склонила голову.

Тогда она ещё не знала, куда приведёт её эта дорога. Не знала, что будет слушать притчи, которых не сразу поймёт и которые будут зреть в ней, как зерно. Не знала,

что увидит, как у слепых открываются глаза, как хромые встают на ноги, как гордецы уходят оскорблёнными, а бедняки расправляют спины.
Не знала, что однажды пойдёт за ним до самого Иерусалима.

Не знала, что будет стоять у креста, когда многие разбегутся.

Не знала, что увидит, куда положат его тело.

Не знала, что в темноте пойдёт к гробнице, и боль её будет так велика, что ей покажется: все семь бесов могут вернуться. Но они не вернутся.
Не знала, что будет плакать в саду и искать мёртвого, пока живой не окликнет её, как сегодня:

Мария.

И что тогда она узнает его.

Сейчас она знала лишь одно: внутри у неё тихо.

Иисус повернулся к людям. Иные всё ещё ждали, что он объяснит случившееся. Но он сказал только:
— Приблизилось Царство Божие.

Мария теперь твёрже стояла на ногах.

Колени ещё дрожали. Волосы растрепались, лицо было мокрым от слёз, руки — в пыли. Вид у неё был, как у человека, проигравшего схватку.
Но впервые за долгие годы ей казалось, что она победила.

Иоанна помогла ей расправить плащ.

Мария взглянула на неё и хотела поблагодарить, но слова застряли в горле. Она ещё чувствовала пальцами тепло запястья Иисуса. Ещё слышала собственный шёпот.
Не уходи один.

Она не знала, откуда взялись эти слова. Не знала, почему они казались одновременно чужими и своими. Но знала, что уже не избавится от них. Отныне они будут жить в ней, как огонёк, который несут на ладони, оберегая от ветра.
Иисус уже шёл вдоль берега.

За ним двинулись ученики. Толпа понемногу распадалась на отдельные кучки, голоса, догадки. Иные всё ещё избегали её взгляда. Другие смотрели слишком долго. Один мужчина шептал другому что-то о чуде. Одна женщина плакала. Ребёнок улыбался, сам не зная почему.

Мария осталась стоять между городом и дорогой.

Позади была Магдала.

Впереди — Иисус.

Она оглянулась ещё раз. Не потому, что хотела остаться. Скорее чтобы увидеть место, из которого уходила другим человеком.
И тут она заметила, что Иисус остановился.

Он не обернулся. Лишь чуть повернул голову, словно знал, что она всё ещё стоит там, где человек выбирает не только направление пути.
Их взгляды вновь встретились.

На миг Марии показалось, что всё случившееся между ними произошло не впервые. Что эта дорога уже где-то была. Что он уже где-то шёл впереди неё, а она где-то стояла с тем же подступившим к горлу вопросом.
Пойду?

Останусь?

И что тогда, в том незримом «прежде», она выбрала то же самое.

Она сделала первый шаг.

Потом второй.

И поняла, что тишина внутри неё идёт вместе с ней.

Когда она присоединилась к остальным, Пётр коротко взглянул на неё и тут же отвёл глаза. В этом не было презрения, скорее неуверенность человека, который ещё не знает, как быть с милостью, когда она нисходит на другого. Иоанн уступил ей место. Иоанна пошла рядом.
Иисус шёл впереди.

Мария смотрела, как движутся при ходьбе его руки. Одна из них совсем недавно коснулась её жизни и вырвала её из тьмы. На запястье не было ничего видно. Ни следа от её пальцев. Ни знака. Ни доказательства.
И всё-таки она знала, что нечто осталось.

Не на коже.

Глубже.

Быть может, в нём.

Быть может, в ней.

А может быть, где-то между ними, там, где сходятся пути, которые люди зовут случайностью, потому что не знают их подлинного имени.
Солнце опускалось над озером. Магдала блёкла за их спинами в пыли и свете. Впереди дорога вилась среди холмов.
Мария не знала, что её ждёт.

Но впервые она боялась не только того, что придёт.

Она боялась и того, что это может быть что-то хорошее.

И в этом страхе была странная сладость.

Она шла дальше.

Она шла дальше, и история женщины, которую знали по её бесам, оставалась позади.

Город, от которого она когда-то бежала, отдалялся.

Она ещё не догадывалась, что значит следовать за пророком, которого однажды возненавидят.

Сейчас она шла, как человек, которого окликнули по имени.

А далеко впереди, пока ещё незримые, уже ждали другой сад, другая ночь и другая минута, когда этот день вернётся к Иисусу с такой силой, что он поймёт то, о чём сейчас лишь догадывался.
Что Мария из Магдалы пришла к нему не впервые.

Что иные души знают друг друга не оттого, что встретились.

А встречаются оттого, что уже знали друг друга прежде.

Примечания автора к главе:

Прежде чем написать эту главу, я изучил всё, что в Новом Завете говорится о Марии Магдалине. Ни в одном из доступных источников нет однозначного описания её первой встречи с Иисусом. В главе изложена наиболее вероятная версия их знакомства, за исключением подробностей, добавленных для того, чтобы эта встреча вписалась в повествование.

5. Эларион: Нитра, столица Союза

Нитра не была древнейшим городом Элариона, но держалась так, словно была.

Она стояла на одноимённой реке. Словно память, река текла сквозь город, неспешнее транспортных ярусов над ней, тише вычислительных башен на её берегах. Старый каменный центр Нитры уцелел даже тогда, когда вокруг него выросли прозрачные купола, вертикальные кварталы, консульские парки, трассы автономных модулей и башни финансовых узлов.

В Нитре старого никогда не сносили. Его просто обступало новое.

Вот почему можно было стоять на площади, вымощенной семьсот лет назад, и видеть над головой корабли, уходящие к орбитальному кольцу.

В тот день у города был праздничный вид. На фасадах общественных зданий медленно сменялись прозрачные надписи:

Труд после работы. Ценность после зарплаты. Человек после автоматизации.

Союз созвал большой открытый форум о будущем доходов.

Это был не первый форум о ББД. Такие споры шли уже десятки лет. Сначала идея была академической провокацией, потом социальным экспериментом, затем предвыборным лозунгом и наконец необходимостью, которую политики по-прежнему старались отсрочить.

Но на этот раз времени оставалось всё меньше.

Автоматизированное производство перешагнуло рубеж, который экономисты прежде считали чисто теоретическим. В некоторых областях Союза работу в привычном смысле слова имели менее сорока процентов взрослых. Не потому, что остальные не хотели работать. Их труд перестал быть нужен.

Машины выращивали урожай, строили, сортировали, вели счета, переводили, ставили диагнозы, проверяли, учили и даже сочиняли музыку так дёшево, что человеческий труд становился скорее делом культурного выбора, чем хозяйственной необходимости.

А вот платить по счетам всё ещё приходилось людям.

Жильё.

Еда.

Уход.

Образование.

Лечение.

Достоинство.

Потому и собрались в Нитре представители государств, банков, консорциумов, университетов, гражданских советов, родовых архивов и внепланетных администраций. Большой зал Совета Союза был полукруглым. Над каждым выступавшим появлялись его имя, государство, ветвь, организация и перечень интересов, которые он раскрыл.

У одних возле имени тянулся длинный список.

У других — подозрительно короткий.

Есаир Давион сидел в третьем ряду. Он был приглашён как представитель родовых советов аурелиан, а не как политик. Такие собрания он недолюбливал. Не потому, что отвергал политику. Просто политика обладала удивительным свойством превращать живое страдание в понятие, понятие — в комиссию, а комиссию — в доклад, которого уже никто не читал.

Ещё мальчиком он однажды стоял у постели больного родственника, которого семья привезла в дом Давионов. Старейшина велел ему положить руку больному на лоб. Есаир послушался: ему было четырнадцать, и все ждали. Когда больному стало хуже, кто-то предложил подождать ещё немного: вдруг проявится родовой дар.

Есаир сам вызвал медицинский модуль. Врачи спасли мужчину, а при вмешательстве Есаира даже не было. Через месяц в родовой хронике появилась строка о прикосновении юного Давиона. Имени врача, которая провела операцию, там не оказалось. Тогда Есаир впервые понял, как легко рассказу о чуде заслонить труд живого человека.

Рядом с ним сидела Марея Лиорен.

Они познакомились недавно. Собственно, едва ли можно было сказать, что они знакомы. Дважды виделись на совещаниях по медицинским архивам и однажды — в саду селенитской школы, где Марея говорила с детьми о памяти родов. Больше всего Есаиру запомнилось её молчание. Оно не было пустым. Оно было точным.

Когда кто-нибудь говорил глупости, Марея не улыбалась из вежливости.

Лишь смотрела на человека так, что он начинал слышать собственные слова.

— Как вы думаете, сегодня что-нибудь решат? — тихо спросила она.

Есаир взглянул на трибуну, где первый оратор готовился к выступлению.

— Нет. Сегодня все только объяснят, почему решать пока рано.

Марея едва улыбнулась.

— Слышен голос опыта.

— Это голос Нитры.

На трибуну поднялся вейран по имени Дарен Волтр. Председатель Валютного совета Северного союза, он был одним из лучших ораторов своего поколения. У него был спокойный голос человека, которому никогда не приходилось спешить, потому что остальные ждали его.

— Дамы и господа, — начал он, — никто в этом зале не оспаривает, что автоматизация изменила саму основу общественного договора. Вопрос уже не в том, положена ли гражданину доля в том, что производит цивилизация. Вопрос в том, кто рассчитает эту долю, в какой валюте, под чьим контролем и какой ценой.

На стенах появились графики.

Сорок государств.

Тридцать действующих валют.

Валютные коридоры.

Стабилизационные механизмы.

Экспортные режимы.

Долговые балансы.

— Валюта, — продолжил Дарен Волтр, — не просто расчётная единица. Валюта — это руль государства. Если мы отдадим этот руль единому планетарному учреждению, регионы лишатся возможности действовать сообразно собственным обстоятельствам. Девальвация не всегда преступление. Иногда слабому государству удаётся выжить лишь благодаря ей. Изменчивый курс не всегда плод манипуляций. Иногда он смягчает удар.

По залу прошёл одобрительный гул.

Есаир чувствовал, как вокруг меняется настроение. Вейраны умели говорить о власти так, что в их словах слышалась ответственность. Нередко это и вправду была ответственность. В этом и заключалась их сила.

Но при слове «ценность» ему вспомнилось изречение, знакомое с детства.

Когда придёт пора общего дела, ценность больше не должна ходить в тени. То, что служит всем, должно быть видно всем.

Оно восходило к одному из древнейших сохранившихся аурелианских текстов. Его читали на родовых собраниях, когда принимали на себя обязательства и когда разбирали споры об общем имуществе. Одни считали изречение религиозной заповедью. Другие утверждали, что это всего лишь отголосок давних времён, когда аурелиане вели хозяйство малыми общинами и, чтобы пережить зиму, должны были показывать друг другу свои запасы.

Есаир долго видел в нём прежде всего духовный смысл. Ценность — это правда, честь, жертва, всё то, что человек отдаёт другим, не требуя награды. Тень — ложь, корысть и тайный умысел.

Лишь в последние месяцы ему не давала покоя мысль, что древний текст можно прочесть и вполне буквально.

Может быть, его авторы имели в виду не только ценность самого человека, но и ценность, которую один создаёт, а другой присваивает. Может быть, общим делом был не только храм, род или община. Может быть, им была вся цивилизация.

Всё, что производил Эларион, создавалось с помощью знаний, накопленных за тысячи лет. Машины использовали общественную инфраструктуру, энергию планеты, исследования, оплаченные прежними поколениями, и данные миллиардов людей. И всё же созданная ценность терялась в бухгалтерских книгах частных компаний, валютных переводах и цепочках владения, в конце которых стояло имя, зачастую вовсе неизвестное обществу.

То, что служит всем, должно быть видно всем.

Власть, которая решала судьбы других.

Собственность, которую выдавали за общественную необходимость.

Прибыль, из которой предстояло рассчитать долю каждого.

Есаир не был уверен, что именно это означал старинный текст. Древние слова можно было заставить служить почти любому настоящему. Именно поэтому он противился тем, кто превращал аурелианские хроники в непогрешимые пророчества. И всё-таки он не мог отделаться от ощущения, что пора общего дела уже пришла.

А ценность всё ещё ходила в тени.

Затем выступила селенитка с юга Амении, крупнейшего западного материка планеты. Она говорила о людях, у которых автоматизация отняла не только заработок, но и привычный ритм дня, связи с другими людьми и чувство собственной нужности. Она показала записи рассказов мужчин и женщин, которые работали всю жизнь, а теперь слышали, что, заменив их, цивилизация стала эффективнее.

— Теряя работу, — сказала она, — человек теряет не только доход. Он теряет доказательство того, что нужен миру. ББД не может быть лишь финансовым механизмом. Он должен стать частью нового понимания достоинства.

Потом выступали экономисты.

Потом юристы.

Потом представители систем ИИ, занятых в производстве.

Их речи были точными, взвешенными и утомительными.

Марея наклонилась к Есаиру.

— Вы заметили, что все говорят о том, как рассчитать долю, но никому не хочется показать всё, на чём основан расчёт?

Есаир кивнул.

— Потому что в том, на чём он основан, и есть власть.

— А власть не любит показываться?

— Очень любит. Но только лицом.

Марея взглянула на него. Впервые задержала взгляд.

— А что за спиной?

— Там обычно прячут руки.

Тем временем на трибуне заговорил молодой министр Союза. Он был аурелианином, но золотого кольца в его глазах не было видно. Он говорил о необходимости справедливого ББД, об общественном согласии и о том, что гражданам следует доверять институтам.

Нерай Саэл сидела высоко в боковой галерее для аналитиков. Оттуда она могла в реальном времени открывать слои данных, сопровождавших дебаты. Она видела имена, организации, источники, контрагентов, прежние связи, гранты, публичные заявления, цепочки владения — словом, всё, к чему был доступ.

И именно поэтому её беспокоило то, к чему доступа не было.

У Дарена Волтра отсутствовали три слоя. Это не были ни незаконные данные, ни сведения, засекреченные в рамках уголовного дела. На них просто распространялась защита. Коммерческие интересы. Межгосударственные валютные консультации. Необнародованные договоры об оказании консультационных услуг.
Нерай пометила их.

Не потому, что подозревала Волтра в чём-то определённом. Просто всякая система, в которой что-то оставалось невидимым, начиналась именно так: не с преступления, а с исключения.
Внизу, в зале, спор подходил к главному.

— Без единой валюты и ББД окажется неравным, — сказала одна из экономистов Союза. — Каждое государство будет выплачивать свою долю, по-своему считать объём производства, скрывать свои прибыли и регулировать валюту в угоду собственным политическим интересам.
— А при единой валюте ББД, — ответил вейран из финансового консорциума, — превратится в пособие, которое гражданину будет выдавать центр в обмен на послушание планетарной счётной машине.
— Нет, — раздался голос из задних рядов. — Это будет доля.

Зал затих.

Заговорил не политик. Это был голос Есаира.

Он не собирался выступать. Не просил слова. Фраза вырвалась прежде, чем он успел её удержать.

На стенах высветилось его имя: Есаир Давион, Родовой совет Ауриолы, независимый делегат.

Несколько человек обернулись.

При имени Давион в зале всегда что-то менялось. Слишком неуловимо, чтобы заносить в протокол, но тени у старых мифов были длинные.
Председатель дал ему слово.

Есаир встал.

На миг он вновь увидел слова древнего текста. Не высеченные в камне, не переписанные в родовой хронике — они словно висели над залом рядом с графиками, именами и цифрами.
Когда придёт пора общего дела, ценность больше не должна ходить в тени.

Может быть, все эти века их понимали слишком узко. Может быть, ждали духовного свершения, хотя перед ними стоял вопрос бухгалтерского учёта. Оттого, что речь шла о деньгах, вопрос не становился менее священным.

— Пособие — это то, что власть даёт сверху, — сказал он. — Доля принадлежит человеку уже потому, что он часть цивилизации. Если машины создают ценность из знаний, инфраструктуры, истории и энергии целой планеты, значит, ценность эта рождается не в одних только руках владельцев машин. Она рождается из общего наследия.

Он ненадолго замолк.

— В одном из древнейших аурелианских текстов сказано: «Когда придёт пора общего дела, ценность больше не должна ходить в тени. То, что служит всем, должно быть видно всем».

В зале кто-то зашевелился. Одни узнали цитату. Для других она была лишь отрывком старинного священного текста посреди современных политических прений.

— Долгое время я думал, что речь идёт лишь о нравственности отдельного человека, — продолжал Есаир. — Сегодня я в этом уже не уверен. Цивилизация стала общим делом в куда более буквальном смысле, чем могли вообразить наши предки. Наши машины пользуются общим знанием. Наша экономика держится на общей инфраструктуре. Всё, что мы производим, создаётся трудом живых и мёртвых. И если это должно служить всем, должно быть видно, где создаётся ценность, куда она уходит и кто ею распоряжается.

Он перевёл взгляд на данные на стенах.

— Долю нельзя рассчитать вслепую. Если гражданин не видит, из чего рассчитана его доля, ему не воздают по справедливости. Его лишь успокаивают.

В зале стояла тишина.

В ней слышалось скорее предвестие опасности, чем согласие.

Дарен Волтр слегка улыбнулся.

Презрения в его улыбке не было. Скорее удовольствие человека, который наконец услышал тезис достаточно весомый, чтобы стоило приняться за его разбор.

— Хорошо, — сказал он. — Примем ваше различие между пособием и долей. Согласимся даже, что человек вправе знать, из чего рассчитана его доля. Так что вы предлагаете? Каким образом вы намерены добиться, чтобы исходные данные для расчёта были полными, прозрачными и при этом поддавались проверке?

Со стен зала исчезли графики валютных курсов. Их сменила схема планетарного производства.

Энергия.

Земля.

Автоматизированные заводы.

Исследования за общественный счёт.

Частные патенты.

Архивы данных.

Внепланетная добыча сырья.

Миллионы узлов соединялись линиями, пересекавшими границы государств, валют и структур собственности. Одни прослеживались отчётливо. Другие терялись в переплетении фондов, банков и компаний, чьих владельцев общество не знало.
Есаир немного помолчал, глядя на них.

— Нельзя рассчитать долю для всех по данным, которые известны горстке избранных, — сказал он. — И нельзя проверить, справедлива ли система, пока её важнейшие части закрыты банковской тайной, коммерческой тайной или валютным суверенитетом.
— Это всё ещё не предложение, — возразил Волтр.

— Это его начало.

Есаир поднял взгляд на схему.

— Ценность не должна ходить в тени. Чтобы знать, какая ценность создана на Эларионе, кто её создал, кто присвоил и какая её доля принадлежит остальным, мы должны видеть её движение.
В зале раздалось несколько приглушённых голосов.

— Поэтому финансовые потоки по всей планете должны стать в значительной мере прозрачными, — продолжал Есаир. — Не только расходы государств. Не только счета политиков и договоры государственных учреждений. Должно стать видимым и движение крупного частного капитала. Связи между владельцами. Конечные получатели. Переводы из валюты в валюту. Финансирование политического влияния. Покупка инфраструктуры, земли, средств массовой информации, исследований и технологий, способных изменить жизнь миллионов.

В галерее для аналитиков Нерай перестала писать.

Она ожидала предложений об усовершенствовании реестров, более строгом аудите или единых правилах отчётности о производстве. Но Есаир поставил под сомнение саму границу между общественными и частными финансами.

Волтр оставался спокоен.

— Все финансовые потоки?

— Я сказал: в значительной мере.

— Очень удобная оговорка.

— Она необходима. Тот, кто платит за еду или лекарство, не решает тем самым судьбу планеты. А тот, кто покупает сеть больниц, берёт под контроль энергоснабжение или начинает финансировать политическое движение, распоряжается уже не только своей жизнью.

— И кто же проведёт границу между малым и большим?

— Общество.

Волтр усмехнулся.

— Общество ничего не определяет. Это делают институты, которые говорят от его имени.

— Тогда и они должны быть прозрачны.

Зал коротко, нервно засмеялся.

Волтр дал смеху стихнуть.

— А как же частная жизнь? — спросил он. — Вы хотите, чтобы каждый гражданин видел счета любого другого? Где тот делает покупки, кому помогает, кого поддерживает, где бывает и чего, возможно, стыдится?

Вопрос повис над залом.

Он был проще всех предыдущих. И оттого опаснее.

Есаир ненадолго замолк.

— У права на частную жизнь был свой смысл, — сказал он. — И он по-прежнему есть. Это право защищает сокровенную жизнь человека, его семью, здоровье, отношения, убеждения, оставляет ему место, где он ничего не обязан объяснять обществу.

— Значит, вы со мной согласны.

— Не во всём.

Есаир опёрся ладонью о спинку стоявшего перед ним кресла.

— Во многом тайна финансов возникла не для защиты человека от других людей. Она возникла для защиты человека от власти. От продажного государства, от произвола правителя или учреждения, которое могло обратить против него любые сведения.

Он взглянул на делегатов государств в первых рядах.

— Там, где государство непрозрачно, частная жизнь может быть последним прибежищем свободы. Но если мы хотим создать общество, в котором прозрачна сама власть, мы должны спросить себя: кого теперь укрывает та же самая тень — по-прежнему слабых или всё чаще сильных?

На этот раз никто не засмеялся.

— Простой человек не хочет, чтобы посторонние следили за каждой его покупкой,

— продолжал Есаир.

— Но когда размер имущества и сделок переходит определённую черту, вопрос о конфиденциальности перестаёт касаться одной лишь частной жизни.

— Почему?

— Потому что крупное состояние — уже не только частное дело.

В зале зашевелились несколько представителей консорциумов.

— Крупное состояние позволяет менять цены и условия труда, перераспределять земельную собственность, менять облик городов, влиять на исследования, на средства массовой информации, а иногда и на законы. С какого-то момента важно уже не только то, чем человек владеет. Важно, что он может сделать с другими в силу того, чем владеет.

Волтр скрестил руки.

— И потому человек должен лишиться права на частную жизнь?

— Потому должен быть виден масштаб его власти.

— Разница только в словах.

— Нет. Личная жизнь и власть — разные вещи.

Голос Есаира оставался спокойным.

— Никому не нужно знать, что вы заказали на ужин, кому послали личный подарок или где провели ночь. Но общество вправе знать, что через десять фондов вы получили контроль над его водоснабжением. Вправе знать, что компания, финансирующая политическую партию, принадлежит тому же владельцу, что и консорциум, которому эта партия отдаёт государственные заказы. Вправе знать, что прибыль, заявленная в одном государстве, возникла в другом и исчезла в третьем.

На стенах появилась обезличенная схема владения. Цепочка собственников одного предприятия тянулась через четырнадцать компаний, шесть государств и три внепланетные юрисдикции, а в конце след собственника терялся в закрытом фонде.

— За тайной частной жизни сильных мира сего часто скрывается целый механизм.

Волтр всмотрелся в схему.

— А вы хотите, чтобы каждый видел все механизмы?

— Я хочу, чтобы любая значительная власть оставляла зримый след.

— В реальном времени?

Есаир на мгновение заколебался.

— Достаточно быстро, чтобы прозрачность не сводилась к археологии.

По залу прокатилось волнение.

— Значит, недостаточно раскрывать бухгалтерскую отчётность за истекший год, — сказал Волтр. — Вы хотите, чтобы крупные финансовые потоки были видны постоянно.

— Да.

— А кто будет за ними следить? Государство? Валютный совет? Планетарный банк?

— Ни одна из этих организаций в одиночку.

— Так кто же?

Есаир обвёл взглядом зал.

— Я пока не знаю, каким именно должно быть устройство такой системы. Но знаю, какой она быть не должна. Она не должна принадлежать одному правительству, одному банку, одному государству или одной расе. Она не должна стать оком, которое видит всех, а само остаётся невидимым.

Марея взглянула на него.

Есаир защищал не одну лишь прозрачность денег. Он искал способ сделать прозрачным и само наблюдение.

— Каждый просмотр данных должен оставлять след, — продолжал он. — Если какое-нибудь учреждение проверяет человека, тот должен знать, что именно это учреждение наводило о нём справки. Если аналитическая система помечает операцию как рискованную, должна быть возможность проверить правила, на основании которых она это сделала. Если кому-то в порядке исключения позволено не раскрывать сведения, должно быть видно, что такое исключение существует, кто его разрешил и до какого срока.

Нерай слегка подалась вперёд.

Это уже не обычный реестр. Это система, в которой обе стороны видят друг друга. Проверяющим были бы видны деньги, а тем, кого проверяют, — сами проверяющие.

Но Волтр не отступил.

— А преступник? — спросил он. — Он тоже должен знать, что им заинтересовались?

— Да.

По залу прокатился гул.

— Тогда он переведёт деньги.

— Если их можно перевести так, чтобы они исчезли, значит, система уже дала сбой.

— Он уничтожит улики.

— Запись о движении денег, однажды внесённую в систему, нельзя будет уничтожить.

— Он скроет свой замысел.

— Замысел скрыть можно всегда. Но мы не можем оберегать власть только потому, что прозрачность не позволяет читать мысли.

Волтр замолчал.

Впервые улыбка исчезла с его лица.

— Вы понимаете, что описываете?

— Не вполне.

— Вы описываете конец банковской тайны.

— В её нынешнем виде — возможно.

— И во многом конец коммерческой тайны.

— Если коммерческая тайна скрывает власть над чужими жизнями, то, возможно, и её.

— А может быть, и конец валютного суверенитета государств.

Есаир посмотрел на символы десятков валют над трибуной.

— Если валютный суверенитет означает право скрывать данные, от которых зависит уровень жизни собственных граждан, тогда да.
В зале воцарилась тишина.

На этот раз она была не просто опасной.

Она была враждебной.

Есаир чувствовал, как меняются взгляды в первых рядах. Ещё минуту назад он был представителем старинного аурелианского рода, которого следовало выслушать из вежливости. Теперь стал человеком, покусившимся на права, которыми держались целые государства, банки и консорциумы.
Волтр сел.

Председатель уже готов был передать слово следующему делегату, но никто не поднял руки.

На стенах осталась схема финансовых потоков планеты.

Миллионы линий.

Одни чёткие.

Другие прерывистые.

А многие обрывались во тьме.

Марея наклонилась к Есаиру.

— Вы понимаете, что только что разозлили чуть ли не всех на этой планете, у кого денег больше, чем у вас?
Есаир сел.

— Для этого многого не надо. У меня денег всегда было мало.

— Не думаю, что ваша скромность их успокоит.

Он посмотрел на неё.

— По-вашему, я зашёл слишком далеко?

Марея перевела взгляд на тёмные участки схемы.

— Нет, — сказала она. — По-моему, вы ещё только указали направление.

Высоко над ними Нерай открыла новую аналитическую запись.

Она не внесла имя Есаира ни в список подозреваемых, ни как источник политического риска. Записала только две фразы.

Если человеку полагается справедливая доля в общей ценности, никакая ценность не может оставаться невидимой.

Если финансовая власть должна поддаваться контролю, нужно видеть и движение денег, и каждого, кто за ним наблюдает.

Она сохранила запись.

Она и не подозревала, что несколько лет спустя вернётся к ней.

Когда вопрос будет уже не в том, позволено ли ценности ходить в тени.

А в том, сколько жизней может скрыть тень.

В противоположном конце зала, среди гостей финансовых консорциумов, сидел Ариен Корвет.

Он смотрел на Есаира не как на оратора.

На мгновение взгляд его перебежал к Марее, потом вернулся к мужчине посреди зала. В этом взгляде было что-то более личное, чем политическое несогласие или тревога финансиста, чьим интересам новая идея может повредить.

Так смотрел Ариен: его задели за живое.

В нескольких креслах от Ариена сидел Каэл Торн.

Его имя не значилось ни над одной трибуной. Он не представлял ни государство, ни партию и официально не выступал от имени какого-либо финансового дома. И всё же его знали главы банков, управляющие крупнейшими фондами и люди, решавшие, перед кем из политиков откроется дорога к власти.

Пока Есаир говорил, Каэл наблюдал не только за оратором.

Он наблюдал за залом.

Он знал, что подлинное значение слов часто отражается не на лице того, кто их произнёс, а на лицах тех, кого они задели. Он видел беспокойство управляющих фондами, осторожность представителей валютных советов и тихие усмешки политиков, убеждённых, что идеи Есаира улетучатся задолго до того, как дело дойдёт до законов.

Самому ему было не до смеха.

Когда Есаир сказал, что то, что служит всем, должно быть видно всем, Каэл почувствовал такой острый страх, что на миг ему показалось, будто зал смолк для него одного.

Мало кто знал об этом, но власть его во многом держалась как раз на том, что никто не мог увидеть её целиком. Банки знали его фонды, но не их конечных владельцев. Политики знали жертвователей своих фондов, но не происхождение их денег. Партийные управляющие видели счета, но не цепочки, которые их соединяли. Чиновники знали отдельные компании, но не тот дом, к которому вели все нити.
Прозрачность означала бы не просто новые правила.

Для Каэла она означала разоблачение.

Она сделала бы видимым имущество, скрытое за управляющими и фондами. Деньги, ушедшие от налогов. Партии, которые на глазах у всех ненавидели друг друга, а втайне кормились из одних источников. Сделки, которые выглядели законными, хотя первый вложенный в них капитал происходил из тех мест, о которых не принято говорить в приличном обществе.
Есаир не просто предложил экономическую реформу.

Сам того не зная, он вынес приговор миру, который Каэл строил всю жизнь.

Каэл испугался до смерти.

Не потому, что верил, будто прозрачность настанет уже завтра. Принятие законов можно было затянуть, комиссии — завалить работой, публику — утомить. Пугало другое: слова Есаира были просты. Люди могли их понять. А понятную людям мысль можно подавлять лишь до тех пор, пока её не выскажет кто-то, кому они готовы поверить.
И тут он заметил Ариена.

Увидел, как напряглись у него желваки при взгляде на Есаира. Как глаза на миг задержались на Марее. Как менялось лицо всякий раз, когда внимание зала обращалось к Есаиру.
Ариен боялся не только того, что предложил Есаир.

Ему мешал сам Есаир.

Каэл отвернулся прежде, чем Ариен успел заметить, что за ним наблюдают.

На трибуне председатель благодарил Есаира за выступление. Зал понемногу возвращался к повестке, словно ничего существенного не произошло. Следующий оратор уже ждал своей очереди, на стенах готовились появиться новые графики.
Но Каэл Торн знал: бывают мгновения, которые можно узнать прежде, чем они сами постигнут свой смысл.
Есаир Давион только что назвал вслух мир, в котором власти пришлось бы показать свои руки.

Каэл знал, что увидели бы на его руках.

А через несколько кресел от него сидел человек, который явно мечтал заставить Есаира замолчать по причинам куда более личным.
Каэл запомнил имя Ариена.

По дороге с форума Марея включила вечерние новости. На одном канале под лицом Есаира появилась надпись: ДАВИОН ХОЧЕТ ВИДЕТЬ КАЖДЫЙ СЧЁТ. На другом объясняли разницу между покупкой еды и владением больницей. На третьем представитель банков утверждал, что провести надёжную границу между тем и другим невозможно.
— Я говорил о масштабах власти, — произнёс Есаир в коротком фрагменте записи. Ведущая перебила его: «Значит, о границах частной жизни?»

Марея выключила передачу. Утром они с Есаиром должны были встретиться у медицинских архивов. Она уже знала, какой вопрос задаст ему первым.

6. Земля: Поцелуй Иуды

Иуда долго верил, что человек может одолеть себя, если достаточно крепко запрётся изнутри.

С детства он знал слова Закона. Знал, что чисто и что нечисто. Знал стыд, о котором не говорят вслух, а носят его в теле, как тайную рану. В синагоге он слушал, как мужчины говорят о грехах язычников, о порочных городах, о страстях, ненавистных Богу. И всякий раз опускал голову чуть ниже других, чтобы никто не заметил, как жадно он слушает.

Он никогда не позволял себе назвать то, что в нём жило.

И вовсе не потому, что не знал. Напротив. Он знал это ещё с юности, когда стал замечать то, чего замечать не следовало: шею мужчины, склонившегося над работой, силу рук, тянущих сеть, голос немолодого учителя, который говорил с ним ласковее, чем с другими. Всякий раз его внезапно окатывало жаром, а следом приходил ужас.

Нет.

Только не это.

Только не я.

Он научился жить так, чтобы ничего не было видно. Научился говорить рассудительно, держаться прямо, смотреть людям в глаза ровно столько, сколько было безопасно. Научился презирать слабость, ведь больше всего его пугала собственная. Когда мужчины шутили о женщинах, он улыбался именно тогда, когда полагалось улыбаться. Когда заговаривали о женитьбе, он переводил разговор на деньги, на Рим, на храм — на всё, что имело вес и от чего не веяло тайной.

Потом он встретил Иисуса.

И всё, что он годами держал в себе под камнем, зашевелилось.

Не сразу это стало плотским. По крайней мере, так объяснял себе Иуда. Сперва было почтение. Потом восхищение. Потом благодарность. Потом нечто, что он ещё мог называть верностью. Иисус произносил его имя так, точно за ним не таилось никакой скверны. Смотрел на него без отвращения, без насмешки, без того особенного мужского подозрения, которого Иуда боялся всю жизнь.

В этом-то и была опасность.

В чистоте Иисуса не было неприступности каменной стены. Она была открыта. Рядом с ним человек чувствовал и вину, и надежду, что кто-то увидит его всего, как есть, и он уцелеет. Для других это было утешением. Для Иуды — искушением.
Труднее всего приходилось в самые обычные дни.

Вечером у костра, когда Иисус сидел усталый, плащ сползал у него с плеча, а свет тихо обрисовывал его лицо. Утром, когда он мыл руки и вода стекала по запястьям. В пути, когда кто-нибудь из учеников слишком близко наклонялся к нему, чтобы о чём-то спросить. В такие минуты Иуда чувствовал, как в груди у него поднимается нечто, что он тут же вытаптывал молитвой.
Господи, избавь меня от этого стыда.

Но стыд не уходил.

Он лишь учился молчать.

Однажды вечером, после долгого дня в селении, где Иисуса со всех сторон теснили больные и просители, Иуда так и не лёг. Остальные спали под навесом тяжёлым сном усталых мужчин. Пётр храпел. Фома во сне повернулся к стене. Иоанн лежал, натянув плащ до подбородка, такой безмятежный, словно мир никогда не был ему врагом.
Иуда немного посмотрел на него, ненавидя этот покой.

Потом увидел, как Иисус вышел из дома.

И пошёл следом.

Сказал себе, что надо поговорить о деньгах. О завтрашнем пути. О том, как всё опаснее становится вокруг. Разумный повод всегда находился. Человеку нужны разумные поводы, когда им движет то, в чём он боится признаться.

Иисус стоял у невысокой стены за домом. Над землёй лежала ночь, тёмная и тёплая. Вдали лаяла собака. Где-то за оливами стрекотали насекомые. Иисус положил руки на камень и склонил голову, словно и в молчании продолжал молиться.
— Равви, — сказал Иуда.

Иисус обернулся.

— Иуда.

Имя отозвалось в нём. Как всегда. Словно, когда Иисус его произносил, с Иуды спадало всё, во что он себя облекал.
— Тебе не стоит быть одному, — сказал Иуда.

Иисус спокойно посмотрел на него.

— А тебе?

— Я не сплю.

— Вижу.

Иуда коротко и жёстко усмехнулся.

— Ты всегда видишь.

Иисус молчал.

Иуда чувствовал, что надо уйти. Он ещё мог. Достаточно было сказать что-нибудь обыденное, повернуться, вернуться к остальным, а утром идти дальше, словно ничего не случилось. Он так и спасался всю жизнь: в последний миг отступал.
Но в ту ночь он устал от собственной клетки.

— Ты знаешь, что пробуждаешь в людях? — спросил он.

Иисус не шевельнулся.

— Что я пробудил в тебе?

У Иуды перехватило горло.

В вопросе не было упрёка. Оттого и было хуже. Иисус спросил так, словно видел перед собой не грех, а человека у края пропасти.
— Я не хочу об этом говорить.

— Зачем же ты пришёл?

Иуда отвёл взгляд. Посмотрел на стену. В темноту. На свои руки.

— Потому что у меня больше нет сил.

Лицо Иисуса смягчилось, сохранив твёрдость.

— На что у тебя нет сил?

Иуда резко выдохнул.

— На то, что во мне.

На миг стало так тихо, что у него в ушах застучала кровь.

— Я всю жизнь молюсь, чтобы это ушло, — продолжал он. — Всю жизнь слежу за собой. За взглядом. За словами. За руками. Где стою. Кого обойду стороной. К кому не подойду близко. Я думал, приду к тебе и стану чистым.
Иисус слушал его, не перебивая.

— А стало ещё хуже, — сказал Иуда. — Рядом с тобой ещё хуже.

Иисус потупился, словно от этих слов ему стало больно.

— Иуда...

— Нет, — перебил он. — Не произноси так моего имени. Не говори так, будто я ещё могу стать кем-то другим.

— Можешь.

— Не могу.

— Ты можешь остановиться.

Иуда дрогнул. От злости, от боли или от надежды — было не понять.

— Ты говоришь как человек, который не знает, что значит носить в себе запретное.

— Я знаю, что такое искушение.

— Только не это.

Слова прозвучали резче, чем он хотел. Но брать их назад он не стал.

Иисус стоял перед ним безмолвно.

— Сейчас я тебе не судья, — сказал он.

Иуда засмеялся, на этот раз почти отчаянно.

— Ты-то мне и судья. Посмотри ты на меня с отвращением — как было бы просто. Прогони ты меня — я бы знал, кто я такой. А ты смотришь так, словно я всё ещё один из вас.

— Ты и есть один из нас.

— Но я хочу другого.

Сказав это, он испугался собственных слов.

Отступать уже было некуда.

Лицо Иисуса наполнилось печалью.

— Иуда, этот путь никуда не ведёт.

— Какой путь?

— Желание завладеть человеком.

— Я не хочу тобой владеть.

Но, даже произнося это, он знал, что лжёт.

Он хотел его взгляда. Его голоса. Хотел, чтобы тот был только его. Чтобы хоть раз Иисус перестал принадлежать всем: больным, детям, женщинам, Петру, Иоанну, всему Израилю, Богу. Он хотел одного мгновения, которое было бы только его.
И желание, так долго пробывшее взаперти, успело сбросить стыд, прежде чем разум успел его удержать.

Он шагнул к нему.

Иисус поднял руку, скорее полагая предел, чем угрожая.

— Стой.

Но Иуда уже не слушал. Или услышал и именно потому шагнул дальше. Ухватил его за рукав. Не грубо, но настойчиво, как тонущий цепляется даже за того, кого может утянуть за собой.

— Только раз, — прошептал он.

— Нет.

Слово было ясным. Спокойным. Твёрдым.

В тот миг у Иуды потемнело в глазах.

Он наклонился и поцеловал его.

В этом поцелуе не осталось ничего от приветствия или братского почтения. Иуда вложил в него голод, отчаяние, одиночество, отвращение к себе, жажду быть принятым и гнев оттого, что об этом надо просить. Он поцеловал его порывисто, потом ещё раз, словно первое короткое прикосновение не могло вместить всего, что он в него вложил.
Иисус отстранил его.

Иисус отстранил его твёрдо, без удара, без ненависти, и Иуда сразу понял: ни малейшего просвета, ни возможности, ни «может быть».
Руки Иисуса лежали у него на плечах.

— Довольно.

Иуда тяжело дышал. Бледное лицо его горело. В глазах блестели слёзы, но он не плакал. Пока ещё нет.

— Значит, всё-таки так, — сказал он.

— Нет.

— Ты меня отвергаешь.

— Я отвергаю то, что ты сделал.

— Это одно и то же.

— Нет.

— Для тебя — нет! — вспыхнул Иуда. — Ты всегда всё разделяешь так, чтобы самому остаться чистым. Грех и человека. Желание и поступок. Милосердие и предел. Но меня не разделить. Отталкиваешь это — отталкиваешь меня.

Иисус по-прежнему держал его за плечи, но говорил всё так же тихо.

— Ты — не то, что разрывает тебя на части.

— Зато тот, кто хочет, — это я.

— А другой человек не обязан отдаваться твоему желанию.

Слова упали между ними камнем.

Иуда смотрел на него.

В тот миг он до конца понял, где проходит черта. Она стояла перед ним, незыблемая, как запертая дверь.

Сначала всё в нём обрушилось внутрь. Потом начало меняться.

Стыд обратился в гнев.

Гнев — в обвинение.

Обвинение — в уязвлённую гордость.

Он отступил.

Иисус отпустил его.

— Иуда, — сказал он, теперь уже настойчивее, — не оставайся с этим один.

Но Иуда услышал лишь унижение. Он услышал в этих словах: ты слаб. Ты опасен. Тебе нужна помощь. Услышал всё, кроме того, что в них действительно было.

— Не оставайся с этим один, — передразнил он. — А с кем мне остаться? С тобой? При тебе? Возле тебя? Одним из многих?

Иисус молчал.

— Так вот она, твоя любовь? — продолжал Иуда. Голос его стал жёстче. — Дать человеку достаточно света, чтобы он увидел собственное убожество, и слишком мало тепла, чтобы не замёрзнуть?

— То, чего ты от меня требуешь, — не любовь.

Иуда дёрнулся, будто от удара.

— Так назови это.

Иисус ответил не сразу.

И в этом кратком молчании Иуда чувствовал себя окончательно раздавленным. Он знал, что Иисус мог бы произнести слова Закона. Мог осудить его так, как осуждали в синагогах, в тайных мужских разговорах, взглядами тех, кто не сомневался в собственной чистоте. Мог изгнать его, назвать нечистым, мерзким, извращённым.

Но Иисус этого не сделал.

И Иуде ничуть не стало легче.

Напротив.

Если Иисус не объявил его чудовищем, у Иуды не было оправдания, чтобы чудовищем стать. Если не проклял его, тогда всё, что он сделает с этой минуты, будет только его делом.

Это было невыносимо.

— Ты жесток, — тихо сказал Иуда.

Иисус шагнул к нему.

— Нет.

— Жесток. Ты ведь знаешь, что человек хочет услышать, и не говоришь ему этого. Знаешь, что сломило бы его, и оставляешь стоять. Знаешь, как ты ему нужен, и говоришь: остановись.

— Да, — сказал Иисус. — Если иначе больно будет и тебе, и мне.

Иуда рассмеялся. Теперь в этом смехе не осталось мягкости. Одна горечь.

— Не бойся. Больше я к тебе не прикоснусь.

— Не уходи с гневом.

— А с чем же?

Иисус долго смотрел на него.

— С правдой.

Лицо Иуды замкнулось.

— Прибереги свою правду для тех, кому позволено сидеть к тебе ближе.

Иисус понял.

— Иоанн тут ни при чём.

— Разумеется, — сказал Иуда. — Никто никогда ни при чём. Один я.

Он повернулся, чтобы уйти.

— Иуда.

Он остановился, но не обернулся.

— Твоё имя не означает стыда.

Иуда стоял в темноте, и слёзы наконец подступали к глазам. Он с такой силой сглотнул их, что заболело горло.

— С этой ночи означает, — сказал он.

И ушёл.

Иисус остался у стены один.

Обратно Иуда шёл медленно, чтобы не дрожали ноги. Когда он вернулся под навес, остальные всё ещё спали. Мир не переменился. Пётр всё так же храпел. Фома даже не шевельнулся. У спящего Иоанна было безмятежное, почти детское лицо.

Иуда лёг на своё место, но глаз не закрыл.

В груди у него горело.

Сперва он повторял слова Иисуса, чтобы понять их.

Я отвергаю то, что ты сделал.

Ты — не то, что разрывает тебя на части.

Другой человек не обязан отдаваться твоему желанию.

Потом он стал их менять.

Я отвергаю тебя.

Ты нечист.

Никто никогда не полюбит тебя так, как ты хочешь.

И наконец осталось одно-единственное утверждение, простое и твёрдое, с которым можно было пережить боль:

Он унизил меня.

Это понравилось ему больше, чем правда.

Ведь если Иисус его унизил, то сам Иуда уже не просто человек, который переступил черту. Ему причинили зло. Его обидели. Ранили. Он имел право гневаться.

А гнев был легче стыда.

С той ночи в нём началась перемена.

С виду он оставался прежним учеником. Поутру вставал, брал кошель, пересчитывал монеты, отвечал по делу. Когда Иисус говорил, он слушал. Когда трогались в путь, шёл со всеми. Но каждый жест Иисуса он уже переводил про себя на язык отвержения.

Когда Иисус возлагал руку на больного, Иуда видел прикосновение, в котором ему отказали.

Когда улыбался ребёнку — нежность, которая его миновала.

Когда Иоанн садился подле него — место, навсегда ему запретное.

А когда Иисус говорил о любви к врагам, в Иуде лишь крепла уверенность, что высшая жестокость — любить всех так, чтобы никто не мог сказать: он мой.

Поначалу обида не бушевала в нём открыто. Она потихоньку клокотала. Под словами. Под служением. Под пересчитанными монетами. Под склонённой на молитве головой.

Но она была.

И ждала часа, когда сможет назваться справедливостью.

Примечания автора к главе:

Эта глава целиком вымышлена. Она возникла потому, что корысть как мотив предательства Иуды, описанного в Писании, показалась мне слишком поверхностным объяснением. За предательством собственного учителя должно было стоять нечто гораздо более глубокое, затрагивающее самую суть человека, чем простая выгода. Разумеется, в мои намерения не входит связывать гомосексуальность с предательством или чем-либо подобным. Я ввёл этот мотив в столь известную историю потому, что он показался мне достаточно глубоким, чтобы объяснить, как Иуда мог пойти на такое предательство. Во времена Иисуса гомосексуальность считалась чем-то нечистым, достойным презрения. Людям, которым выпала такая судьба, в тогдашнем обществе приходилось необычайно тяжело. Именно поэтому такая мотивация представляется мне возможной. Как всё было в действительности — другой вопрос, и теперь выяснить это очень трудно. Весь роман во многом вымысел, и так же следует воспринимать эту главу.

7. Эларион: Золотое кольцо

Дом Давионов стоял не в Нитре.

Он стоял далеко от столицы, в Ауриоле, среди старинных аурелианских усадеб, где долины выходили на просторные зелёные плоскогорья, а утренний туман так долго держался у земли, словно край не хотел пробуждаться весь разом.
Старинные стены придавали дому Давионов сходство с крепостью.

Здесь некогда решались судьбы целых поколений, и над этим местом всё ещё тяготило былое величие резиденции власти.
Но для самих Давионов это был прежде всего дом в самом глубоком смысле слова: место, где стены хранили и тела, и память.

В парадной зале висели портреты предков. Не все передавали точное сходство. Иные воссоздали по описаниям, иные написал художник по воображению. Были и такие старые, что краски на них потемнели, слились в бурую тишину. Но на каждом портрете живописец старался передать глаза.
Золотое кольцо.

Где — ясное.

Где — едва различимое.

Где — лишь угадывалось.

Есаир Давион медленно шёл по зале. В детстве он сторонился этих картин. Ему казалось, они чего-то от него ждут. Не достижений, не послушания, не славы. Хуже: смысла.
А смысл был тяжелее долга.

Старинные предания рода Давионов он знал с детства. Рассказывали, будто далёкие предки умели унимать болезнь прикосновением. Что в засуху они становились у рек — и вода возвращалась. Что некоторые заранее видели приближение смерти и могли изменить путь человека, чтобы он с нею разминулся. Что природа слушалась их, как слушаются не слугу, а того, кому незачем убеждать.
Есаир не верил этим историям.

Но и посмеяться над ними от души не мог.

Есть вещи, которые разумный человек отказывается признать правдой и всё же ночью не поворачивается к ним спиной.

Вечером Есаир задержался в библиотеке.

Он открыл старую родовую летопись, которую мать когда-то запретила ему читать до совершеннолетия. Не потому, что в ней хранились тайны власти. Скорее потому, что слишком многого от него ждали её страницы.

На одной из них была запись о далёком предке по имени Асер Давион.

Когда в нижнюю долину пришла лихорадка, Асер ходил от дома к дому. Он не говорил, что смерть не придёт. Говорил только, что она не должна приходить одна. Многие утверждали, что от его прикосновения люди выздоравливали. Другие — что лишь умирали спокойнее. Правды мы не знаем. Знаем только, что с тех пор в нашем роду хранятся слова: «Не уходи один».

Есаир провёл пальцами по старинным письменам.

Не уходи один.

Простые слова. Слишком простые для легенды.

Он закрыл книгу.

И вдруг он на миг увидел чужой край, с такой поразительной ясностью, какой не бывает ни в воспоминании, ни в воображении.

Пыль.

Солнце другого цвета.

Вода у берега.

Руки рыбаков.

Дерево.

И женский голос произнёс его имя, но это было не имя Есаир.

Видение исчезло, прежде чем он успел его осмыслить.

Есаир сидел не шелохнувшись.

Потом засмеялся. Тихо, над самим собой.

— Старые дома, — сказал он в пустоту. — Уж они-то всегда сумеют поселить в голове чужие тени.

Но, встав и погасив свет, он ещё раз взглянул на книгу.

На слова, которые и в темноте продолжали в ней светиться.

8. Земля: День разделения

Вечер медленно нисходил на землю, словно сам свет не решался оставить холмы над озером. Ученики сидели вокруг Иисуса в тишине, непохожей на обычное молчание после долгого пути. В ней была особая тяжесть, точно каждый чувствовал: слова, услышанные ими в этот день, обращены не только к ним, но и ко всем, кто придёт после них.

Иисус смотрел вдаль. Лицо его было спокойно, но нелегко дался ему этот покой. Так спокоен не тот, кто не ведал боли, а тот, кто принял её ещё до того, как она пришла.

— Придёт день, — сказал он наконец, — когда всё тайное станет явным. Человек может скрыть свой умысел от брата, может прикрыть вину словами, перед народом принять вид праведника. Но перед Богом ничто не останется сокрытым. В тот день откроется сердце человеческое, как сосуд, поставленный на свет.

Ученики молчали.

— Сын Человеческий придёт во славе Отца своего, — продолжал Иисус, — и с ним ангелы. И соберутся перед ним народы. Не по тому, кто как себя называл и как громко произносил имя Господне, разделятся они, но по тому, что каждый носил в себе и что совершил. Ибо был среди них голодный, и некоторые дали ему есть. Был среди них жаждущий, и некоторые дали ему пить. Странник стоял у их дверей, и некоторые приняли его. Нагой был перед ними, и некоторые одели его. Видели они больного и узника, и некоторые пришли к ним.

Пётр поднял голову. «Господи, ты говоришь так, будто всякий раз, встречая слабого, человек встречает Бога».

Иисус посмотрел на него. «А где ещё вы хотели бы его искать? В храме, где всякий видит ваше благочестие? У жертвенника, когда приносите дары на глазах у священников? Говорю вам: кто затворяет сердце перед страждущим, затворяет его передо мной. А кто склонится к самому малому, дело того вознесётся к Отцу, как молитва».

В глазах Иоанна была тревога. Он был молод, но детского легкомыслия в нём не было. Слова Иисуса часто зажигали в нём огонь, но сегодня они жгли иначе. Это было похоже не на надежду, а на вопрос, который он боялся произнести вслух.

Иисус продолжал:

— Тогда одних поставят по правую руку, других — по левую. Кто возлюбил милосердие, пусть даже не знал ему имени, будет призван к жизни. А те, кто видел боль и делал себя слепым, кто слышал плач и делал себя глухим, кто имел власть и ею унижал слабых, уйдут во тьму, которую сами избрали.

Слова эти упали между ними, как камень в глубокий колодец.

Андрей провёл рукой по лицу. Фома нахмурился, словно искал в уме, как подступиться к Иисусу с вопросом и не впасть в кощунство.

Он и заговорил наконец.

— Равви, — медленно произнёс он, — можно мне спросить тебя?

— Спрашивай, Фома.

— Ты говоришь о жизни и о тьме. О награде и наказании. Об огне неугасимом. Но человек слаб. Порой он поступает дурно по неведению, порой от страха, а порой потому, что сам был ранен. Если жизнь его коротка и вина его человеческая, не слишком ли тяжкая кара за людские падения — вечное страдание?

Некоторые из учеников беспокойно зашевелились. Пётр резко взглянул на Фому, будто хотел его оборвать, но Иисус поднял руку.

— Пусть говорит, — спокойно сказал он. — Вопрос, который боятся вымолвить уста, остаётся в сердце и гноится.

Фома опустил глаза. «Я не хочу перечить Богу, Господи. Но мне страшно. Если правосудию нет конца, где же милосердие?»

Иисус долго молчал.

Ветер прошёл по траве, и какое-то время слышны были лишь шелест листвы да далёкие голоса людей, возвращавшихся с полей. Когда Иисус заговорил, голос его звучал тише, чем прежде.

— Милосердие не упраздняет правды, Фома. А правда милосердию не враг. Если бы отец увидел, как сын берёт в руку огонь, разве сказал бы он ему: делай, что хочешь, ибо я люблю тебя? Или строго окликнул бы его, чтобы уберечь ему руку?

— Строго окликнул бы, — ответил Фома.

— А если бы ребёнок заплакал, испугавшись отцовского голоса?

— Отец взял бы его на руки.

— Да, — сказал Иисус. — Но лишь после того, как он выпустит огонь.

Фома молчал.

Иисус обернулся к остальным.

— Слушайте меня внимательно. Я пришёл к вам не только для того, чтобы утешить тех, кто уже ищет Бога. Я пришёл положить камень в основание грядущих веков. Слова мои понесут люди, которые меня не видели. Они будут говорить их детям своих детей. Будут записывать их, толковать, сокрушать ими гордыню сильных и страх слабых. И потому слова эти должны стоять твёрдо.

Потом он пристально посмотрел на Фому.

— Закон, который мягок ко злу, становится суров к его жертвам. Если вы скажете убийце, что поступок его — всего лишь ошибка, что скажете матери убитого? Если скажете богачу, который оставил голодного умирать у своих дверей, что вина его мала, что скажете тому, кто умирал с голоду? Если скажете властителю, что жестокость его легко предать забвению, что скажете тем, кто под его рукой истекал кровью?

Иоанн затаил дыхание.

— Людям надо услышать, что у их поступков есть вес, — продолжал Иисус. — Не только сегодня. Не только перед городским судьёй. Не только в глазах соседей. Но и перед вечностью. Ибо многих не остановит плач слабого. Не остановит стыд. Не остановит собственная совесть, которую они заставят замолчать. Но, быть может, их остановит сознание того, что ничто не будет забыто.

Фома поднял глаза. «Значит, к добру их должен привести страх?»

— Со страха начинают те, кто ещё не умеет любить, — сказал Иисус. — Но на нём нельзя остановиться. Ребёнок сперва боится упасть в пропасть и потому держится подальше от края. Позднее он поймёт, как драгоценна жизнь, и ему уже не понадобится один лишь страх. Так и с законом.

Пётр задумчиво спросил: «Кто же тогда устоит, Господи? Ведь и праведный оступается».

Взгляд Иисуса смягчился.

— Кто упал и поднялся, не таков, как тот, кто устроил в падении своём дом. Кто согрешил и плачет о содеянном, не таков, как тот, кто грешит и учит других называть тьму светом. Отец видит разницу между слабостью и ожесточением. Между раной и гордыней. Между тем, кто заблудился и зовёт на помощь, и тем, кто блуждает и других увлекает за собой.

— Но ты говоришь о вечной муке, — не отступал Фома. — Тяжёлое слово.

— Тяжёлое, — кивнул Иисус. — Таким оно и должно быть. Ибо тяжко и зло. Если бы вы видели все слёзы, которые люди проливают по вине друг друга, вы бы не проповедовали о суде с лёгкостью на устах.

Голос его на миг дрогнул — от глубокой скорби, а не от слабости.

— Я вижу грядущие поколения. Вижу царей, которые будут убивать во имя порядка. Вижу священников, которые свою власть возлюбят больше Бога. Вижу богатых, которые будут строить дома на спинах бедных. Вижу людей, которые будут знать, что другой страдает, и всё же скажут: не моё дело. Поэтому я должен говорить так, чтобы слова мои не стали украшением. Они должны быть как меч, положенный перед совестью.

Потом Иисус добавил:

— Но и этого не забудьте: не для того я пришёл отыскать потерянных, чтобы радоваться их гибели. Я пришёл призвать к покаянию не праведников, а грешников. Пока человек дышит, дверь перед ним открыта. Пока сердце его может дрогнуть, Отец зовёт его. Но кто навеки отвергает свет, тот избирает тьму. И тьма, которую человек возлюбил больше правды, в конце концов станет ему обителью.

Фома положил руки на колени. «Значит, суд — это не только кара, которая приходит извне?»

— Да, — сказал Иисус. — На суде открывается и то, чем стал человек. Кто всю жизнь учился любить, тот узнает в Боге родной дом. Кто всю жизнь учился ненавидеть свет, тот почувствует в нём палящий зной. Одно и то же солнце раскрывает цветок и сушит вырванный корень.

Эти слова заставили учеников умолкнуть вернее, чем угроза огня.

Иисус встал. Тьма уже сгустилась, над землёй появились первые звёзды.

— Потому говорю вам: бодрствуйте. Не для того, чтобы жить в тревоге, а чтобы не проспать добра. Давайте хлеб, пока у вас есть руки. Прощайте, пока у вас есть время. Возвращайтесь к Отцу, пока слышите его голос. Ибо придёт день, когда человек спросит себя не о том, что думали о нём люди, а о том, что стало с его сердцем.

Потом он повернулся к Фоме, и голос его снова стал тихим.

— А ты не бойся спрашивать. Кто спрашивает ради правды, тот ближе к Царству, чем тот, кто молчит из одного только страха.

Фома кивнул, но в глазах его осталась тень. Не тень неверия. Скорее так смотрит человек, который понял, что Божья справедливость больше, чем ему хотелось бы, а Божье милосердие глубже, чем он смел надеяться.

В ту ночь никто из них не заснул сразу.

Каждый думал о дне, когда откроется сердце человеческое.

И каждый молча искал в себе ответ: чего в нём больше — света или тьмы?

Примечания автора к главе:

Эта глава целиком вымышлена. Она возникла в ответ на слишком уж чёрно-белое представление о том, как будут отделены осуждённые на вечную погибель от тех, кому дарована вечная жизнь.

9. Эларион: Слой

Нерай Саэл приступала к работе раньше, чем просыпалась Нитра.

Не потому, что по утрам ей лучше думалось. Время суток для неё значения не имело. Деньги переходили из государства в государство независимо от положения Солнца Элариона, а автоматические системы не знали ни усталости, ни праздников, ни часов закрытия банков.

Она приходила рано, потому что коридоры в это время пустовали.

В тишине было легче отличить важный вопрос от того, что всего лишь не терпел отлагательства.

Здание Межгосударственного управления финансовой добросовестности и системных рисков стояло в стороне от исторического центра Нитры. Оно выросло на северном берегу реки, среди резиденций валютных советов, вычислительных центров Союза и дипломатических садов. Низкое, широкое, снаружи почти ни одного окна. Архитекторы утверждали, что хотели выразить этим спокойствие и беспристрастность.

Те, кто побаивался управления, видели в нём крепость.

Большинству жителей Элариона управление было известно под более коротким названием.

Слой.

Это слово родилось у аналитиков. Каждый банк, каждая страховая компания, налоговая служба или товарная биржа видели лишь свой слой финансовой жизни. Банк знал счёт, но мог не знать, кому на самом деле принадлежит компания, на которую тот открыт. Налоговая видела декларацию, но не видела денег, ушедших в другое государство. Реестр знал имя руководителя, но не человека, скрытого за фондом, который контролировал компанию.

Стоило деньгам пересечь границу, как они оказывались в другой юрисдикции.

Иногда оставался отчёт.

Иногда — одна сводка.

Иногда — ничего.

Задача Слоя состояла в том, чтобы накладывать эти неполные слои друг на друга и искать места, где переставали совпадать их края.
Нерай не служила в полиции.

Она не могла никого арестовать, вызвать на допрос или предъявить обвинение. Не могла войти в банк и по своему усмотрению просматривать счета. Не могла потребовать от налоговой гавани имя владельца лишь потому, что ей стало любопытно. Обнаружив закономерность, дающую серьёзные основания для подозрений, она готовила аналитическую записку и передавала её в ведомства, которые имели право обратиться за дополнительными сведениями в суд или к властям другого государства.
Нередко ждать приходилось месяцами.

Иногда сообщали, что запрошенных сведений не существует.

Иногда сведения имелись, но местное законодательство запрещало их выдавать.

А порой государство вовсе не отвечало.

Поэтому Слой видел лишь часть денег Элариона. Главным образом то, о чём ему обязаны были сообщать, что находилось в открытом доступе или что удалось добыть в ходе конкретного расследования.

Банки присылали сообщения о необычных операциях. Не полные выписки по всем клиентам, а лишь случаи, когда у банковской системы или у служащего возникало подозрение, что происхождение денег неясно, что деньги движутся необычным путём или связаны с уже известным риском.
Налоговые службы предоставляли сводные данные.

Торговые реестры — имена номинальных владельцев.

Политические партии — обязательные отчёты о пожертвованиях и расходах.

Каждый источник показывал свою часть действительности.

И у каждого было своё слепое пятно.

Нерай сопоставляла сведения, на первый взгляд ничем друг с другом не связанные. Сообщение банка. Смену владельца компании. Кредит из-за рубежа. Пожертвование фонду. Плату за консультацию. Субсидию на восстановление региона. Страховой договор, где имя получателя не совпадало с именем владельца.
О коррупции редко писали в назначении платежа.

А финансирование политической власти часто скрывалось за такими словами, как консультирование, образование, развитие регионов или изучение общественного мнения.

Нерай не искала людей, купивших дорогую вещь.

Она искала власть.

Она села за рабочий стол и положила ладонь на матовую поверхность. Система удостоверила её личность. В воздухе перед ней возник список сообщений, поступивших за ночь.

Перед ней была карта не всех денег.

Это была карта подозрений.

Часть сообщений содержала точные данные. В остальных давалось лишь краткое описание операции и причина, по которой банк обратил на неё внимание. Сведения о трансграничных операциях нередко оставались частично обезличенными, пока не возникало правового основания их раскрыть.

Нерай открыла первое дело.

Необычно крупный перевод между двумя строительными компаниями. Объяснение прилагалось: продажа оборудования. Документы выглядели убедительно.

Второе дело касалось фонда, который получил крупное пожертвование незадолго до выборов. Впрочем, платёж открыто задекларировали, и жертвователь был известен.

В третьем не было сведений о конечном владельце компании-получателя.

Нерай отметила, что их надо запросить.

На семнадцатом сообщении она задержалась.

Оно пришло из банка в портовом городе Саруре. Банк обратил внимание на серию наличных взносов одной местной компании. Наличными на Эларионе называли в том числе цифровые единицы на предъявителя, которые можно было передавать и без постоянного подключения к сети. При внесении на счёт банк проверял их подлинность, но не устанавливал личности всех прежних держателей. Сами суммы не были исключительными. Для такого предприятия подобная выручка была обычным делом.

Оно держало ресторан.

Банк заподозрил неладное вовсе не потому, что знал действительное число посетителей. Просто за несколько месяцев объём взносов заметно вырос, а основные

сведения о компании остались прежними. Те же помещения. То же число счетов в банке. Ни одного кредита на расширение. Ни заявлений о продаже предприятия, ни смены вида деятельности.

Возможно, дела просто пошли в гору.

Новый повар.

Хорошие отзывы.

Договор о поставках другому предприятию, о котором банк не знал.

Поэтому в сообщении не было обвинения. Банк лишь уведомлял, что не находит удовлетворительного объяснения перемене в поведении клиента.

Нерай открыла общедоступную запись о компании в реестре.

Номинальным владельцем числился местный предприниматель. Двумя ступенями выше стоял региональный фонд. Над ним — компания, зарегистрированная в Терините, одном из небольших государств южного архипелага.

Реестр Теринита не раскрывал имён конечных владельцев.

Ничего незаконного в этом не было.

На финансовой тайне держалась немалая часть экономики Теринита.

Нерай прочитала название заведения.

«Веста Сарур Семь».

Марка была ей знакома. Во многих уголках планеты «Веста» держала рестораны, небольшие магазины, гостиницы и ремонтные мастерские. Одни принадлежали непосредственно головной компании, другие — местным держателям лицензий. В разных странах структура собственности выглядела по-разному.

Необычные взносы одного ресторана сами по себе ничего не говорили о сети в целом.

Нерай открыла ночную сводку аналитической системы и запросила все прежние сообщения, в которых упоминалась «Веста».

Система нашла сотни записей. Большинство касалось обычных дел: споров с поставщиками, ошибок в платёжных поручениях, краж средств авторизации, налоговых проверок, непогашенных кредитов.

Среди них система отметила совпадение, которому сама придавала мало значения: взносы выручки, следом — переводы за рубеж, а имя конечного владельца неясно. Но заглянуть в кассы или получить доступ к защищённым счетам за границей

она не могла. В автоматически составленном списке дел эта закономерность терялась далеко внизу, под срочными предупреждениями.

Осталось четырнадцать случаев.

Из шести государств.

Они были разбросаны во времени и охватывали четыре года.

По отдельности местные органы их закрыли или оставили без дальнейшего рассмотрения. В одном случае предприятие объяснило всё притоком новых клиентов. В другом банк счёл риск недостаточно серьёзным. Третье дело дошло до государственной границы: власти отказались предоставить сведения о компании-получателе.

Но в каждом встречалось имя «Веста».

Для модели это была лишь группа слабых совпадений. Но Нерай понимала разницу между четырнадцатью случайностями и четырнадцатью ведомствами, каждое из которых видело только собственное закрытое дело. Она открыла исходные сообщения и принялась читать обоснования.

Нерай подалась вперёд.

Она не видела общей выручки сети. Не видела ни касс, ни числа посетителей каждого заведения. У неё не было доступа к внутренней бухгалтерии, а уж тем более к системам, которые показали бы, кто и что покупал в каждом месте.

Она видела только, что несколько банков в разных государствах независимо друг от друга обратили внимание на сходный порядок действий.

В местном заведении появлялась наличность.

Её проводили как обычную выручку.

Вскоре часть денег уходила компаниям за услуги с расплывчатыми названиями.

Консультирование.

Управление брендом.

Продвижение в регионе.

Лицензионные отчисления.

Дальше след расходился по разным государствам и терялся.

— Доброе утро.

За спиной у неё раздался голос Тарена Восса.

Нерай не обернулась.

— Это ещё увидим.

Тарен подошёл к столу. Высокий, стройный, он двигался со спокойствием человека, которому никогда не требовалось доказывать, что он хозяин положения. В Слое он работал дольше Нерай и знал банковскую систему Васирии так, как по одним законам её не узнаешь.

Он был вейраном.

Кое-кто из коллег считал это преимуществом, когда проверяли вейранские банкирские дома. Другие — поводом для опасений. Обе точки зрения Нерай находила одинаково примитивными.

— Что у тебя? — спросил он.

— Четырнадцать сообщений за четыре года.

— Пахнет очень долгим совещанием.

— Шесть стран. Разные банки. Разные номинальные владельцы.

Тарен просмотрел данные.

— А что общего?

— «Веста».

Он чуть улыбнулся.

— Я у них обедал.

— Ценности этой информации я пока не вижу.

— Могу засвидетельствовать: кухней их финансового успеха не объяснить.

Нерай придвинула к нему первое сообщение.

— Взносы растут. Потом часть денег уходит за консультации и лицензии. Сведения о конечных владельцах компаний-получателей закрыты.

— Это ещё может ничего не значить.

— Может.

— У сети может быть единая схема ведения дел.

— Может.

— Или единая схема перемещения прибыли.

— Тоже возможно.

Тарен открыл временной слой и сопоставил даты платежей. Несколько заведений переводили деньги одним и тем же посредникам. Другие пользовались разными компаниями, но у тех обнаружился общий аудитор или управляющий.

— Любопытно, — сказал он.

— Что?

— Компании делают вид, что они между собой не связаны. А документы им готовила одна контора.

— Может, это обычный подрядчик.

— Может.

Оба немного помолчали.

Так в Слое начиналось большинство дел. Не с уверенности — с целого ряда предположений, и у каждого было невинное объяснение.

Пока таких объяснений не набиралось слишком много.

— Нам нужна внутренняя бухгалтерия хотя бы одного заведения, — сказал Тарен.

— Законных оснований у нас нет.

— У нас есть сообщение банка.

— У нас есть подозрение банка. Не доказательство преступления.

— Можно запросить в Саруре налоговую проверку.

— Можно предложить им рассмотреть вопрос о налоговой проверке.

Тарен опёрся о стол.

— А через полгода они сообщат, что всё соответствовало местным правилам.

— Скорее всего.

— Теринит имени владельца не выдаст.

— Без судебного решения — нет. А чтобы его получить, нужны более веские основания для подозрений.

Тарен посмотрел на цепочку перед ними.

— Значит, нам нужны сведения, чтобы доказать, что нам нужны сведения.

— На том и стоит межгосударственное сотрудничество.

Она увеличила список связанных компаний. Большинство цепочек собственности завершались именем управляющего, названием юридической конторы или фонда.

Живого человека не было нигде.

Нерай не могла утверждать, что «Веста» отмывает деньги. Она даже не знала, что стоит за необычными взносами: подлинная выручка, налоговое мошенничество или всего лишь способ ведения дел, в котором банки не разобрались.
Был только один и тот же вопрос, возникавший снова и снова.

И система, в которой добраться до ответа можно было, только если знаешь его заранее.

— Заведи рабочее дело, — сказала она. — Пока без обвинения и без ходатайства о вмешательстве.

— На каком основании?

— Возможное согласованное использование предприятий с наличной выручкой для сокрытия происхождения средств.

— Звучит почти как готовое мнение.

— Тогда напиши: «Проверка повторяющихся отклонений в межгосударственных финансовых операциях».

Тарен усмехнулся.

— А это вообще ни о чём.

— Поэтому и утвердят.

Он принялся составлять список запросов. Ни о данных клиентов, ни о кассовых записях всей сети речи не шло. У Слоя не было таких полномочий. Они могли запросить результаты уже проведённых налоговых проверок, открытую финансовую отчётность, имена аудиторов, лицензионные соглашения, сведения о смене владельцев и информацию об операциях, которые сами банки сочли необычными.
Чтобы добраться до следующего слоя, каждый раз требовалось новое основание.

И каждое основание следовало извлекать из слоя предыдущего.

На миг Нерай заметила своё отражение на тёмном участке рабочей поверхности.

Золотого кольца у неё не было.

Её мать была аурелианкой. Сама же Нерай родилась селениткой, в отца. В детстве она часто разглядывала свои глаза при разном свете. После слёз, в жару, в минуты, когда особенно напряжённо о чём-то думала.
Она ждала: вдруг всё-таки проступит золотая черта.

Та так и не проступила.

Её единоутробный брат Есаир унаследовал кольцо. Он был аурелианином и потомком древнейшей из известных ветвей Давионов. И люди искали в нём продолжение историй, сложившихся за столетия до его рождения.
Когда он кого-нибудь утешал, вспоминали о древнем даре.

Когда ошибался, говорили, что он посрамил свою кровь.

Нерай такого бремени не несла.

Ей не приходилось быть продолжением легенды.

Она могла быть просто собой.

И всё же всякий раз находился кто-то, кто, услышав имя Есаира, снова вглядывался ей в глаза. Словно хотел удостовериться, почему брат и сестра не отмечены одним знаком.
Сам Есаир никогда не обращался с ней так, словно ей чего-то недоставало.

Когда они были детьми, он сказал ей, что золотое кольцо — просто то, что люди замечают раньше самого человека.

Нерай ответила, что в таком случае ей повезло: у неё в глазах ничего не светится.

С тех пор он порой ей завидовал.

Нерай отвела взгляд от своего отражения и вновь сосредоточилась на данных перед собой. Тарен тем временем закончил с первой серией запросов.
— Сарур принял обращение, — сказал он. — Проверки не обещают.

— Это больше, чем я ожидала.

— Теринит отказался раскрыть сведения о владельцах.

— А это в точности то, чего я ожидала.

Тарен открыл ответ островного реестра. Длинное, учтивое письмо было составлено так, чтобы убедить читателя: отказ предоставить сведения свидетельствует о высокой правовой культуре.
У управления не имелось достаточно конкретных оснований для подозрений.

Не было указано конкретное преступление.

Не была доказана связь между местной компанией и необычными финансовыми операциями в других государствах.
Каждую фразу можно было обосновать.

Вместе они образовывали стену.

— Говорят, пока мы не докажем, что управление у них общее, запрашивать конечного владельца мы не вправе, — сказал Тарен.

— А пока не узнаем конечного владельца, доказать общее управление не сможем.

— Может, у них это над входом в реестр написано.

Нерай пометила ответ и приобщила к делу. Отказ тоже имел свою ценность. Не как улика, а как карта границ, за которые расследованию не дано заглянуть.

Она посмотрела на четырнадцать сообщений.

Она не знала, все ли они касались одного механизма. Возможно, за некоторыми стояли честные предприятия, неточные банковские модели или обычные ошибки бухгалтеров. Возможно, название «Веста» было всем, что их объединяло.

Но уж слишком многие совпадения начинались одинаково.

Деньги появлялись там, где принимали наличные.

Получали имя: выручка.

Потом уходили в уплату за услугу, стоимость которой не поддавалась точной оценке.

И наконец попадали в государство, где никто уже не обязан был спрашивать, чьи они.

— Что дальше? — спросил Тарен.

— Подождём результатов проверок.

— Это может занять месяцы.

— А пока проверим аудиторов, управляющих и консультантов.

— Без доступа к счетам?

— Ещё не все имена под секретом.

Тарен открыл перечень компаний, которым заведения платили за лицензии и консультации. На первый взгляд компании ничто не связывало. Юридические адреса — в разных странах, названия — на разных языках, каждая указывала свою сферу деятельности.

Нерай расположила их по датам основания.

Потом — по именам юридических представителей.

Наконец — по именам тех, кто заверял учредительные документы.

На рабочей поверхности появились первые повторяющиеся имена.

Это ещё не были владельцы.

Лишь управляющие, юристы и официальные посредники.

Люди, чьё дело — стоять между имуществом и человеком, которому оно на самом деле принадлежит.

— Три конторы, — сказал Тарен.

— На четырнадцать, казалось бы, не связанных друг с другом дел.

— Это уже лучше, чем просто название сети.

— Но ещё не доказательство.

— Ты когда-нибудь и чистосердечному признанию откажешься радоваться.

— Признание вполне может быть ложным.

Тарен покачал головой и отправил новые запросы.

За окнами Нитра понемногу наполнялась утренним светом. Над рекой сгущались транспортные потоки, на противоположном берегу зажигались городские башни. Город начинал день в уверенности, что всё важное где-то учитывают, проверяют и хранят.

Нерай знала, что это не так.

Сведения существовали.

Просто хранились в разных местах.

Каждое ведомство держало в руках свой осколок и охраняло его по своим правилам. Банки видели движение денег, но не саму сделку. Налоговые службы видели декларации, но не весь денежный поток. Реестры видели компании, но не людей за ними. Следователи видели поводы для подозрений, но часто не видели связей.

Преступлению не обязательно было становиться невидимым.

Достаточно было оказаться разбитым на части.

Нерай завела новое рабочее досье. Система запросила название, правовое основание и предварительную оценку риска.

В поле названия она ввела одно слово:

Веста.

Над оценкой риска она ненадолго задумалась.

Затем отметила:

Не определён. Возможна межгосударственная закономерность.

Досье сохранилось среди сотен других открытых дел. На миг подсветилось и исчезло в системе, словно в нём не было ничего особенного.
Возможно, так и было.

Может быть, за ним стояли всего лишь несколько предприятий, скрывавших подлинную прибыль или переводивших выручку, чтобы платить меньше налогов.
А может, «Веста» была местом, где у денег, полученных от самых разных преступлений, появлялась одна и та же история происхождения.
Нерай пока этого не знала.

У неё было лишь четырнадцать сообщений, три юридические конторы и несколько стран, которые отказывались назвать ей последнее имя в цепочке.
Но большие открытия редко начинались с доказательства.

Вначале была нестыковка, которую легче проглядеть, чем объяснить.

Нерай закрыла остальные дела.

«Весту» оставила открытой.

10. Земля: Проклятая смоковница

Когда утром они вышли из Вифании, воздух был ещё прохладен, над дорогой стояла лёгкая дымка. Впереди в утреннем свете поднимался Иерусалим. Его стены были бледны и суровы, как лицо человека, давно разучившегося плакать.

Ученики шли за Иисусом молча. Последние дни были полны знамений, вопросов и тревог. Каждый чувствовал: приближается то, чего никто из них уже не в силах остановить. Город влёк их к себе и в то же время отталкивал. Он был подобен распахнутым воротам, за которыми их ждала не свобода, а приговор.

Иисус шёл впереди.

В ту ночь он почти не спал. Пока другие отдыхали, он долго сидел один и смотрел в сторону Иерусалима. Он знал: час, о котором он столько раз говорил, уже не приближается. Он настал. И каждый шаг Иисус делал уже в этом часе.

Шаг его оставался твёрдым, но тело устало. Во рту пересохло, и пустота в животе при каждом шаге отзывалась тупой болью. Со вчерашнего дня он почти не ел. Поначалу голод жил в нём тихо, но теперь давал о себе знать всё настойчивее, пока на миг весь мир не свёлся к простому желанию поесть.

У дороги росла смоковница.

Крона у неё была широкая, в густой зелени листьев. Среди сероватых камней она казалась островком жизни. Ветви склонялись над дорогой, и в утреннем свете дерево выглядело сильным, здоровым и щедрым.

Иисус подошёл к нему.

Пётр оглянулся на остальных. Иоанн замедлил шаг. Фома остановился в нескольких шагах позади и смотрел, как Иисус раздвигает листья.

Он искал плод.

Пальцы его скользили между ветвями. Он отводил одну ветку за другой, приподнимал листья, заглядывал под них.

Ничего.

Только листья.

Только видимое обещание.

Только видимость изобилия, в котором нечем накормить голодного.

Иисус протянул руку глубже в крону в надежде отыскать хоть одну раннюю смокву. Но рука вернулась пустой.

Несколько учеников переглянулись. Они знали: время смокв ещё не пришло. Дерево ни в чём не отступало от своей природы. Зеленело в пору, когда надлежало зеленеть, и ждало времени плодоносить.

Но голоду неведомо терпение времён года.

Голод не видит дерева целиком. Видит лишь, что нет плода.

Иисус стоял под ветвями. В глазах его появилась печаль: перед ним была не одна смоковница. Он видел город, блиставший храмом, законами и молитвами, но не умевший напитать человеческую душу. Видел священников в чистых ризах, которые отворачивались от нечистых. Видел людей, знавших каждое слово Писания и не слышавших плача вдовы за стеной своего дома.

Он видел листву без плода.

Но под этой печалью на короткое мгновение шевельнулось и нечто мелкое.

Человеческое.

Раздражение усталого человека. Досада голодной плоти. Тихое негодование оттого, что мир снова предстал перед ним, исполненный обещаний, а ему самому не дал ничего.

Это было лишь мгновение.

Голод в нём заговорил прежде сострадания, усталость — прежде мудрости. На миг он перестал видеть дерево таким, каким оно было. Он видел в нём всё, что обещало жизнь и не принесло ему облегчения именно тогда, когда он этого пожелал.

Он коснулся одного листа.

Потом сказал:

— Отныне да не вкушает от тебя никто плода вовек.

Он сказал это негромко. В голосе не было ярости, от которой сотряслась бы дорога. В нём была усталость, был суд и единая острая вспышка воли, на миг сузившейся до собственного голода.

Когда отзвучали слова, Иисус остался стоять неподвижно.

Посмотрел на свою руку, лежавшую на ветке.

Словно вес сказанного он ощутил лишь тогда, когда слово уже слетело с его уст.

Потом убрал руку.

Ученики молчали. Никто не спросил, зачем он это сделал. Они пошли дальше, в Иерусалим, лишь Фома ещё раз обернулся на дерево.
Зелёные листья чуть колыхались на ветру, словно ничего не случилось.

На другой день они возвращались той же дорогой.

Первым смоковницу заметил Пётр. Он остановился так внезапно, что Иаков едва не налетел на него.

— Равви, — сказал он и показал рукой. — Взгляни. Смоковница, которую ты проклял, засохла.

Все остановились.

Ещё вчера дерево стояло зелёное, густо одетое листвой, а теперь высохло. Листья повисли, серые, скрученные, ветви потеряли гибкость, кора местами отставала от ствола. Так не выглядит дерево, медленно идущее к увяданию. Казалось, жизнь покинула его разом, от корней до последней веточки.
Учеников проняла тревога.

Немало знамений они уже видели. Видели, как вода стала вином. Как исцелялись больные, прозревали слепые, начинали ходить хромые. Видели Лазаря, выходящего из гробницы.
Но это дерево поразило их иначе.

Это чудо никого не исцелило.

Не было и счастливой толпы.

Никто не обнял своё дитя. Никто не поднял глаз к небу, благодаря за возвращённую жизнь.

В том, что случилось, было что-то суровое, тихое и бесповоротное.

Иисус обернулся к ним.

— Имейте веру в Бога, — сказал он. — Истинно говорю вам: кто скажет горе сей: «Поднимись и ввергнись в море», и не усомнится в сердце своём, но поверит, что сбудется сказанное им, тому так и будет.
Он поднял глаза к склонам над дорогой.

— Потому говорю вам: обо всём, чего просите в молитве, верьте, что уже получили, и дано будет вам. И когда стоите на молитве, прощайте, если что имеете на кого, чтобы и Отец ваш простил вас.
Слова эти упали между ними, как камни в глубокую воду.

Никто не ответил сразу.

Каждый услышал в них своё.

Пётр услышал призыв к силе.

Иоанн — тайну доверия.

Иуда — возможность власти.

Фома — вопрос.

Он немного поколебался. Потом подошёл ближе к Иисусу.

— Господи, — осторожно сказал он.

Иисус посмотрел на него.

— Спрашивай, Фома.

Фома опустил взгляд к иссохшим корням смоковницы.

— Мы видели, как ты претворил воду в вино. Видели, как ты исцелял больных. Видели, как воскрешал мёртвых. Видели, как Лазарь вышел из гробницы, хотя уже лежал во тьме и тело его пахло смертью.
Он помолчал.

— А теперь мы видели, как от твоего слова засохло дерево.

Несколько учеников тревожно зашевелились. Пётр нахмурился, словно хотел заставить Фому замолчать, но Иисус поднял руку.
— Пусть говорит, — сказал он. — Кто спрашивает, тот ещё не спит.

Фома набрал воздуха.

— Почему же ты не сделал так, чтобы на нём была смоква? Если ты был голоден, а дерево было без плода, почему ты не дал ему плод? Неужели легче было отнять у него жизнь, чем вызвать на ветвях плоды?
Тишина сгустилась.

Фома продолжал, теперь уже смелее:

— И если человек, имеющий веру, может сказать горе, чтобы она поднялась и вверглась в море, почему бы ему не сказать дереву: «Принеси смокву»?
Иисус смотрел на него ласково и серьёзно.

— Фома, — сказал он, — когда ребёнок видит хлеб, ему кажется, что хлеб начинается в руках пекаря. Но мудрый знает: начало его гораздо раньше. В зерне, упавшем в землю. В дожде, который прошёл вовремя. В солнце, которое не слишком жгло. В руках сеятеля. В каменном жёрнове. В огне печи.
Он указал на смоковницу.

— За каждой вещью, которую ты видишь, стоит длинная череда вещей сокрытых. И плод смоковницы — не просто плод. Чтобы сегодня висеть на ветке, вчера он уже должен был быть на ней, только меньшим. Месяц назад должен был быть едва заметным, сокрытым в теле дерева. А прежде — завязью плода, впитавшей сок, свет и время. Ещё прежде он должен был быть деревом, в котором есть сила плодоносить.
Фома слушал не шелохнувшись.

Иисус взял сухой лист. От прикосновения он рассыпался у него в пальцах.

— У зримой действительности не одна кожица, натянутая на мир. В ней слой за слоем. Как в луковице, которую женщина разбирает у очага. Один слой держит другой. То, что ныне явлено, покоится на том, что было вчера. А вчерашнее — на том, что было прежде.
Он обвёл их взглядом.

— Слабый ум видит лишь последний слой, и ему кажется, что это весь мир. Ум посильнее видит глубже. А ум, исполненный веры, может коснуться тех мест, где ещё не всё решено окончательно.
Иоанн поднял глаза.

Иисус продолжал:

— Есть вещи, которые можно переменить, потому что корни их близко. Больное тело ещё тянется к жизни. Вода хранит послушание творения. Сердце человеческое может обратиться в одно мгновение. И сама смерть не такая стена, какой вы её считаете, когда Отец зовёт по имени того, кто спит.
При этих словах о смерти в их памяти встала гробница Лазаря. Камень, отваленный от входа. Запах тления. Человек в погребальных пеленах, выходящий на голос Иисуса.

— Но сотворить смокву на дереве, когда ещё не время смокв, — медленно произнёс Иисус, — не значит просто приказать ветви принести плод. Для этого пришлось бы разом переписать множество слоёв. Должен был бы появиться вчерашний прирост, которого не было. Должно было бы произойти созревание, которого не случилось. Нужен был бы сок, много дней струившийся к плоду. Нужно было бы время, которое через это дерево не прошло.

Фома наморщил лоб.

— Но Бог может всё.

— Бог может всё, — кивнул Иисус. — Но Бог не фокусник на торжище, морочащий голову ребёнку. Не для того Отец создал мир, чтобы ежеминутно раздирать его, как ветхую одежду, и вновь сшивать в угоду нашему нетерпению. Он создал порядок. И этот порядок — тоже его воля.

Но Фома по-прежнему смотрел на сухое дерево.

— Это объясняет, почему на нём не было смоквы, — сказал он. — Но не объясняет, почему ты его проклял.

Пётр резко повернулся к нему.

— Фома...

— Нет, — спокойно перебил его Иисус.

Он посмотрел на Фому.

— Ты верно спрашиваешь.

На дороге воцарилась такая тишина, что слышно было, как шелестят сухие листья у них под ногами.

Фома подошёл ещё на шаг.

— Я спрашиваю не о том, что означало это дерево, — сказал он. — И не о том, что означают город или храм. Почему в ту минуту так поступил ты сам?

Иисус посмотрел на смоковницу.

Он долго не отвечал.

Когда он заговорил, голос его звучал тише прежнего.

— Потому что я был голоден.

Ученики замерли.

— Я устал, — продолжал он. — Ночь выдалась долгая, и нелегки дни, что ждут меня впереди. Когда я увидел листья, мне захотелось плода. А когда я его не нашёл, голод на миг сузил мой мир до той единственной вещи, которой я хотел.

Пётр опустил глаза.

Иисус коснулся сухого ствола.

— В этом дереве я видел храм, и город, и человека. С виду они переполнены жизнью, а голодному ничего не дают. То, что я увидел, было правдой. Но и правда может исходить из нечистого источника. И справедливое слово может обернуться жестокостью, если его произносят голод, гнев или гордыня.

Фома смотрел на него так, будто не был уверен, верно ли расслышал.

— Значит, ты разгневался на дерево?

— На миг, — ответил Иисус. — Не тем гневом, какой охватывает человека, жаждущего разрушать. Скорее с досадой того, кто протянул руку за даром и ничего не нашёл. Дерево не было виновато. Не настало время его плодов. Но в ту минуту я не видел всего времени, отпущенного дереву. Видел лишь свой голод.

Иоанн спросил:

— И потому твоё слово убило его?

Иисус кивнул.

— Чем сильнее и цельнее сознание человека, тем больше веса в его слове. Вы можете наговорить с досады всякого, и ветер унесёт ваши слова. Но когда человек стоит близко к корням бытия, даже мимолётное колебание у него внутри может оставить след.

Он посмотрел на каждого по очереди.

— Поэтому великая сила — не только дар. Она и бремя. Кто может исцелить словом, тот должен остерегаться и слова, сказанного в усталости. Кто может сдвинуть гору, тот должен следить, от Отца ли его желание или лишь от боли, которая сейчас проходит сквозь него.

Фома снова указал на смоковницу.

— Всё равно не понимаю. Если твоё слово могло погубить дерево, почему оно не могло заставить его плодоносить?

Иисус поднял с земли обломок сухой ветки.

— Потому что распад и созидание требуют разного.

Он переломил веточку пальцами.

— Смерть уже была в этом дереве как одна из возможностей. Она есть в каждом листе, в каждом корне и теле. Всё, что рождается, несёт в себе и возможность гибели. Моё слово открыло путь тому, что в дереве уже было возможно.

Потом он протянул пустую ладонь.

— А смоквы, готовой появиться на свет, в нём тогда не было. Чтобы она возникла, должны соединиться дерево, сок, солнце, земля и время. Мне пришлось бы потребовать от всего бытия, чтобы оно согнулось вокруг моего голода.

Взгляд его стал суров, но обращена эта суровость была к себе самому, а не к ученикам.

— В ту минуту голод был моим личным делом. Я не молил о жизни ребёнка или об исцелении страждущего. Мне хотелось насытиться самому.

Иуда подал голос:

— Что дурного в том, что голодный хочет есть?

— Ничего, — ответил Иисус. — В голоде нет греха. И в желании хлеба нет греха. Но сила становится опасной, когда требует от мира отменить его порядок лишь потому, что наделённый ею не хочет немного потерпеть нужду.

Он помолчал.

— Для проклятия довольно трещины. Для благословения нужно согласие.

Никто не шелохнулся.

Слова остались между ними, простые и тяжёлые.

— Сила порой повинуется и уязвлённой воле, — продолжал Иисус. — Она может сломить, ускорить распад, отворить дверь страху или смерти. Но жизнь такой воле до конца не откроется. Жизнь возникает там, где воля одного встречается с волей целого.

Фома задумался.

— Значит, ты мог бы сотворить смокву, если бы это было согласно с волей Отца?

Иисус посмотрел на него.

— Если бы эта смоква была частью пути, дающего жизнь, она возникла бы не из пустоты. Всё бытие шло бы к ней, пусть даже вы не видели этого пути. Но сотворить её, лишь чтобы на миг унять собственный желудок, — не чудо, совершённое в Отце. Это значило бы подчинить мир моей прихоти.

Он взглянул вдаль, на пустынные холмы.

— Когда я был в пустыне, искуситель велел мне превратить камни в хлеб.

Одни ученики слышали об этом, другие — нет. Теперь все напряжённо слушали.

— Я был тогда голоднее, чем вчера, — продолжал Иисус. — Моё тело кричало, требуя пищи. Камень передо мной был похож на каравай, и голос говорил мне: если есть у тебя сила, воспользуйся ею. Докажи, кто ты. Насыться.

— И ты отказался, — сказал Иоанн.

— Отказался, потому что сила не должна служить голоду того, кто ею наделён. Не хлебом одним живёт человек, и тот, кто получил дар от Отца, не вправе превращать его в слугу собственного вожделения.

Он взглянул на смоковницу.

— Вчера я не обратил дерево в пищу. Но на миг осудил его за то, что оно меня не накормило. У обоих искушений был один корень.

Пётр покачал головой.

— Но ведь ты безгрешен, Господи.

Иисус пристально посмотрел на него.

— А что, по-твоему, Пётр, значит быть без греха? Не испытывать голода? Не чувствовать гнева? Не знать искушения?

Пётр не ответил.

— Камень не знает искушения, — сказал Иисус. — Но оттого он не свят. Чистота не в том, чтобы в человеке никогда не шевельнулось тёмное. Она в том, чтобы увидеть это тёмное целиком, не назвать его светом и не дать ему стать своим господином.

Он посмотрел на свою ладонь.

— Вчера я увидел это, лишь когда слово уже сорвалось с моих уст.

Фома сказал:

— Значит, даже человек, вполне осознающий себя, может на миг оступиться?

— Пока он носит плоть, он носит в себе и её голос, — ответил Иисус. — Голод, боль, страх и усталость входят в сознание, как ветер в дом. Бодрствующий узнаёт их. Но если двери отворены и ночь была долгой, сильный порыв ветра может опрокинуть светильник.

— А потом? — спросил Иоанн.

— Потом он поднимет светильник. Увидит, что случилось. Не станет прикрывать тьму именем Бога.

Иисус опять повернулся к Фоме.

— Ты спросил, почему я не спас дерево или не дал ему плод. Потому что в ту минуту я не хотел творить. Я хотел получить. А не получив, произнёс приговор.

Фома опустил глаза.

— Стало быть, разрушать легче, чем созидать?

— Да, — сказал Иисус. — И рукам человеческим, и воле. Чтобы разрушить дом, довольно удара. Чтобы построить, нужны камень, мера, терпение и согласие многих рук. Чтобы ранить человека, довольно одного слова, сказанного в гневе. А чтобы исцелить его душу, порой мало целой жизни, отданной любви.

Он провёл ладонью по сухой коре.

— Кто лишён внутреннего единства, может разрушать. Но творить можно лишь из единства.

Фома помолчал, потом сказал:

— Но когда ты в Кане обратил воду в вино, ты ведь тоже изменил порядок вещей.

— В Кане я не сотворил радость из ничего, — ответил Иисус. — Там была вода. Были сосуды для очищения. Была свадьба. Был стыд семьи, у которой кончалось вино. Было доверие моей матери. Был пир, которому предстояло продолжиться, и был час, который открылся.

Вспомнив Марию, Иисус мягко улыбнулся.

— Вино, которое явилось, не было отрицанием мира. Оно было знаком, что Отец может наполнить пустые сосуды. Оно предназначалось не мне. Это был дар другим.

— А Лазарь? — спросил Фома.

— Когда я позвал Лазаря, я не вызывал из небытия чужого человека. Я звал брата, которого Отец знал по имени. Тело его лежало в гробнице, но в Отце его история ещё не завершилась. Любовь его сестёр, их боль, моя любовь к нему и воля Отца сошлись в одно мгновение. Вера коснулась того слоя, где ещё можно было сказать: «Выйди вон».

Фома снова посмотрел на смоковницу.

— А здесь не было ничего, кроме твоего голода.

— Здесь с ним сошлась и правда о городе, — сказал Иисус. — Потому дерево и стало знамением. Но моя досада придала этому знамению жестокость, которой могло и не быть.

— Значит, знамение могло явиться иначе? — спросил Иоанн.

Иисус ненадолго задумался.

— Могло.

— Как?

— Я мог показать вам его листья и сказать: «Посмотрите, как оно похоже на храм, который обещает жизнь, но не приносит плода». Мог уйти голодным и позволить дереву принести плод в свой срок.

Он положил руку на ствол.

— Правда не требовала смерти дерева. Смерть принесла та минута, которой я поддался.

Эти слова встревожили их сильнее самого чуда.

Они привыкли видеть в Иисусе того, кто даёт ответы. Теперь перед ними стоял человек, который сам вгляделся в свой поступок и не отвернулся от того, что в нём обнаружил.

Пётр подал голос:

— Зачем ты нам это говоришь? Ты мог сказать только, что дерево было знамением. Никто из нас не усомнился бы.

Иисус посмотрел на него.

— Потому и говорю.

Пётр не понял.

— Кто наделён властью, всегда искушаем назвать свою волю волей Бога. Если что-то удалось, он скажет: «Отец так хотел». Если что-нибудь разрушит, скажет: «То был суд». Если ранит человека, скажет: «Я служил правде».

Голос Иисуса окреп.

— Но не всякое слово, наделённое властью, до конца исходит от Отца. Не каждый успех удостоверяет чистоту. И не каждый, кому покорилась сила, был праведен.

Иуда смотрел на него очень внимательно.

— Как же мы это распознаем? — спросил он.

— По плодам.

Иисус поднял с земли одну из усохших веточек.

— Не по величию знамения. Не по тому, сколько людей преклонится. Не по тому, задрожит земля или сойдёт ли огонь с неба. Спросите: что осталось после содеянного? Больше жизни или больше страха? Больше правды или больше покорности тому, кто явил свою силу? Больше свободы или больше зависимости?
Он посмотрел на высохшее дерево.

— Это знамение принесло знание. Но дереву оно принесло смерть. Поэтому есть в нём и нечто, кроме света.

Немного погодя Фома спросил:

— А как же гора? Ты сказал, что тот, кто верует, велит горе ввергнуться в море. Ведь это не малость. Это больше смоквы на дереве.
Иисус слегка улыбнулся.

— Ты думаешь, гора — это лишь камень?

Фома не ответил.

— Гора — и страх, который встаёт перед человеком и делает вид, будто он вечен. Гора — держава, которая угнетает слабых и говорит: «Никто меня не сдвинет». Гора — вина, которую ты носишь так долго, что она начинает казаться тебе собственным телом. Гора — смерть, перед которой склоняются все.
Ученики затихли.

— Когда человек держится за веру, как за посох, вера помогает ему идти. Но когда человек верит так, что весь отдаёт себя Отцу, вера его становится местом, где Божья воля касается мира. Тогда и сдвигаются горы. Не потому, что человек повелевает Богом, а потому, что он перестаёт стоять на пути у Бога.
Фома немного помолчал.

— А у всех ли людей одинаковая вера? Каждый ли может велеть горе сдвинуться?

Иисус остановился. В его взгляде не было строгости. Он смотрел глубоко, словно видел и Фому, и сквозь него — то место, где человек встречается с самим собой.

— Вера не у всех одинакова, — сказал он. — Как не у всех одинаковы глаза, хоть все и глядят на один мир. Один видит лишь камень. Другой — дорогу. Третий видит руку Отца, которая держит и камень, и дорогу, и его самого.
Фома внимательно слушал.

— Вера человека растёт не только из того, что произносят его уста, — продолжал Иисус. — Она растёт из глубины его внутреннего пробуждения. Многие живут словно во сне. Видят, слышат, едят, гневаются, боятся и желают, но не знают, кто в них видит, кто в них слышит, кто боится и кто желает.
Ученики молчали. Эти слова были непохожи на притчи о поле, рыбах и хлебе. Они касались чего-то незримого, что каждый из учеников носил в себе.

— Величайшую веру, — медленно произнёс Иисус, — имеет тот, кто в полной мере сознаёт, что сознаёт. Кто не только смотрит на мир, но и знает, что он — тот, кто смотрит. Кто не только мыслит, но и видит, как перед ним приходят и уходят, словно облака, мысли. Кто не только чувствует страх, но и знает: страх ему не господин.
Фома нахмурился — не от несогласия, а от усилия понять.

Иисус продолжал:

— Такой человек не липнет к каждому слою мира, как муха к мёду. Он проникает глубже. Видит тело, но знает, что он не только тело. Видит мысль, но знает, что он не только мысль. Видит боль, но знает, что он не только боль. И когда он перестаёт заблуждаться в том, кто он есть, он перестаёт беспомощно подчиняться тому, что в нём меняется.
Фома спросил:

— И такое сознание может творить чудеса?

Иисус посмотрел на него.

— Не сам человек, собственной своей силой. Ведь если бы ты сказал: «Я творю чудеса», ты уже был бы отделён от Отца. А в разделении — слабость, хоть оно и рядится в силу.
Он положил руку себе на грудь.

— Сознание человека, который до конца пробудился, уже не разрывается между страхом, желанием, гордыней и сомнением. Оно чисто, как гладь воды в безветрие. В

такой глади может отразиться небо. И когда небо отражается в человеке без искажения, через него может свершиться то, что вы называете чудом.

Пётр спросил:

— Значит, чудо творится не силой человека?

— Не ею, — сказал Иисус. — Чудо совершается там, где человек перестаёт ему мешать. Где сознание его не замутнено тем, чего он хочет для себя, и открыто тому, чего хочет Отец.

Он посмотрел на смоковницу.

— Вчера я показал вам и обратное.

Фома поднял глаза.

— Во мне возник голод, и в ту минуту я уже не просто наблюдал за ним. На миг я сам стал своим голодом. А когда человек становится своим голодом, страхом или гневом, сознание его сужается. Он видит только то, чего ему недостаёт.

— Но ты это осознал, — сказал Иоанн.

— Только когда слово уже было сказано.

Ответ Иисуса был прост.

— Пробуждение не означает, что ветер утихнет. Оно означает, что человек всё раньше замечает, что ветер делает у него внутри. Порой он замечает это до поступка. Порой — пока его совершает. А порой — лишь по дереву, которое после него осталось сухим.

Фома медленно кивнул.

— Поэтому ты велел нам прощать, когда мы молимся?

— Да. Человек может просить с верой, но если внутри он полон гнева, вера его соединится с гневом. Он может требовать справедливости, а на деле жаждать мести. Может говорить о правде, а на деле хотеть унизить другого.

Иисус обвёл взглядом учеников.

— Поэтому одного отсутствия сомнений мало. И Иуда может быть твёрдо убеждён. И жестокий человек может действовать без колебаний. Само по себе единство ещё не есть добро, если всё в человеке слилось в одну ненависть.

При этих словах Иуда чуть заметно напрягся.

— Истинная вера — не только сила убеждения, — продолжал Иисус. — Это единство человека с Отцом. Чем ближе ваша воля к его воле, тем меньше станете вы просить того, что служит вам одним.

Фома спросил:

— Как отличить волю Отца от собственного желания?

Иисус указал ему на грудь.

— Сперва признайся, чего хочешь ты сам. Без прикрас. Без благочестивых слов.

— А потом?

— Спроси себя, кому твоя просьба должна принести жизнь.

Иисус поднял сухой лист.

— Добрые просьбы рождают жизнь, даже когда даются тяжело. Дурные рождают лишь доказательство собственной силы. Если ты просишь о том, чтобы накормить, исцелить, простить, понести бремя другого, ты подобен в своей просьбе Отцу. Когда просишь, чтобы поразить, одолеть, завладеть кем-то или уклониться от назначенного тебе пути, ты не вопрошаешь Бога, а искушаешь его.

Фома сказал:

— А если мы не уверены?

— Тогда ждите.

Иисус посмотрел на сухое дерево, потом на зелёные холмы за ним.

— Порой в ожидании вера чище, чем в поступке. Кто не знает, служит ли его воля жизни, пусть не спешит облекать её властью. Пусть сперва даст ей предстать перед Отцом.

Пётр рассматривал усохшие ветви.

— Если бы ты вчера подождал, дерево было бы живо.

— Да, — сказал Иисус.

В его голосе не было попытки оправдаться.

Пётр не знал, что на это сказать.

Через некоторое время опять заговорил Фома:

— Ты можешь вернуть его к жизни?

Все повернулись к Иисусу.

Иисус положил ладонь на ствол. Закрыл глаза.

Так он стоял долго.

Ученики ждали: не заструится ли в ветвях сок, не расправятся ли сухие листья, не пробьётся ли из-под твёрдой коры новый зелёный побег?
Ничего не произошло.

Иисус открыл глаза.

— Я мог бы просить Отца о жизни для него, — сказал он. — Но и исправлять содеянное нельзя лишь ради того, чтобы доказать, что я в силах стереть свою ошибку.
Фома нахмурился.

— Отчего бы ему снова не жить, если погибло оно из-за твоего слова?

— Может быть, оно будет жить, — ответил Иисус. — Может быть, когда-нибудь корни его дадут новый побег. Но если бы я сейчас воскресил его лишь затем, чтобы скрыть от ваших глаз след той моей минуты, я снова воспользовался бы силой ради себя.
Он провёл пальцами по растрескавшейся коре.

— Не всякую вину искупишь, стерев её последствия. Иногда последствия должны оставаться на виду: так проступает правда.
Фома посмотрел на него.

— Значит, этому дереву нести на себе твою ошибку?

— И моё прозрение, — сказал Иисус. — А когда-нибудь, быть может, и ваше.

Он помолчал.

— Человеку хотелось бы убрать с глаз долой каждое сухое дерево, напоминающее ему, каким он был. Но дерево, которое останется, может уберечь от такого же слова много других.
Пётр глубоко вздохнул.

— Тяжело слышать от тебя такое.

— Потому что вы хотите, чтобы тот, за кем вы идёте, был далёк от вашей слабости, — сказал Иисус. — Вы думаете, спасти вас может только тот, кто никогда не чувствовал того, что чувствуете вы. Но как проведёт вас через искушение тот, кому неведом его голос?
— Откуда же нам тогда знать, что надо идти за тобой? — спросил Иуда.

Иисус спокойно посмотрел на него.

— Идите за мной не потому, что я никогда не споткнусь. Идите за мной туда, где я и споткнувшись не отвернусь от правды.

Иуда отвёл глаза.

Фома всё ещё смотрел на дерево.

— Ты говорил, кто хочет смоквы без цветка, тот хочет дара без пути.

— Да.

— А кто проклинает дерево за то, что не нашёл на нём смоквы?

Иисус взглянул в сторону Иерусалима.

— Тот хочет, чтобы мир понёс кару за его собственную нехватку.

Дыхание Фомы дрогнуло.

Иисус продолжал:

— Так поступают цари. Так поступают владыки. Так отцы поступают со своими детьми, а господа со своими слугами. Их мучит голод: им мало власти, почитания, уверенности в завтрашнем дне. И они карают мир за то, что он их не насытил.

Он указал на смоковницу.

— Потому и запомните это дерево. И как знамение бесплодного храма. И как знамение опасности, которая таится в человеке, чьё слово наделено силой.

Иоанн спросил:

— Значит, лучше вовсе не иметь силы?

— Нет, — ответил Иисус. — Без силы вы не подняли бы упавшего, не защитили бы ребёнка, не построили бы дома. Сила не есть зло. Сила открывает, что в человеке.

— Как огонь? — сказал Иоанн.

— Как огонь. В руках того, кто любит, он греет. В руках того, кто боится, обжигает.

Фома сказал:

— И чем сильнее огонь, тем чище должны быть руки.

Иисус кивнул.

— Чем больше у человека власти, тем меньше у него права назвать справедливостью даже мимолётную досаду.

Какое-то время слышно было только ветер в сухих листьях.

Потом Иисус двинулся дальше.

Ученики пошли следом, но медленнее, чем прежде. Смоковница осталась позади, у дороги, как знамение, смысл которого нелегко свести к чему-то одному.
В ней был образ храма, полного обрядов и лишённого милосердия.

Был образ человека, который зеленеет на виду у всех, а голодному не даёт ничего.

Она была свидетельством силы слова.

И последствием минуты, когда голос голода заглушил согласие со всем бытием.

Пётр думал о вере, которая может сдвинуть гору.

Но впервые он задумался и о том, всякую ли гору, которую человек способен сдвинуть, следует сдвигать.

Иоанн думал о глади сознания, в которой может отразиться небо. Но он понял: и в чистую воду может упасть камень, на миг разбив отражение.
Иуда думал о власти. Не о её бремени, а о том, что мир, пожалуй, и вправду способен покориться воле человека, который ни в чём не сомневается.
Фома думал о смокве, которая не могла появиться, ибо не был пройден ведущий к ней путь.

А потом и о дереве, которое умерло, потому что на краткий миг нарушился лад в пути того, кто произнёс над ним слово.
Иисус шёл впереди к Иерусалиму.

Голод уже отступил, но память о высохшем дереве Иисус нёс с собой. Он не отмахнулся от случившегося как от ошибки, неуместной в рассказе о праведном человеке. Нёс её с собой как тихое предостережение.
Чем ближе они подходили к городу, тем яснее вырисовывались вдали стены храма.

И они тоже были в густой листве.

Молитвы, жертвы, ризы, ладан, законы и обеты.

А в их тени по-прежнему оставались голодные.

Над всеми слоями времени уже сгущалась тень креста.

Никто из учеников ещё не знал, что вскоре им предстоит смотреть на другое дерево. На сухое древо, воздвигнутое между небом и землёй. На нём они увидят человека, от которого ждали плодов Царства, а перед глазами у них не будет ничего, кроме крови, боли и смерти.

Им покажется, что все обетования иссохли.

Они будут ждать: не обратит ли он свою силу себе во благо?

Не велит ли гвоздям выйти?

Не велит ли древу разломиться?

Не велит ли небу погубить тех, кто над ним глумился?

А он снова будет голоден.

Будет жаждать.

Будет изнурён и покинут всеми.

Но на этот раз не даст боли сузить весь мир до его собственного страдания.

Не потребует, чтобы бытие согнулось вокруг его страха.

Не проклянёт тех, кто отнял у него жизнь.

Он их простит.

Только тогда Фома поймёт, что подлинное величие его учителя было вовсе не в том, что он мог иссушить дерево.
А в том, что, когда он сам висел на древе и мог проклясть весь мир, он этого не сделал.

Только тогда они поймут, что глубочайшие слои действительности приходят в движение не от грохота силы, а от тихой воли того, кто и посреди боли остаётся в согласии с Отцом.
Только тогда они поймут, что величайшее чудо не всегда является плодом на ветке в тот день, когда человек голоден.
Иногда оно является словом прощения в тот день, когда человек вправе проклинать.

Иногда — лишь после смерти дерева.

Иногда — лишь когда из сухого древа вырастает жизнь для всего мира.

11. Эларион: Марея Лиорен

Марея Лиорен научилась бояться молча.

Не от слабости. Слабые люди часто боятся в голос, потому что надеются на спасение. Марея боялась молча, потому что долго верила, что должна сама спасти своё достоинство.

Поначалу Ариен ни разу её не ударил.

Поначалу он был внимателен.

Внимание опасно, когда выдаёт себя за любовь, а на самом деле прощупывает границы.

Он помнил, о чём она говорила. Замечал, когда она уставала. Знал, каких мест в городе она не любит, что пьёт за работой, кого считает пустым человеком, кому доверяет. Сначала рядом с ним ей казалось, что её видят. Позже — что за ней следят. Одно сменилось другим исподволь, как меняется свет перед грозой.

— Я просто за тебя боюсь, — говорил он, спрашивая, с кем она была.

— Я просто не хочу, чтобы тобой пользовались, — говорил он, когда отзывался с сомнением о её друзьях.

— Я просто знаю, что у людей на уме, — говорил он, убеждая её, что она судит о людях наивно.

Марея была аурелианкой из старинной, хотя и не самой знатной родовой линии. Род Лиоренов славился скорее целителями, архивистами и учителями, чем политиками. В детстве её учили, что чуткость мужеству не помеха. Много времени прошло, прежде чем она поняла: для Ариена её чуткость была не даром, а местом, на которое можно надавить.

За несколько лет до встречи с Арионом Марея работала над тем, чтобы исследователи наследственных болезней получили доступ к обезличенным медицинским данным. Она верила, что обмен сведениями поможет больным скорее дождаться лечения. Но одна региональная страховая система сопоставила казавшиеся анонимными данные с адресами и установила, о каких семьях идёт речь. Страховые взносы у них подняли ещё до того, как выяснилось, больны ли они вообще.

Марея помогла семьям вернуть прежние условия и дала показания при проверке проекта. От самих исследований она не отреклась. Но с тех пор, читая любой запрос, смотрела и на то, кто сможет воспользоваться результатом, сколько времени будет его хранить и кто увидит, что к данным обращались. Этой осмотрительностью она руководствовалась и во всех последующих спорах о прозрачности.

Случилось это у него дома, в квартире над финансовым кварталом Нитры.

На улице шёл дождь. Далеко внизу, в мокром стекле улиц, преломлялись огни автономных модулей. Марея пришла поздно: заседание по медицинским архивам затянулось. Ариен стоял у окна. Даже не обернулся.

— Ты была с ним?

Называть имя не требовалось.

Есаир Давион встал между ними раньше, чем Марея сама поняла, что он вошёл в её жизнь. Сперва он принёс с собой покой, рядом с которым она яснее ощутила собственную тревогу.

— Я была на заседании, — сказала она.

— Я не об этом спросил.

— Тогда спроси по-другому.

Ариен обернулся.

На лице его был не гнев в обычном смысле слова. Там была оскорблённость. Как будто самостоятельность Мареи была не её правом, а изъяном в системе, которая по праву должна принадлежать ему.

— Знаешь, что делают такие, как Давион? — спросил он. — Входят в комнату, и все ведут себя так, словно услышали древнее пророчество.

— Есаир в этом не виноват.

— Есаир, — повторил Ариен.

Он произнёс это имя мягко. Оттого оно прозвучало ещё страшнее.

— Ты его боишься, — сказала Марея.

На мгновение воцарилась полная тишина.

Потом он шагнул к ней. Быстро. Слишком быстро. Схватил за запястье.

— Я никого не боюсь.

Стиснул пальцы.

Не настолько, чтобы сломать кость. Настолько, чтобы показать: мог бы.

Марея посмотрела ему в глаза.

— Отпусти.

— Сперва скажешь мне правду.

— Правда в том, что сейчас я тебя боюсь.

Его пальцы разжались едва-едва.

Её слова не отрезвили его. Они его оскорбили.

— Значит, я теперь насильник.

— Ты мужчина, который держит меня против моей воли.

Тогда он её ударил.

Марея устояла на ногах. В комнате ничего не разбилось. Войди кто-нибудь, ни за что бы не догадался, что здесь произошло. На щеке остался жар его раскрытой ладони. На мгновение у неё перехватило дыхание.
Ариен мгновенно побледнел.

— Марея...

Она подняла руку.

Не затем, чтобы загородиться от него. Чтобы остановить историю, которую он вот-вот начнёт рассказывать.

Что не хотел.

Что она его спровоцировала.

Что она его напугала.

Что это была любовь, просто слишком сильная.

— Нет, — сказала она.

Это было самое тихое слово в комнате.

И самое сильное.

Она ушла в ту же ночь.

Всех вещей не взяла. Только то, что могла унести в одной сумке и в одной душе, которая наконец перестала оправдываться за свой страх.

Следующие недели были странно пустыми. Ариен писал ей, потом умолкал, потом передавал вести через общих знакомых. Однажды появился перед зданием, где

она работала. Заявления она не подала. Не из жалости. Скорее потому, что не хотела, чтобы первая история о её свободе, которую услышат другие, была историей о нём. Потом были дебаты в Нитре.

И Есаир.

Не спаситель. Марея терпеть не могла саму мысль о том, будто женщину должен спасти один мужчина, чтобы она смогла уйти от другого. Она ушла сама.
С Есаиром было иначе.

Он был для неё свидетелем того, что есть мир, где рядом с ним ей не приходится умалять себя.

После дебатов о ББД они вместе вышли из зала во внутренний двор Совета Союза. Шумела вечерняя Нитра. Над ними пролетел транспортный модуль, так тихо, что слышно было, как в каменном канале бежит вода.

— Сегодня вы сказали одну вещь, которую вам не простят, — заметила Марея.

— Какую?

— Что право человека на частную жизнь следует защищать, а право власти оставаться невидимой — нет.

Есаир опёрся о перила.

— Вы думаете, я ошибался?

— Нет. Но я боюсь, кое-кто сошлётся на ваши слова, чтобы заодно открыть медицинские архивы.

— Этого я не говорил.

— Знаю. Завтра объясните комиссии. От неё мне уже пришло три запроса.

Есаир взглянул на уведомления у себя в интерфейсе. Ему они тоже пришли.

— С утра?

— В восемь. Запаситесь терпением.

Марея поправила рукав на запястье. «Я знаю и таких людей, которые всякую попытку заглянуть в чужую жизнь называют заботой».

Есаир ни о чём не спросил. Это она заметила в нём сразу. Большинство на его месте спросили бы, что случилось. Кто из участия, кто из любопытства, кто для того, чтобы составить собственное суждение. Есаир молчал так, что её история оставалась её историей.

— Ариен Корвет, — сказала она наконец.

Есаир кивнул.

— Я видел его сегодня в зале.

— Он смотрел на вас.

— Знаю.

— Не как на оппонента.

— Знаю.

Марея посмотрела на него.

— Вас это не тревожит?

— Тревожит. Я просто стараюсь не давать тревоге власти над своими поступками.

Эти слова остались с ней.

Позже они шли вместе по старой Нитре. Не сговаривались — просто ни один не свернул. Говорили об архивах, о детях в Ауриоле, о том, можно ли изменить мир, не сделав его при этом более жестоким.

На прощание случилась одна мелочь.

Марея хотела пожать ему руку, но в последний миг коснулась тремя пальцами внутренней стороны его запястья. Она сделала это невольно. Движение опередило мысль.

Оба на миг умолкли.

— Простите, — сказала она.

— За что?

— Не знаю.

Есаир посмотрел туда, где лежали её пальцы.

— Странно, — тихо сказал он.

— Что?

Он словно подыскивал слова.

— Мне почудилось, что я что-то вспоминаю. Только не знаю что.

Марея не ответила.

Она почувствовала то же самое.

Слабое и смутное чувство, похожее на эхо в комнате, куда она ещё никогда не входила.

Они расстались. Она шла одна по освещённым улицам Нитры и впервые за долгое время не чувствовала, что одиночество — наказание.

Поздно той ночью Ариен прислал ей одно-единственное сообщение.

Личные решения никогда не остаются личными.

Марея долго смотрела на эти слова.

И всё же не стёрла.

Сама не знала почему.

Может быть, потому, что иная угроза поначалу притворяется утверждением, которое пока нельзя доказать.

12. Земля: Иисус на горе

Иисус взял с собой Петра, Иоанна и Иакова и взошёл с ними на гору помолиться. Уже поздно было, когда шли они по каменистой тропе: солнце клонилось к закату, и тени удлинялись на склоне. Ученики молча шли за ним, ибо не знали, почему он привёл их именно сюда, и трепет касался их, как холодный ветер.

Когда они достигли уединённого места, высоко над окрестными землями, Иисус отошёл от них на несколько шагов и поднял глаза к небу. Он не произносил ни слова вслух, но губы его шевелились, и казалось, он беседует с кем-то, кто сокрыт от глаз. Пётр, Иоанн и Иаков стояли позади него, пока дорожная усталость и ночная тишина не одолели их. Они сели на землю, и веки их отяжелели.

И пока Иисус пребывал в молитве, совершилось перед ними нечто, превосходящее человеческое разумение. Облик лица его изменился, и одежда его засияла белизной, какой не знает ни один ткач на земле. Не так белеет лён или шерстяное одеяние: то был свет, словно исходивший изнутри. Лицо его сияло, будто за ним открылось солнце, и всё же этот свет не обжигал глаз пробудившимся.

Пётр встрепенулся, как человек, услышавший во сне голос. Иоанн открыл глаза, и дыхание его замерло. Иаков упёрся ладонями в землю и неотрывно смотрел перед собой, ибо рядом с Иисусом стояли два мужа. Не походили они ни на странников из селений, ни на старцев из храмовых дворов. Они были облечены славой, и лица их были серьёзны, словно ведали они начало и конец многих веков.

Они беседовали с Иисусом. Речь их была тиха, а ученикам казалось, что они и понимают её, и не понимают. Говорили о пути, которому суждено завершиться в Иерусалиме, о крови, которой предстоит пролиться, о страхе людей, о власти священников и о часе, когда Сын Человеческий предаст себя в руки тех, кто не разумеет света.

Пётр в трепете глядел на них, и радость в сердце его мешалась со страхом. А увидев, что двое, кажется, готовятся уйти, сказал Иисусу:

— Учитель, хорошо нам здесь. Сделаем три кущи: одну тебе, одну Моисею и одну Илии.

Сам он не знал, что говорит. Ибо когда человек видит то, к чему ещё не готов, язык его спешит впереди разума.

Тогда над ними возникло облако. Не снизу поднялось оно, как туман из долины, и не ветер пригнал его со стороны моря. Оно сошло свыше, тихое и светлое, и окутало их. Когда ученики вошли под его сень, великий страх объял их. Ибо в облаке был свет, а в том свете — присутствие, перед которым малым становится человеческое сердце.

И из облака раздался голос:

— Это Сын мой избранный. Его слушайте.

Когда голос смолк, облако расступилось. Свет отступил, как вода, уходящая в глубину, и Иисус стоял перед ними один. Одежда его вновь стала одеждой человека, и на лице его лежала телесная усталость, но глаза ещё хранили отблеск далей, неведомых ученикам.

Долго никто из них не говорил ни слова. Они спускались с горы, и в темноте хрустели под ногами камни. Пётр несколько раз оглядывался, словно ждал, что снова увидит на вершине тех двоих, но видел лишь небо, полное звёзд.

Наконец он осмелился и подошёл к Иисусу.

— Господи, — тихо сказал он, — те двое, что говорили с тобой... были то Илия и Моисей?

Иисус посмотрел на него. Ответил не сразу. Сделал ещё несколько шагов, словно взвешивал каждое слово, чтобы не вложить в него больше, чем мог понести Пётр.

— Всё несколько сложнее, Симон, — сказал он наконец.

Пётр нахмурился.

— Как же сложнее, Господи? Мы ведь видели их. И знали, что это они.

Иисус остановился. Над ними сияли звёзды, и ночь была ясна. Он указал рукой на небо.

— Когда дитя видит светильник, ему кажется, что свет обитает в глине, из которой вылеплен сосуд. Когда взрослый видит звезду, ему кажется, что это всего лишь точка на небесном своде. Но Отец сотворил больше, чем человек способен назвать.

Пётр поднял глаза.

— Ты говоришь об ангелах?

— И о тех, кого вы назвали бы ангелами, — сказал Иисус. — Но не всё, что приходит свыше, имеет крылья.

Пётр не понял его. Иоанн и Иаков подошли ближе, ибо почувствовали, что Иисус говорит о том, чего ещё никогда им не открывал.

Иисус продолжал:

— Видите эти огни? Вы думаете, они даны лишь затем, чтобы отмечать дни и годы. Но у многих из них есть миры, которых Отец не оставил пустынными. Есть места, где реки текут под иным солнцем, где растения тянут листья к иному свету и где существа, подобные человеку, ищут истину, как ищете её вы.

Пётр побледнел.

— Люди? — спросил он.

— Люди, — ответил Иисус, — хотя не все они таковы, как вы. Иные старше вас в знании. Иные познали тайны природы прежде, чем отцы ваши построили первые города. Они умеют исцелять раны, которые вам кажутся неисцелимыми. Умеют говорить на расстоянии без слов. Умеют преодолевать пространства, которые вам кажутся непреодолимыми. Когда такой человек являет вам своё умение, вы называете это чудом.

Иаков содрогнулся.

— Значит, чудо — не чудо?

Иисус обернулся к нему с кроткой улыбкой.

— Для ребёнка и семя, из которого вырастает дерево, — чудо. Для мудрого то закон жизни. Но умаляется ли от этого слава Отца? Нет. Ибо закон, познанный человеком, остаётся Божьим законом. И тайна, которую открыл человек, остаётся тайной, которую ему дано было открыть.

Пётр молчал. Слова об иных мирах страшили его больше, чем облако на горе.

— А те двое? — снова спросил он. — Если они не были Моисеем и Илиёй в том смысле, как мы полагали, то кто же они?

Иисус посмотрел в долину, где вдали мерцали огни селений.

— Они были тем, что вам дано понять, — сказал он. — И вместе с тем чем-то бóльшим. Они явились под именами, знакомыми вашим сердцам, ибо, приди они без покрова, вы пали бы ниц и ничего не поняли.

— Скажи нам правду, — настаивал Пётр.

Иисус посмотрел на него ласково, но твёрдо.

— Если бы сегодня я сказал тебе всю правду, Симон, ты бы её не понял. Ты сделал бы из неё кумира или устрашился бы её. Ни в том, ни в другом нет веры.

Пётр склонил голову.

Иисус пошёл дальше, и они последовали за ним.

Некоторое время спустя он сказал:

— Есть среди миров те, кто взял род человеческий под своё покровительство. Не для того, чтобы отнять у вас свободу, а чтобы пламя не задохнулось, прежде чем научится гореть. Они следят за вашими шагами, охраняют пределы, которые вам ещё нельзя переступать, а иногда касаются самой истории, когда та вот-вот повернёт на гибельный путь.

Иоанн спросил:

— А ты знаешь их, Господи?

Иисус ответил:

— Я знаю их. И они знают меня.

В этих словах было что-то, чему ученики не знали названия. Так звучит не слово учителя о пророках, а воспоминание того, кто пришёл из мест более далёких, чем может завести человека любая дорога.

Пётр снова взглянул на небо. Звёзды уже не казались ему маленькими огоньками, приколоченными к небесному своду. В них чудились двери. И за каждой мог быть мир, который смотрел на него в ответ.

— Зачем ты нам это показал? — спросил он.

Иисус остановился у края тропы. Ночь была тиха.

— Потому что настанет час, и вы увидите мою слабость, — сказал он. — Увидите меня связанным. Увидите избитым и покинутым. Увидите, как люди станут глумиться над тем, чего не понимают. И тогда вспомните эту гору. Вспомните, что свет может сокрыться в теле, но телу не погубить его.

Никто не ответил.

Когда они спустились ниже, занялся рассвет. Первый свет коснулся камней, и земля вновь обрела свой знакомый облик. Но в Петре уже ничто не осталось в точности прежним. Он шёл рядом с Иоанном и Иаковом, а в мыслях всё ещё стоял там, наверху, в облаке, под звёздами, перед мужами, которые были Моисеем и Илиёй и всё же были чем-то бóльшим.

И велел им Иисус никому об этом не рассказывать.

Ибо не всякая истина может быть дана людям сразу. Иная истина должна подождать, пока в человеке станет просторнее сосуд, способный её вместить.

13. Эларион: Ариен Корвет

Ариен Корвет не родился злым человеком.

Это было бы слишком просто. А простые объяснения — милость, которую история оказывает тем, кто не хочет нести ответственность за сложные истины.

Сперва он родился просто сыном.

И из всех людей на свете больше всех любил свою мать.

В ранних его воспоминаниях она была первым местом, где ему ничто не грозило.

Когда в детстве он упал и разбил колено, то побежал не к медицинскому модулю, хотя тот висел на стене в нескольких метрах. Он побежал к ней. Когда в школе впервые получил плохую оценку, то два часа скрывал её от отца, а потом показал матери. Когда поссорился с соседским мальчиком, то пришёл домой исполненный праведного гнева, и она дала ему выговориться, пока от его рассказа мало-помалу не отпало всё, что он сам к нему прибавил.

У матери был редкий дар не торопиться его поправлять.

Она садилась рядом.

Слушала.

И лишь когда он выговаривал все те слова, которыми человек защищается от собственной вины, она иногда спрашивала:

— А теперь скажи мне, как всё было на самом деле.

Ариен почти всегда рассказывал.

При ней можно было потерпеть неудачу, и эта неудача не становилась немедленным приговором ему самому. Можно было сердиться и не быть от этого плохим. Можно было плакать, и она не объясняла, что слезами делу не поможешь.

Отец его был другим.

Он любил Ариена. В этом мальчик всерьёз не сомневался ни разу. Просто любовь отца принимала форму правил.

Отец верил в точность. Верил, что уговор чего-то стоит, лишь если остаётся в силе и тогда, когда становится неудобен. Что слово, которое можно смягчить задним числом в зависимости от обстоятельств, — всего лишь предложение, а не обещание.

Он занимался правовыми нормами и регулированием денежного обращения. Целыми днями решал, что происходит, если одна сторона исполнила условие, а другая нет, когда у одной возникает право требования, а у другой прекращается обязанность и что в точности означает слово «*вовремя*».

Эту привычку мыслить он приносил с собой домой.

В девять лет Ариен увлёкся старой механической головоломкой.

Кубиком Рубика.

На Эларионе существовали игры, способные создавать для человека целые миры, моделировать войны, города, чужие планеты. А Ариен неделями просиживал над маленьким разноцветным кубиком: ему не давал покоя порядок, скрытый в таком простом предмете.

Отец это заметил.

— Соберёшь его без подсказок, — сказал он ему как-то вечером, — отведу тебя в зоопарк в Сарене.

Ариен поднял голову.

Он ни разу ещё не был в зоопарке. Мать показывала ему записи: звери с трёх материков, громадные водоёмы, ночные павильоны и старый лес под куполом, которому давали расти почти без вмешательства человека.

— Правда?

— Если соберёшь.

— Весь?

Отец улыбнулся.

— Если бы я имел в виду половину, я бы сказал «половину».

Следующие дни Ариен упражнялся до боли в пальцах.

Поначалу заучивал движения. Потом понял, что запомнить последовательность мало. Нужно понять, почему детали меняются местами. Почему верный поворот на одной стороне нарушает порядок на другой и почему этим порядком приходится на время пожертвовать, чтобы потом вернуть всё на место.

Кубик его завораживал.

Это был маленький мир, где хаос существовал лишь по видимости.

Просто человек пока не знал, как его собрать.

За два дня до поездки он впервые собрал кубик.

Потом ещё раз.

Накануне отъезда, вечером, он уже мог повторить все движения почти не задумываясь.

Мать взъерошила ему волосы.

— Значит, завтра увидишь зверей.

Ариен улыбнулся.

— Если соберу.

Мать на мгновение взглянула в сторону отца.

— Но ты ведь уже умеешь его собирать.

Тогда Ариен не понял, зачем она это сказала.

Понял на следующий день.

Они стояли у входа в зоопарк.

За высокими прозрачными стенами он видел верхушки деревьев. Оттуда доносились голоса животных, знакомые ему лишь по записям. Люди проходили в ворота, ведя за руку детей, и Ариен уже не мог стоять спокойно.

Отец протянул ему кубик.

— Ну вот.

Ариен засмеялся.

— Сейчас?

— Мы уговорились, что ты его соберёшь.

— Так я же вчера собрал.

— У зоопарка мы сегодня.

Мать посмотрела на отца.

— Ему правда нужно собирать его сейчас?

— Если умеет, в чём же дело?

Ариен взял кубик.

Сначала всё шло легко. Первый слой. Второй. Углы. Рёбра.

Потом он почувствовал, что отец за ним следит.

У них за спиной прошла семья с двумя детьми. Ворота открылись, и на мгновение за ними показалась широкая дорожка между деревьями.

Ариен заторопился.

И сделал ошибку.

Маленькую.

В самой последней комбинации повернул одну сторону не туда.

Когда понял это, оцепенел.

Кубик был почти собран. Пять сторон выглядели как надо. На последней несколько квадратиков оказались не на месте.

— Погоди, — сказал он. — Я ещё раз.

Отец взглянул на часы.

— Нет.

Ариен решил, что он шутит.

— Что?

— Ты его не собрал.

— Но я умею собирать.

— Сейчас ты не собрал.

— Я только в конце ошибся.

— Да.

Ариен посмотрел на ворота.

Потом на отца.

— Я сейчас поправлю.

— Мы не договаривались, что ты будешь исправлять ошибки, пока не получится.

Мать встала между ними.

— Ты же знаешь, что он может. Он вчера нам показывал.

Отец ответил спокойно:

— Значит, и сегодня следовало быть внимательным.

У Ариена защипало глаза.

— Пожалуйста.

Отец покачал головой.

— Если уговор теряет силу, едва кому-то становится жаль, что так вышло, значит, уговора у нас вовсе не было.

Он повернулся и пошёл к транспортному модулю.

Ариен не сдвинулся с места.

За воротами ходили дети. Где-то вдали раздался низкий голос крупного зверя, и несколько человек побежали к смотровой площадке.

Они были там.

В нескольких десятках метров от него.

Оставалось только пройти в ворота.

Мать осталась с Ариеном. Отец уже ждал у модуля.

Мальчик держал в руках почти собранный кубик, по щекам у него текли слёзы.

— Ненавижу его, — сказал он.

Мать опустилась перед ним на колени.

— Нет.

— Ненавижу.

— Сейчас — да.

Ариен посмотрел на неё сквозь слёзы.

Мать взяла кубик в руку.

— Твой отец иногда путает точность со справедливостью.

Ариен запомнил эти слова.

— А разве если так положено, то это не справедливо?

— Не всегда.

— А зачем тогда правила?

Мать не сразу нашла ответ.

— Чтобы помогали нам решать, когда мы не знаем, как поступить. А не затем, чтобы из-за них мы разучились чувствовать.

Она вернула ему кубик.

— И ещё одно.

— Что?

— Если у тебя что-то не вышло в точности как надо, это ещё не значит, что ты сам ни на что не годишься.

Тогда Ариен кивнул.

Но гораздо глубже в нём отпечаталось другое.

Ворота, у которых можно так и остаться стоять, хотя до цели рукой подать.

Условие, которое можно не выполнить одним неверным движением.

И мир, которому нет дела до того, что не хватило такой малости.

Спустя несколько лет его постигла беда, навсегда изменившая его взгляд на мир.

В тот день они были с матерью вдвоём.

Они возвращались домой от её сестры, когда на одном из транспортных ярусов произошёл сбой синхронизации. Три автономных модуля почти одновременно вошли в один коридор.
Первая система предотвратила столкновение.

Вторая — нет.

Позже, вспоминая столкновение, Ариен не мог припомнить звука удара.

Он помнил свет.

Белый.

Резкий.

А потом мир, опрокинутый набок.

Защитное поле удержало его. У него была разбита губа, ушиблено плечо, на лбу кровь, но он мог пошевелиться.
А мать — нет.

Часть конструкции модуля придавила ей нижнюю половину тела. Она была в сознании. Дышала коротко и неглубоко.
Ариен подполз к ней.

— Мама.

Она посмотрела на него.

И даже тогда улыбнулась.

После именно это мучило его больше всего.

Не боль на её лице.

Эта улыбка.

Словно даже здесь, в разбитом модуле, среди дыма, протяжного воя сирен и крови, она всё ещё оставалась его тихой гаванью.

— Я здесь, — сказала она.

Спасатели прибыли быстро.

Системы Элариона успевали отреагировать на транспортную катастрофу раньше, чем человек успевал осознать, что она произошла. Над местом аварии появились спасательные модули, медицинские дроны сновали между ранеными, и над каждым телом светились непрерывно обновлявшиеся показатели состояния.
Ариен смотрел только на мать.

Один из медиков опустился возле неё на колени.

Другой обернулся к обломкам соседнего модуля.

Оттуда вытащили ребёнка.

Мальчика примерно одних лет с Ариеном.

Одежда на нём была изодрана, лицо в крови, рука неестественно вывернута под телом.

Когда он открыл глаза, Ариен увидел золотое кольцо.

Оно было ярким.

Почти светилось.

Медицинская система немедленно добавила новые данные.

Один из спасателей посмотрел на проекцию.

— Аурелианский профиль регенерации.

Второй кивнул.

Прозвучало ещё несколько фраз, которых Ариен тогда толком не понял.

Вероятность выживания.

Время, ещё отпущенное на спасение.

Массивное внутреннее кровотечение.

Регенеративный ответ.

Свободен один реанимационный модуль.

Второй модуль в пути.

Слишком поздно.

— Сначала ребёнка, — сказал командир бригады.

Ариен поднял голову.

— Нет.

Никто его не услышал.

— Нет!

Спасатели уже переносили мальчика.

Ариен ухватил одного из них за одежду.

— Мою маму!

Мужчина обернулся.

— Ещё один модуль уже на подходе.

— Так заберите её!

— Мы должны решать согласно...

— Она умрёт!

Медик на миг закрыл глаза.

Возможно, именно тогда Ариен впервые увидел, что человек может следовать всем правилам и при этом знать, что делает нечто страшное.

— Мы пытаемся спасти обоих.

Ариен обернулся к матери.

Она, должно быть, слышала весь разговор.

— Возьмите мальчика, — прошептала она.

Ариен взглянул на неё, не веря своим ушам.

— Нет.

— Ариен.

— Нет.

Она протянула к нему руку.

Пальцы у неё дрожали.

Он взял их в ладонь.

— Мам, скажи им.

— Смотри на меня.

— Скажи им, пусть тебя заберут.

— Ариен.

В её голосе всё ещё звучал покой, знакомый ему с детства.

Покой их кухни.

Покой их вечеров.

Покой человека, к которому он шёл всякий раз, когда мир становился для него слишком большим.

— Этого ребёнка можно спасти, — сказала она.

— И тебя тоже.

Она не ответила.

За спиной Ариена закрылись двери медицинского модуля.

В последний миг он ещё раз увидел лицо незнакомого мальчика.

И его глаза.

Золотое кольцо скрылось за непрозрачной стеной.

Второй модуль, за матерью, прибыл через несколько минут.

В отчёте потом точно указали, через сколько.

Ариен долгие годы помнил это число наизусть.

Его мать умерла по дороге в больницу.

Позже врачи объяснили, что и более ранняя отправка не гарантировала ей спасения. Обломок разорвал крупные сосуды таза. На месте дроны могли лишь замедлить кровотечение. Чтобы закрыть рану, требовался специализированный модуль. Для регенеративной терапии нужны были устойчивое кровообращение и часы, которых у неё уже не оставалось. Решение спасателей соответствовало протоколу. У мальчика из соседнего модуля, учитывая его возраст, характер травм и аурелианский профиль регенерации, было значительно больше шансов выжить при оказании интенсивной помощи.

Мальчик выжил.

Мать Ариена — нет.

Само по себе золотое кольцо ничего не решило.

Оно было лишь видимым признаком одного из тех факторов, которые учитывала система.

Но для Ариена это не имело значения.

Детская память хранит пережитое потрясение иначе, чем заключение эксперта.

Она хранит образ.

Ариен помнил мать, лежащую среди обломков.

Двери спасательного модуля.

И золотые глаза ребёнка, что закрылись по ту сторону.

Так в Ариене родилась ненависть к аурелианам.

У неё не было доводов.

Не было истории.

Не было политической теории.

У неё был цвет.

Золотой.

После похорон отец запросил полную запись аварии.

Изучил телеметрию, время реагирования, протокол медицинской сортировки, решения медиков и прогностические модели.
Ариен ждал, что он найдёт виновного.

Ему был нужен виновный.

Кто-то ведь должен был допустить ошибку.

Кто-то должен был ответить.

Через несколько дней отец закрыл последний отчёт.

— Они действовали правильно, — сказал он.

Ариен смотрел на него.

— Мама умерла.

Отец опустил глаза.

— Знаю.

— Как же они могли действовать правильно?

Отец долго молчал.

Его лицо словно застыло, и тогда Ариен принял это за холодность. Лишь много позже он понял: если человек на глазах у всех не рассыпается на части, это ещё не означает, что ему не больно. Он рассыпается внутри, где никто его не видит.

— Не всякое правильное решение приводит к доброму исходу, — сказал отец.

Ариену стали омерзительны эти слова.

— А какой тогда толк в его правильности?

Отец не ответил.

И Ариен впервые понял то, что уже никогда до конца не отпускало его.

Система может сделать всё по правилам, а человек всё равно умрёт.

Никому не придётся лгать.

Никому не придётся нарушать закон.

Никто не будет желать зла.

А итогом может стать могила.

С того дня он стал иначе изучать механизмы.

Раньше они интересовали его потому, что ему нравилось понимать, как всё устроено.

Теперь ему нужно было ими управлять.

Если мир смог отнять у него мать решением, которое нельзя назвать ошибкой, значит, мало быть хорошим человеком.

Мало быть правым.

Мало даже умолять.

Нужно понимать, чем руководствуется мир, принимая решения.

И если не хочешь оказаться среди тех, кого система оставит ждать, нужно оказаться у истоков правил ещё до того, как дело дойдёт до решения.

Так в детстве он усвоил две вещи.

Первую: миром управляют не те, кто прав, а те, кто понимает механизмы.

Вторую: если ты не видишь механизма, значит, ты в числе тех, кем он управляет.

Он родился в западном вейранском государстве, в семье управленцев, юристов и знатоков валютной стратегии. После смерти матери дом остался прежним, и всё же в нём больше не было места, куда можно было прибежать за утешением.

Отец по-прежнему был там.

И правила тоже.

Семейные ужины продолжались.

За столом говорили о колебаниях рынков, коалиционных соглашениях, пробелах в регулировании и о том, какое государство всё ещё считает свой центральный банк независимым.

О чувствах почти не говорили.

Ариен приспособился.

Он был необыкновенно умён. Ум его обладал точностью хирургического инструмента. Он умел рассечь проблему слой за слоем, найти слабое место, предугадать, кто уступит, кого можно убедить, кого купить и кого обойти.

Вейранские школы видели в нём талант.

Финансовые консорциумы — выгодное вложение.

Политики — полезного человека.

Сам себя он считал человеком, способным заглянуть за занавес.

Подростком он вернулся к записям об аварии, в которой погибла мать.

Не один раз.

Много раз.

Поначалу искал ошибку медиков.

Потом — ошибку алгоритма.

Позже пытался выяснить, кто утвердил протокол и какие данные легли в его основу.

Заговора не обнаружил.

И это злило его сильнее, чем если бы он его нашёл.

Мальчика спасли, потому что система оценила его шансы выше. Аурелианский биологический профиль был всего одной из многих переменных.

Но Ариен стал повсюду замечать аурелиан.

В трансляциях торжеств.

В родовых документах.

В старейших школах.

В рассказах о людях, чьё тело быстрее восстанавливалось.

В легендах о родах, которые некогда будто бы умели исцелять прикосновением.

Золотое кольцо преподносили как культурное наследие.

Ариен видел в нём преимущество, которое человеку доставалось от рождения.

В начале своей карьеры Ариен предложил руководству транспортной службы держать в резерве реанимационные модули на случай аварий с несколькими пострадавшими. В этом не было ничего показного. Он рассчитал время прибытия, места размещения модулей и стоимость резерва. Когда ему сказали, что бóльшую часть времени эти мощности будут простаивать, он положил перед ними отчёт об аварии, в которой погибла мать, и попросил включить в расчёт минуты ожидания.

Предложение одобрили. Два года спустя он получил донесение о столкновении, куда одновременно прибыли два реанимационных модуля. Оба тяжелораненых выжили. Одним из них был аурелианский мальчик. Ариен сохранил донесение. Тогда он ещё верил, что более справедливое правило способно защитить человека независимо от цвета его глаз.

И всё же как-то раз, глядя на аурелианское празднество, он поймал себя на мысли, которой тогда ещё немного стыдился:

Вам и моя мать досталась.

Это была неправда.

Его ум знал это.

Но боль его не занималась анализом.

Человек может годами знать, что ненависть его покоится на зыбком основании, и всё же выстроить на нём целый дом. Нужно лишь со временем набрать достаточно доводов, чтобы дать старой ране новое имя — убеждение.

Ариен их нашёл.

А потом встретил Марею.

Она не походила на его мать.

Ни характером, ни образом жизни, ни складом ума. Сам Ариен счёл бы подобное сравнение примитивным.

И всё же рядом с ней он впервые за долгие годы испытал нечто знакомое с детства.

Возможность хоть на миг перестать оправдываться перед миром.

Марея была чуткой, но ею нельзя было управлять. Доброй, но отнюдь не податливой. Если она не соглашалась с ним, то вовсе не ради того, чтобы взять верх. Она просто не могла изменить тому, что так ясно видела сама.
Поначалу он этим восхищался.

Рядом с ней порой возвращался человек, которого он годами прятал за механизмами.

Потом он испугался.

Ведь то, в чём нуждаешься, можно потерять.

Ариен уже однажды знал, куда вернуться, когда ему больно, пока в один прекрасный день мир не отнял у него это пристанище.
И он принялся делать то, что делал со всем, чего не хотел потерять.

Пытался понять.

Потом — предугадать.

Потом — контролировать.

Он запоминал, что говорила Марея. С кем встречалась. Когда приходила домой. Кому доверяла. Кто имел на неё влияние. Что заставляло её менять взгляды.
Самому себе объяснял это вниманием.

Потом — заботой.

В конце концов — своим правом.

А когда оказалось, что человека нельзя взять под контроль, как денежный поток, стал злиться.

Марея не укладывалась в его систему.

Ею нельзя было владеть.

И когда он понял, что владеть ею невозможно, то возненавидел в ней именно то, что когда-то любил.

После её ухода в квартире воцарился чересчур безупречный порядок.

Она ничего не разбила. Не кричала. Не выставила его перед всеми чудовищем, чтобы он мог встать на свою защиту.

Тихо сказала «нет» и ушла.

Первые дни он твердил себе, что она вернётся.

Потом — что кто-то на неё повлиял.

Потом в его мыслях появился Есаир Давион.

А с ним и давний цвет.

Золотой.

Странно, как легко могли соприкоснуться в человеке два события, разделённые десятилетиями.

Чужой ребёнок, которого увозят с места аварии.

Мужчина рядом с Мареей.

Оба аурелиане.

У обоих в глазах золотое кольцо.

Разум знал, что причинной связи между ними нет.

Ране она не требовалась.

Ариен стал говорить себе, что Марея и не могла по-настоящему принадлежать к его миру. Что аурелиане в конце концов всегда выберут своих, сколько бы ни говорили об общечеловеческом, о равенстве, о цивилизации в целом.
В решающий миг, считал он, они возвращаются в свой круг.

К своему золотому кольцу.

Он возненавидел этот знак задолго до того, как признался себе в этом.

И хуже всех для него был род Давионов.

Миф, над которым образованные люди смеялись, но от которого так и не отреклись до конца. Исцеление прикосновением. Предвидение беды. Природа, которая слушает. Старые сказки для цивилизации, у которой были биологический искусственный интеллект, квантовые сенсоры и города на другой планете.
И всё же стоило Есаиру Давиону встать в зале Совета Союза и произнести одну фразу, как люди умолкали.
Позднее Ариен пересматривал запись дебатов в Нитре.

Остановил её на лице Есаира.

«Право человека на частную жизнь следует защищать. Право власти оставаться невидимой — нет».

Есаир стоял спокойно. Ему не требовалось ни торжества, ни игры на публику.
Именно это и тревожило Ариена.

Честолюбивого политика можно купить.

Демагога можно разоблачить.

Гораздо труднее управлять человеком, который не стремится к власти и всё же обретает её благодаря чужому доверию.

Ариен увеличил изображение его глаз.

На мгновение в них проступило золотое кольцо.

И мир вокруг него исчез.

На какую-то долю секунды он вновь ощутил запах гари в разбитом модуле.

Услышал голос медика:

Аурелианский профиль регенерации.

Увидел руку матери.

Двери медицинского модуля.

Золотые глаза мальчика.

Потом он снова был в Нитре.

Перед изображением Есаира Давиона.

От отвращения у Ариена свело желудок.

— Нет, — сказал он в пустую комнату.

Он ещё и сам толком не знал, чему противится.

Есаиру.

Марее.

Аурелианам.

Системе, которая когда-то приняла решение без всякой ненависти и всё же отняла у него мать.

Может быть, и собственному унижению.

Всё это уже так тесно переплелось в нём, что он переставал отличать одно от другого.

И в этот самый миг на рабочем столе вспыхнуло уведомление.

Сообщение пришло по закрытому каналу связи, каким пользовались управляющие крупными фондами, политические советники и люди, не желавшие, чтобы их разговоры попали в обычные архивы.

Отправитель не был указан.

В сообщении значились место, время и всего одна фраза:

Господин Торн был бы рад побеседовать с вами о последствиях сегодняшнего выступления.

Ариен дважды перечитал сообщение.

У Каэла Торна не было официальной должности, отвечавшей масштабам его влияния. Он не возглавлял ни правительство, ни центральный банк. Но имя его всплывало в кругах управляющих активами, инвестиционных фондов, СМИ, благотворительных организаций и политических штабов.

О нём говорили как о советнике.

Те, кто знал больше, никак его не называли.

Ариен не стёр сообщение.

Сначала снова включил речь Есаира.

На этот раз смотрел не на Есаира.

Нашёл в кадре Каэла.

И заметил короткий миг, когда Каэл смотрел не на выступавшего.

Он смотрел на него.

Ариен принял приглашение.

Они встретились на следующий вечер высоко над Нитрой, в помещении, официально принадлежавшем фонду содействия экономическому сотрудничеству между государствами.

Каэл уже ждал.

— Господин Корвет.

— Господин Торн.

— Ваше имя мне давно знакомо.

— И это должно меня обрадовать?

— Это должно побудить вас к осторожности.

Каэл открыл запись конференции и остановил её на кадре с Есаиром.

— «Когда придёт пора общего дела, ценность больше не должна ходить в тени, — прочёл он. — То, что служит всем, должно быть видно всем».

Ариен ожидал насмешки.

Вместо этого он увидел на лице Каэла нечто куда более любопытное.

Страх.

Каэл Торн боялся этой мысли.

Для него прозрачность была не нравственным вопросом, а угрозой самому его существованию. Если бы денежные потоки Элариона удалось нанести на одну карту, она выявила бы далеко не одни лишь случаи уклонения от налогов.
На ней проступили бы политические партии, которые получали средства из одних источников.

СМИ, которые на публике ненавидели друг друга, а по сути принадлежали одним и тем же деньгам.

Благотворительные организации.

Банки.

Фонды.

И дом Торнов.

— У Давиона пока нет организации, — сказал Каэл. — Ни партии, ни аппарата, ни закона.

— Тогда почему вы его боитесь?

— Потому что люди понимают, о чём он говорит.

Каэл выключил изображение.

— Сложные идеи можно похоронить в комиссиях. Простые распространяются сами.

Ариен откинулся назад.

— Вы позвали меня, чтобы сказать, что боитесь одного аурелианина?

— Я позвал вас, потому что вы его не боитесь.

— Не боюсь.

Каэл помолчал.

— Вы его ненавидите.

Ариен почувствовал, как напряглись мышцы шеи.

— Вы слишком мало обо мне знаете.

— Я знаю, как вы на него смотрели.

— Взгляд ничего не доказывает.

— Я ищу не доказательство. Я ищу побуждение.

Ариен встал.

Каэл не стал его останавливать.

— Вы здесь не из-за Мареи Лиорен, — сказал он.

Ариен остановился.

— Из-за неё ваша давняя ненависть всего лишь вновь обрела голос.

На этот раз Ариен резко обернулся.

Каэл не догадывался, как точно попал.

Он не знал об аварии.

О матери.

О мальчике.

О золотых глазах за закрывающимися дверями.

Но таким людям, как Каэл, незачем знать, откуда взялась рана. Достаточно заметить, что она есть.

— Что вам от меня нужно? — спросил Ариен.

— Пока ничего.

— Тогда можно было и не звать меня.

— Я хочу предложить вам поддержку.

Ариен медленно сел.

— Для чего?

Каэл открыл сводку по исследовательским и финансовым структурам.

— Вы работаете с консорциумами. Знаете тонкости перехода от одной юрисдикции к другой, разбираетесь в валютах, в правовых режимах. Вы разрабатывали нормативную базу для биологической безопасности.

— И всё в рамках закона.

— Разумеется.

Каэл произнёс это слово так спокойно, что оно утратило смысл.

— Дома и фонды, с которыми я сотрудничаю, ищут людей, способных анализировать долгосрочные риски для цивилизации. Экономические. Политические. Социальные. Генетические.

Ариен посмотрел на него.

— Аурелианские?

Каэл ответил не сразу.

— И аурелианские, если вы считаете, что они представляют риск.

В тот миг перед ним открылся не план.

Открылась дверь.

Каэл предлагал доступ к финансированию, юридическим конторам, фондам и исследовательским центрам. К людям, умевшим задавать вопросы так, что подлинный их смысл терялся за языком специалистов.

— А чего вы хотите взамен?

— Сведений. Куда ведёт мысль Есаира. Кто её поддерживает. Есть ли возможность остановить её распространение, прежде чем нравственный призыв станет политической программой.

— Хотите его дискредитировать?

— Если получится.

— А если нет?

Каэл пристально посмотрел на него.

— Тогда потребуется более точный анализ.

Больше можно было ничего не говорить.

После встречи Ариен начал читать о наследственности аурелиан.

Сперва он уверял себя, что это профессиональное любопытство.

Он узнал об особых законах наследования. О сыновьях, которым от отца-аурелианина передавались характерные признаки. О смешанных родовых линиях. О сочетаниях маркеров. О физиологических особенностях, связанных с золотым кольцом.

Биология.

Просто биология.

В точности как в отчёте о смерти матери.

Чем больше он читал, тем ближе сходились в нём две половины жизни, которые прежде он не давал себе смешивать.

Ребёнок, потерявший мать.

И взрослый мужчина, которому было необходимо объяснить мир, не признаваясь, что им по-прежнему управляет тот ребёнок.

Он начал вести заметки.

Нравственный авторитет без избирательного мандата.

Преемственность рода как политический капитал.

Давион — символ, который отказывается быть символом и оттого действует сильнее.

Прозрачность как средство нравственного влияния аурелиан.

Последняя мысль была ложью.

Прозрачность не принадлежала аурелианам. Есаир предлагал общую для всех систему.

Но Ариен уже не отталкивался от действительности.

Он отталкивался от вывода, к которому ему требовалось прийти.

А умный человек, заранее избравший вывод, бывает порой опаснее глупца.

Ведь глупец не сумеет проложить безупречный путь к заблуждению.

Ариен умел.

Чем больше он писал, тем меньше сознавал, что пишет вовсе не об аурелианах.

Он писал о мальчике у входа в зоопарк.

О воротах, которые не открылись, потому что он не выполнил условие.

О матери среди обломков.

О медицинском модуле, который открыл двери другому.

О Марее, которая закрыла дверь за собой.

Слишком много в его жизни было дверей.

И Ариен решил, что никогда больше не останется стоять перед закрытой дверью.

Однажды вечером Марея ответила на одно из его прежних сообщений.

Ариен, я не вернусь. То, что случилось, не было ошибкой, которую мы допустили вдвоём. Ты переступил черту. Желаю тебе однажды найти в себе силы это признать.
Он перечитывал сообщение много раз.

Последняя фраза разъярила его больше всего.

Именно потому, что это была правда.

Через три дня он увидел запись открытой дискуссии в Ауриоле. Есаир говорил там об архивах. Марея сидела среди слушателей.
Когда Есаир закончил, взгляды их на миг встретились.

Ничего, что сошло бы за доказательство.

И всё же Ариен увидел в этом всё.

Он остановил запись.

Есаир.

Марея.

Золотое кольцо.

А где-то глубоко, под всеми этими годами учения, влияния и самообладания, девятилетний мальчик всё ещё держал в руках почти собранный кубик.
Он открыл на рабочем столе список исследовательских фондов.

Возле нескольких светился новый статус доступа.

Расширенный доступ одобрен руководством фонда.

Каэл сдержал слово.

Ариен мог подавать предложения по стратегическим проектам, пользоваться финансовыми и правовыми консультациями и связывать программы в разных странах, на первый взгляд ничем друг с другом не связанные.
Пока ещё ни в чём из этого не было преступления.

Исследования в области биобезопасности были необходимы.

Изучение генетики популяций могло спасать жизни.

Моделирование системных рисков входило в круг обязанностей тех, кто отвечал за судьбу цивилизации.

У каждого инструмента было законное применение.

Всё решало то, кто однажды положит их рядом.

Ариен знал, как придать огромному проекту облик разрозненных начинаний. Знал, как скрыть стоящий за ним интерес, так что ни одному человеку не придётся сознательно преступить закон.

Он долго смотрел на открывшиеся перед ним возможности.

Не всегда человек становится преступником в миг, когда совершает первое преступление.

Иногда черту он переступает намного раньше.

В тот миг, когда, увидев возможность уничтожить другого, вместо вопроса «*Смею ли я?*» задаёт себе вопрос «*Как это можно было бы сделать?*».

Ариен ещё ничего не заказал.

Ни в одну лабораторию не обращался.

Конкретного плана у него не было.

Но у него был покровитель.

Доступ.

И уверенность, что найдутся люди, готовые выполнить каждый свою часть дела, так и не узнав, что они создадут вместе.

Ночью он вышел на террасу.

Внизу сияла Нитра. Над городом проходили корабли, держа курс на орбитальное кольцо и дальше, к Таэрону.

Мир был точен.

Взаимосвязан.

Управляем.

Ариен вспомнил отца.

Они действовали правильно.

Вспомнил мать.

Правила не затем, чтобы из-за них мы разучились чувствовать.

Десятилетиями эти две фразы противостояли друг другу в его памяти.

В конце концов он выбрал отцовскую.

Не потому, что простил отца.

А потому, что с ней можно было работать.

Если люди принимают решения сообразно механизму, достаточно завладеть механизмом.

Если учреждения следуют правилам, достаточно проложить путь, на котором каждое поступит по своим правилам.

Если замысел поделён между многими людьми, ни на кого не ляжет вся тяжесть вины.

Ариен посмотрел на город.

— Личных решений не существует, — тихо произнёс он.

Ему понравилась эта фраза.

Она звучала как философия.

А на самом деле в ней всё ещё плакал ребёнок у запертых ворот.

На рабочем столе у него за спиной ждало сообщение из канцелярии дома Торнов.

Финансовая и правовая поддержка обеспечена. Представьте первоначальный замысел проекта.

Ариен вернулся в комнату.

Созрев, ненависть перестаёт кричать.

Она принимается распоряжаться.

Каэл открыл ему первую дверь.

А за ней Эларион, великая цивилизация под великим солнцем, всё ещё предлагал ему слишком много коридоров.

14. Земля: Начало нового поколения

Вечер уже спускался на землю, а за спиной у них оставался Иерусалим, как рана, ещё не успевшая затянуться. Ученики сидели в доме за запертыми дверями. Никто не говорил в полный голос. Каждый нёс свой стыд: Пётр — за отречение, Фома — за неверие, остальные — за бегство, молчание и страх.
И вдруг воздух в комнате переменился.

Не слышно было ни шагов, ни скрипа двери. Просто вдруг он стоял посреди них.

Иисус.

Он стоял среди них, живой и спокойный, слишком настоящий для воспоминания, тени или видения, рождённого отчаянием. На его лице последнее слово больше не принадлежало боли.
— Мир вам, — сказал он.

Никто не шевельнулся. Потом одни попятились, другие упали на колени. Пётр закрыл лицо руками. Иоанн беззвучно заплакал. Фома смотрел так, словно в единый миг рухнул весь мир, который он выстроил на сомнении.
Иисус поднял руки. На запястьях были следы гвоздей. Потом он отвёл край одежды и показал бок, из которого всего несколько дней назад истекли кровь и вода.
— Это я, — сказал он тихо. — Не ко сну вы прикасаетесь. Не к тщетной надежде. Вы прикасаетесь к тому, что смерть не смогла удержать.
Фома подошёл, словно боясь того, что ему откроется. Он хотел коснуться раны, но рука его замерла в воздухе. Вся его упрямая уверенность надломилась.
— Господь мой, — прошептал он, — и Бог мой.

Иисус посмотрел на него без укора.

— Ты уверовал, потому что увидел. Но придут те, кто не увидит, и всё же в них будет гореть тот же огонь.

Потом он сел среди них, словно вернулся из недолгой отлучки, а не из царства смерти. Попросил у них еды. Ему подали кусок печёной рыбы и немного хлеба. Он ел у них на глазах, неторопливо, как едят все люди, и это самое обыденное было страшнее чуда. Ведь дух не ест. Сон не преломляет хлеб. Воспоминание не смотрит человеку в глаза.

Когда он поел, то заговорил с ними о Писании. О Моисее, о пророках, о словах, которые они слышали всю жизнь, но которые лишь теперь отворились перед ними, как ворота. Он говорил, что Сыну Человеческому надлежало сойти туда, куда люди больше всего страшатся заглянуть, чтобы показать им: и там Бог не утратил власти над миром.

— Вы думали, что крест — это конец, — сказал он. — Но крест был тем местом, где человеческая власть исчерпала себя до дна. Там, где человек показал, что он может сделать с Богом, Бог показал, что он может сделать для человека: простить его.

Позже они отправились на север, к той воде, у которой он впервые призвал их. Тивериадское море было спокойно, и ночь лежала над ним тёмным покровом. Пётр сказал, что идёт ловить рыбу, и остальные пошли с ним. Всю ночь они закидывали сети, но ничего не поймали.

На рассвете на берегу стоял человек.

— Дети, — окликнул он их, — есть ли у вас что поесть?

— Нет, — ответили они.

— Закиньте сеть по правую сторону лодки.

Они так и сделали. Сеть наполнилась так внезапно, что вытащить её у них не хватило сил. Иоанн побледнел и посмотрел на Петра.

— Это Господь.

Пётр, не раздумывая, бросился в воду. Он брёл к берегу, словно с каждым шагом хотел вернуться в дни до той ночи, когда трижды сказал, что не знает его.

На берегу уже горел огонь. На углях лежали рыба и хлеб. Иисус стоял у пламени, его лицо озарял утренний свет. Неподалёку от него стояла Мария Магдалина. Она молчала, но её молчание отличалось от молчания остальных. В нём не было ни стыда, ни страха. Скорее тихое знание, словно она с самого начала знала, что не в смерти суждено окончиться их истории.

Они ели вместе. Никто не смел спросить его: «Кто ты?» Ибо все знали.

Когда они поели, Иисус обратился к Петру.

— Симон, сын Иоанна, — сказал он, — любишь ли ты меня больше, чем они?

Пётр опустил глаза.

— Господи, ты знаешь, как ты мне дорог.

Иисус кивнул.

— Паси агнцев моих.

Затрещал огонь. Пётр поднял глаза, но Иисус спросил его снова:

— Симон, сын Иоанна, любишь ли ты меня?

Голос Петра дрогнул.

— Да, Господи. Ты знаешь, как ты мне дорог.

— Паси овец моих.

В третий раз Иисус спросил:

— Симон, сын Иоанна, дорог ли я тебе?

Тогда у Петра заныло всё, что ещё притворялось в нём зажившим. Три вопроса ложились на три отречения. Три ответа поднимались из трёх ран.

— Господи, — сказал Пётр, — ты знаешь всё. Ты знаешь, как ты мне дорог.

Иисус долго и серьёзно смотрел на него.

— Паси овец моих.

Тогда Пётр понял, что простить — не значит забыть. Это значит доверить дело человеку, который уже знает, как он слаб.

Затем Иисус повёл их на гору. Стояли там одиннадцать, Мария Магдалина и ещё несколько человек, прошедших за ними от Галилеи до Иерусалима. Под ними простиралась земля, которой ещё долго предстояло оставаться разделённой между империями, священниками, купцами, мечом и страхом. Над ними открылось небо — не как путь к бегству, а как напоминание, что мир не заперт в собственной жестокости.

Иисус сказал:

— Дана мне власть, которой люди не могли меня лишить, ибо не они дали её мне. Итак, идите и научите народы. Не мечом. Не страхом. Не жаждой властвовать. Учите их видеть. Учите любить правду больше собственной выгоды. Учите прощать, но не служить лжи. Крестите их для жизни, в которой человек уже не принадлежит одному себе.

Иные упали на колени. Иные плакали. А иные всё ещё сомневались, ибо и перед лицом чуда человеческое сердце остаётся человеческим сердцем.

Иисус подошёл к ним ближе.

— Я уже не буду с вами так, как был прежде, — сказал он. — Но я буду с вами во все дни, в каждом, кто пробудится ото сна собственного страха. Я буду в сознании, которое познает само себя. Буду в каждом, кто поймёт, что Царство Божие приходит не как дворец из облаков, а как свет внутри человека.

Потом он повернулся к Марии Магдалине.

Это был не жест учителя, обращённый к ученице. Было в нём нечто более древнее, более глубокое, более тихое. Так две реки после долгих странствий находят друг друга в одном русле. Мария подошла к нему, и на миг руки их соприкоснулись. Пётр видел это. Иоанн тоже. Никто не сказал ни слова.

Иисус в последний раз взглянул на Петра.

— Ты останься со стадом, — сказал он ему. — Ты соберёшь их вместе, когда они разбегутся. Ты будешь напоминать им о хлебе, об огне и о море. Будешь говорить им, что я воскрес.

Пётр хотел что-то возразить, но Иисус остановил его взглядом.

— А ты, — обратился он к Иоанну, — несёшь слово. Сохрани то, что видел, а ещё бережней храни то, что понял.

Потом сказал всем:

— Не всё, чему положил начало Бог, должно совершаться на глазах у мира. Есть дела, которые зреют втайне. Есть семена, которым надлежит упасть вдали от храмов, вдали от престолов, вдали от тех, кто хотел бы ими владеть.

Мария Магдалина стояла рядом с ним, ветер шевелил ей волосы. На лице её не было удивления. Скорее согласие человека, уже знающего дорогу.

— Придёт время, — продолжил Иисус, — когда родятся люди, которые понесут не имя моё, как знамя, но сознание моё, как пламя. Они не будут править миром из дворцов. Они изменят его, потому что будут видеть дальше других. Будут рождаться среди разных народов, в разные времена, в телах обыкновенных людей. И всякий раз, когда мир подойдёт к краю пропасти, кто-нибудь из них вспомнит.

Ученики не всё поняли. Возможно, и не могли понять. Слова, которые они услышали, были больше их жизней.

В небе двинулось светлое облако. Не как колесница, которой предстоит унести его у них на глазах, а как покров, призванный скрыть путь, которого им ещё не дано было знать. Иисус поднял руки и благословил их.

— Будьте мне свидетелями, — сказал он. — До самого края земли.

Затем он отступил в свет.

Одни видели, как облако скрыло его от их глаз. Другие готовы были поклясться, что он поднялся ввысь. Иные же, особенно Иоанн, до конца своих дней так и не знали наверное, где в то мгновение разверзлось небо — над ними или в них самих.
Когда свет исчез, они остались стоять на горе, вглядываясь в пустоту.

Двое в белом предстали рядом с ними, словно тихий ответ на вопрос, которого никто не смел произнести.
— Зачем вы смотрите в небо? — сказал один из них. — Тот, кто ушёл, не сгинул. Он лишь ступил на путь, которого вы пока не умеете проследить.
Пётр повернулся к остальным. По лицу его текли слёзы, но в нём появилась твёрдость, которой прежде не было.
— Пойдёмте, — сказал он. — Нам пасти его овец.

А далеко от них, там, где дорога терялась среди скал и утреннего света, шли бок о бок две фигуры. Мужчина и женщина. Не как те, кто бежит от мира, а как те, кто в тишине несёт его будущее, чтобы однажды мир нашёл его в самом себе.
За ними оставались Иерусалим, крест, пустая гробница, огонь на берегу и стадо, вверенное Петру.
Впереди была дорога, о которой не скоро напишут книги.

И всё же на этом пути однажды предстояло родиться новому поколению людей — не более сильных телом, не более богатых имением, но с более ясным сознанием. Людей, которые будут помнить, сами не зная откуда. Людей, которые в решающие мгновения истории услышат в себе тихий голос:
Пробудись.

Ибо царство начинается не на престоле.

Оно начинается в человеке, который осознаёт, что обладает сознанием, и делает из этого верные выводы.

Часть II. Одно преступление, разделённое на части

15. Тридцать валют

У денег нет умысла.

Они не умеют ненавидеть, завидовать или жаждать мести. Не знают, покупают ли хлеб, лекарство, голос политика или чью-то будущую смерть. Им ведомы лишь направление, сумма и счёт, на котором они ненадолго задержатся.
Умысел им придаёт человек.

А человек давно научился отделять деньги от собственного имени.

Каэл Торн принял Ариена в той самой комнате, где они встретились впервые. Высоко над Нитрой, за стеной из тёмного стекла. Город внизу светился, как гигантская сеть нервов. Между башнями струились транспортные потоки, река отражала огни, а вдали над горизонтом поднималось орбитальное кольцо.
Стол между ними был пуст.

Каэл положил на него ладонь.

Появилась карта Эларион.

Сорок государств.

Тридцать валют в обращении.

Сотни банков.

Тысячи фондов, благотворительных организаций, управляющих компаний, адвокатских контор и реестров собственности, которые знали друг о друге ровно столько, сколько предписывал закон.
— Что вы здесь видите? — спросил Каэл.

Ариен вгляделся в карту.

— Раздробленность.

— Политик сказал бы: многообразие.

— Банкир сказал бы: возможность.

Каэл слегка улыбнулся.

— Вот почему я вас пригласил.

Он коснулся одной из северных областей. Появилась валюта Северного союза. Затем открыл государство на южном архипелаге — Теринит. Его реестр охранял сведения о владельцах фондов строже, чем медицинскую тайну собственных граждан. Между ними протянулась линия.

Один и тот же платёж на севере, в Терините и по возвращении в Союз выглядел в реестрах совершенно по-разному.
Одни и те же деньги.

Три правовые формы.

Четыре назначения.

Ни одного имени.

— Союз видит начало, — сказал Каэл. — В Терините видят свою часть, в следующей стране — свою. Когда деньги возвращаются в Союз, у него перед глазами уже другая запись. И в каждой записи верные сведения.
— А целого не видит никто.

— Целое — опасное понятие. Политики его недолюбливают.

Каэл движением руки открыл другие потоки. Их были сотни. Одни вели к транспортным компаниям, другие — к СМИ, политическим фондам, исследовательским центрам, страховым компаниям.
Одна линия вела в Карский пояс, где два государства третий год воевали за доступ к месторождениям энергоносителей.
— Вы снабжаете их оружием, — сказал Ариен.

Каэл и бровью не повёл.

— Одна компания, в которой фонд под управлением моего дома имеет миноритарную долю, поставляет одной из сторон оборонное оборудование.
— А другой?

— Предоставляет кредиты на восстановление разрушенных городов.

Ариен посмотрел на него.

— Восстановление ещё не началось.

— Именно поэтому условия выгодны.

Каэл закрыл слой с войной. Без стыда, но и без гордости. Как человек, перекладывающий документ с одного края стола на другой.

— Я говорю вам это вовсе не для того, чтобы произвести впечатление, — сказал он.

— Мне нужно, чтобы вы поняли, с чем имеете дело. Скрываясь, власть не исчезает. Она распадается на части, и каждая в отдельности кажется вполне приемлемой.

— И чего вы ждёте от меня?

— Общих очертаний.

— Чего именно?

— Это вам решать.

Ариен отвернулся к городу.

После их первой встречи он всё думал, чего, собственно, хочет. Мысли его возвращались к Есаиру, Марее и золотому кольцу, но сказать Каэлу об этом такими словами он не мог. Слишком мелко бы прозвучало. Слишком лично. Смешно.

Он хотел, чтобы Марея узнала: она ушла от человека куда значительней, чем могла себе представить.

Хотел, чтобы Есаир перестал стоять перед людьми живым воплощением нравственного ответа на вопрос, которого ещё никто толком не задал.

Хотел, чтобы аурелиане перестали смотреть на мир глазами старого предания, по которому им принадлежало особое место в истории.

Но прежде всего он хотел, чтобы что-нибудь надломилось.

Не всё.

Лишь бы люди перестали верить, что Есаир Давион способен указать путь, по которому можно идти без опаски.

— Биологическая безопасность, — сказал Ариен.

Каэл не пошевелился.

— Продолжайте.

— Между тремя ветвями Элариона есть биологические различия. Медицина их учитывает, а политики говорят об этом с оглядкой. Со слишком большой оглядкой. Никто не знает, что случится, если появится угроза здоровью, от которой одна ветвь пострадает гораздо сильнее остальных.

— Вы хотите исследовать такую угрозу?

Ариен обернулся.

— Я хочу исследовать готовность цивилизации.

Каэл улыбнулся.

Не потому, что поверил.

Потому, что оценил формулировку.

— Для этого нужны исследования.

— Данные.

— Лаборатории.

— Вычислительные мощности.

— Политическое прикрытие.

— Не прикрытие. У каждого исследования будут законные основания.

Каэл откинулся на спинку кресла.

— А какой будет их общая цель?

Ариен помедлил секундой дольше, чем требовалось.

— Общей цели они знать не будут.

На карте Элариона по-прежнему светились тридцать валют.

У каждой своя стоимость, свои правила, своя история и свои границы. Деньги на переходах так часто меняли обличье, что казалось, с каждым обменом они теряют частицу прошлого.

Каэл увеличил карту.

— Для тех, кто увидит расходы, — сказал он, — никакого общего проекта существовать не должно.

— Сколько будет компаний?

— Зависит от того, скольким вопросам вы хотите дать ход.

— А настоящие владельцы?

— В реестрах будут имена. За некоторыми из них вы не разглядите владельца.

— Кто будет всем этим руководить?

— Никто.

Ариен посмотрел на него.

Каэл продолжил:

— Вы будете знать, что вам нужно. Остальные будут знать каждый своё. У финансистов, юристов, исследователей в руках окажутся разные части вашего замысла. Никому из них не откроется главное — чем они заняты вместе.

— А если единого центра не будет?

— Тогда ни одно расследование не откроет всей картины сразу.

Ариен снова посмотрел на тридцать валют.

— Сколько мы их задействуем?

Каэл пожал плечами.

— Достаточно, чтобы каждое учреждение смотрело в свою сторону.

У денег не было умысла.

Но в ту ночь у них появилось направление.

И вели они к ране, у которой пока не было имени.

16. У раны появляется бюджет

Ариен проработал три дня, не выходя из квартиры.

Шторы он не закрывал. Нитра перед его глазами переходила от утра к вечеру, от вечера к ночи и от ночи вновь к холодному свету. На столе скапливались только пустые ёмкости из-под напитков. Всё прочее существовало в слоях над рабочей поверхностью.

Первым делом он написал название:

Программа биологической устойчивости планеты.

Он долго смотрел на него, а потом стёр.

Слишком масштабно.

Слишком цельно.

Слишком заметно.

Вместо одной программы он составил список отдельных вопросов.

С какими трудностями в охране здоровья сталкивается каждая из трёх ветвей Элариона?

Что известно о наследственности и о рисках, которых медицина прежде не знала?

Насколько быстро система здравоохранения распознаёт, что происходит нечто необычное?

Как защитить генетические архивы от злоупотреблений?

Что происходит с устойчивостью общества, если разные группы населения страдают в разной мере?

Чего можно ждать от биологического искусственного интеллекта в деле предупреждения новых угроз здоровью?

Каждый вопрос был законным.

А некоторые — даже насущными.

У Ариена получилось двадцать три проекта.

В них было представлено одиннадцать областей.

Данные.

Моделирование.

Этика.

Вычислительные мощности.

Моделирование в медицине.

Исследования долголетия.

Правовые основы.

Логистика в кризисных ситуациях.

Защита генетических данных.

Оповещение населения о рисках.

Устойчивость инфраструктуры.

Ни одна часть не раскрывала, чему в конечном счёте должны послужить результаты.

Это оставалось только у него в голове.

На четвёртый день пришёл человек из дома Торнов. Имени, которое что-нибудь говорило бы Ариену, он не назвал. Представился просто финансовым координатором.

Он был моложе, чем ожидал Ариен. Лицо у него было такое заурядное, что это казалось профессиональным качеством.

— Господин Торн спрашивает о предварительных масштабах, — сказал он.

Ариен открыл ему доступ к списку проектов.

Координатор молча просматривал один проект за другим. Биология его не занимала. Ему нужны были сведения об учреждениях, расходах и правах тех, кто распоряжался данными.

— Здесь речь о наследственных особенностях? — спросил он, остановившись на одной из строк.

— Да.

— Заявка попадёт в один из фондов.

— Но он занимается другим.

— Судя по заявке, получится иначе.

Ариен нахмурился.

— Мне нужен результат, который я смогу использовать.

— Вы получите то, что вам нужно. У тех, кто предоставит данные, будут свои представления о том, зачем это делается.

Координатор остановился на другом проекте.

— Исследование того, как сработает система здравоохранения. Здесь есть интерес и у страховщиков.

— Зачем страховщикам за это платить?

— Им нужно знать, какие резервы понадобятся в случае эпидемии, которая затронет людей по-разному.

— Мне нужна биологическая модель, а не страховая.

— Каждый получит тот результат, которого ждёт.

Координатор перешёл к следующей строке.

— Большие вычислительные мощности.

— Биологический ИИ.

— Таэрон.

— Почему?

— Из-за тарифов на энергию. Тамошние вычислительные комплексы располагают свободными мощностями.

Ариен смотрел, как его мысли превращаются в статьи расходов.

То, что несколько дней назад существовало лишь как смутное желание навредить Есаиру, обрастало статьями бюджета, сроками и юридическими формами.

У раны появлялся бюджет.

Статьи «ненависть» бюджет не предусматривал.

Для мести в нём не было отдельной строки.

В нём значились услуги, аудит, лицензии, исследовательские гранты и аренда вычислительных мощностей.

Можно было прочесть весь документ и не найти в нём ничего, чего стоило бы стыдиться.

— Сколько это будет в общей сложности? — спросил Ариен.

Координатор назвал сумму.

Она была больше, чем он ожидал.

— Это будет заметно.

— Никто не увидит всей суммы.

— Кто-нибудь может сопоставить получателей.

— На каком основании? Пока никто не видит повода для расследования.

— А если повод появится?

— Тогда будет уже поздно.

Координатор сказал это спокойно, без злорадства. Словно описывал расхождение во времени между двумя системами.
Ариен отвернулся.

В соседнем слое у него всё ещё хранилось последнее сообщение Мареи.

Личные решения никогда не остаются личными.

Он написал ей эти слова как угрозу, но в последние дни они стали представляться ему законом. Марея приняла личное решение. Ушла. Выбрала жизнь без него.
Есаир принял личное решение. Встал в зале и высказал мысль.

Каэл принял личное решение. Открыл финансовые коридоры.

А теперь и Ариен принимал своё.

Каждое решение затрагивало других людей.

Разница была лишь в том, как далеко оно могло простираться.

— У господина Торна есть ещё один вопрос, — сказал координатор.

— Какой?

— Какой результат можно считать приемлемым?

Ариен медленно повернулся к нему.

— Результат исследований?

— Проекта.

Впервые он заколебался.

Он представил себе Есаира больным. Не мёртвым. Просто слабым. Лишённым той спокойной уверенности, которая притягивала к нему других. Представил, как аурелианам придётся просить государства о защите. Как люди перестанут спрашивать о прозрачности и начнут бояться биологических различий.
Представил Марею в тот миг, когда она поймёт, что и Есаира можно ранить.

— Доказательство уязвимости, — сказал он.

Координатор ждал.

— Чьей?

— Аурелиан.

— И Есаира Давиона?

Ариен промолчал.

Этого было достаточно.

Координатор закрыл документ.

— Предварительный план будет готов через десять дней.

Когда он ушёл, в квартире стало тихо.

Ариен открыл один из аурелианских медицинских архивов, доступный для научной работы. Имен и личных записей в нём не было. Лишь сведения о населении, о болезнях прежних лет и описание золотого кольца как наследственного фенотипического признака.

Он читал о нём как о биологической особенности.

Читал о золотом кольце, лишённом смысла знамения.

О свете души в тексте не упоминалось.

Оставалась лишь совокупность признаков, поддающихся измерению.

Это его успокоило.

Легче решиться причинить вред символу, если сперва превратить его в данные.

17. Фонды защиты

Первый фонд появился семнадцать лет назад.

Он назывался Фондом защиты будущих поколений и поддерживал исследования, которые помогли бы уберечь детей от наследственных болезней.
Люди знали его по историям семей, которым он помог оплатить лечение.

Его представители выступали в школах и больницах, участвовали в политических дискуссиях. Каждый год фонд публиковал отчёт с множеством фотографий детей, врачей и учёных.
Имени Каэла Торна не было в нём нигде.

Собственно, фонд никому не принадлежал. У него были попечительский совет, учредительный капитал, независимые аудиторы и договор с управляющей компанией. Компания принадлежала фонду в Терините. Тот фонд представляла юридическая фирма. Фирма действовала по указаниям другого управляющего.
В конце этой цепочки не было имени.

Там было право решать.

Каэлу незачем было владеть фондом. Достаточно того, что люди, распоряжавшиеся его деньгами, знали, на чей звонок нельзя не ответить.
Второй фонд защищал системы здравоохранения от будущих пандемий.

Третий поддерживал безопасную разработку искусственного интеллекта.

Четвёртый занимался этикой обращения с генетическими данными.

Пятый помогал областям, пострадавшим от войны в Карском поясе.

У каждого было хорошее название.

Власть любит наряжаться в слова, против которых трудно возразить.

Защита.

Безопасность.

Будущее.

Дети.

Мир.

Никто не учреждает Фонд невидимого влияния.

Нерай Саэл сидела в Слое и рассматривала платёж, слишком мелкий для серьёзного дела и слишком странный, чтобы просто закрыть его.
Деньги пришли из одного из заведений «Весты».

Не напрямую.

В аналитической сводке были отмечены три платежа от компаний, связанных с «Вестой», в фонды охраны здоровья. У каждого было законное назначение. Нерай привлекли даты платежей и их сходство, хотя плательщики были разные.
— Ты думаешь, ресторан финансирует генетические исследования? — спросил Тарен Восс.

— Пока я ничего не думаю.

— Это твоё самое частое мнение.

Нерай растянула шкалу времени.

— Дело не в одном платеже. Посмотри на остальные заведения.

Тарен сел рядом.

На шкале времени повторялось кое-что ещё. Вскоре после каждого такого платежа появлялась новая заявка на исследование.
— «Веста» поддерживает много добрых начинаний, — сказал Тарен.

— Сама «Веста» ничего не поддерживает, — ответила Нерай. — Пожертвования делают компании, которые кормятся с её заведений.
— В публичном отчёте это прозвучит не так красиво.

— Почему новые заявки появляются именно после этих пожертвований?

— Налоговое планирование.

— Возможно.

— Укрепление репутации.

— Возможно.

— Кого-то в «Весте» замучила совесть.

Нерай посмотрела на него.

— Из всех объяснений это пока наименее вероятное.

Тарен открыл сведения о фондах.

Все они действовали законно.

Пожертвования декларировали в тех государствах, где этого требовал закон. В других обнародовали только общую сумму. Фонды указывали назначение расходов, но не всегда называли конечных получателей. Сведения об исследовательских грантах охранялись как коммерческая и академическая тайна.

— Мы можем запросить перечень проектов, — сказал Тарен.

— Но не все договоры.

— Не все.

— И не сами задания.

— Нет.

— И не имена тех, от кого в конечном счёте шли деньги.

— В некоторых государствах — нет.

Нерай откинулась на спинку кресла.

— Так что же мы увидим?

— То, что нам разрешит увидеть закон.

— Закон разрешит нам увидеть название фонда, заявленную цель и общий объём поддержки. А кто принял решение, кому заплатили и на какой вопрос должно было ответить исследование — этого мы не увидим.

Тарен помолчал.

— У нас по-прежнему нет оснований подозревать преступление.

— Знаю.

— И деньги «Весты» вполне могут быть законными.

— Знаю.

— И фонды, возможно, делают именно то, о чём заявляют.

— И это я знаю.

Тарен посмотрел на неё с лёгкой улыбкой.

— Тогда почему у тебя такой вид, будто тебе уже хочется кого-нибудь арестовать?

— Потому что всё это может быть совершенно невинным, и всё же кто-то устроил так, чтобы оно было именно таким.

На экране появился ответ одного из банков. Банк отказался предоставить полную историю платежей. Для подозрения в тяжком преступлении не было представлено достаточных оснований.

Нерай дважды перечитала ответ.

Им нужно было увидеть движение денег, чтобы понять, есть ли основания для подозрения.

А чтобы увидеть движение денег, им нужны были основания для подозрения.

Тарен указал на один из проектов, получивших поддержку фонда.

— Посмотри.

Грант получило исследовательское учреждение в Ауриоле. Там изучали наследственные механизмы восстановления тканей у аурелиан.

— Может быть, они изучают долголетие, — сказал он.

— Может быть.

— Об этом сейчас все говорят.

Медицина стояла на пороге большого открытия. Экспериментальные методы лечения уже позволяли заметно замедлить старение, восстановить повреждённые органы, продлить жизнь. Любое исследование аурелианской регенерации вполне могло стать ещё одним шагом на пути к жизни, у которой не будет естественного конца.

Но того, другого вопроса Нерай пока не знала.

— Отметь все биологические проекты, — сказала она.

— На каком основании?

— По источнику финансирования.

— Он у них разный.

— Формально.

— Нерай.

— Просто отметь. Мы не начинаем расследование. Мы ищем то, что повторяется.

Тарен послушался.

Перед ними появились девять проектов.

Генетические основы регенерации.

Иммунная устойчивость.

Биологическое моделирование.

Защита медицинских архивов.

Моделирование региональной эпидемии.

Защита вычислительных систем.

Информирование населения в чрезвычайных ситуациях.

Страховые риски при заболевании, неравномерно поражающем разные группы населения.

Этика использования генетических данных.

По отдельности они выглядели разрозненными.

Вместе напоминали части вопроса, которого ещё никто не произнёс вслух.

Нерай открыла дело «Весты» и добавила запись:

Возможно финансирование взаимосвязанных исследований через формально независимые фонды. Общая цель не установлена.

Система потребовала оценить риск.

Не определён.

Она подтвердила выбор.

— Знаешь, что странно? — сказал Тарен.

— Много чего.

— У Фонда помощи Карскому поясу и у Фонда биологической безопасности один и тот же управляющий.

Нерай открыла запись.

Так и было.

Один фонд оплачивал полевые госпитали и помощь беженцам.

Другой — моделирование в области здравоохранения.

Имуществом обоих распоряжался один и тот же фонд из Теринита.

— А сам этот фонд? — спросила она.

Тарен заглянул в реестр.

— Сведения о конечном владельце закрыты.

Нерай посмотрела на переплетение линий.

На одном конце — война.

На другом — биологические исследования.

А между ними — деньги без имени.

Она ещё не догадывалась, что видит перед собой две части речи, которую однажды произнесёт перед Конвентом.

Пока она видела только фонды.

И каждый утверждал, что что-то защищает.

18. БИО-ИИ без ненависти

У биологического искусственного интеллекта не было лица.

В старых фильмах машинам давали глаза и голос, заставляли их двигаться по-человечески. Чтобы довериться разуму или испугаться его, людям нужно было видеть в нём живое существо.
Настоящим системам это представление было уже ни к чему.

БИО-ИИ, к которому получил доступ Ариен, существовал в сети вычислительных центров на Таэроне. У него не было единого ядра, он не находился в одном месте. Он работал с моделями живых систем, медицинскими архивами, обезличенными генетическими данными, историями болезней и симуляциями биологических процессов.
Он находил связи, на поиски которых у целой группы учёных ушли бы годы.

Его использовали для разработки методов лечения.

Для восстановления органов.

Для оценки наследственных рисков.

Для защиты будущих поколений.

В нём не было зла.

В этом и таилась его главная опасность.

Ариену важно было, чтобы за этими вопросами не угадывалось его лицо.
Один фонд думал о здоровье людей.

В исследовательском центре надеялись продлить человеческую жизнь.
Страховщики пытались предвидеть беду.

Комиссию по этике занимало, как защитить доверенные ей сведения.
Для БИО-ИИ это были разные заботы.

БИО-ИИ не знал, что все ответы получает один человек.

Ариен сидел перед экраном и складывал их воедино.

Сначала приходили общие результаты. Статистические различия, популяционные модели, оговорки, предупреждения об опасности неверных выводов.
Затем обнаружились более глубокие связи.

Золотое кольцо оказалось связано с особенностями, которых прежде не замечали. Само по себе оно не означало слабости. Большинство аурелиан были здоровы и кое в чём даже выносливее людей других ветвей.

Но у всякого преимущества был свой предел.

При иных обстоятельствах даже то, на что можно было положиться, становилось источником опасности.

Ариен читал результаты не шевелясь.

Машина не предлагала ему оружия.

Она предлагала карту уязвимых мест.

К каждому ответу прилагались предупреждения.

Данные относятся к популяции в целом.

Степень неопределённости модели высока.

Результаты не могут служить основанием для дискриминации.

Перед любым практическим применением требуется этическая и правовая экспертиза.

Ариен не удалял предупреждений.

Просто хранил их отдельно от результатов.

Позднее он связался с руководительницей одной из исследовательских групп. Над столом возникло её изображение. Это была немолодая селенитка со спокойным лицом человека, который большую часть жизни имеет дело с болезнями и научился не спешить с уверенными суждениями.

— Вы задаёте всё более широкие вопросы, — сказала она.

— Проект развивается.

— Мы начинали с регенерации.

— В медицине одно связано с другим.

— И с риском эпидемии тоже?

— Новое лечение может изменить то, как люди переносят новые болезни.

Учёная кивнула, но слова его, похоже, её не убедили.

— Кто конечный заказчик?

— Фонд защиты будущих поколений.

— Это тот, кто платит. Я спрашиваю, кто будет пользоваться результатами.

— Органы здравоохранения.

— Какие именно?

— Смотря по обстоятельствам.

— Это не ответ.

Ариен посмотрел на неё.

— Это профилактическое исследование планетарного масштаба. Результаты будут обнародованы по завершении правовой экспертизы.

— Тогда почему мы не видим исследования целиком?

— Доступ к данным ограничен законом.

Это была правда.

Учёная молчала.

— БИО-ИИ отказался проводить некоторые симуляции, — сказала она наконец.

— Почему?

— Счёл их слишком чувствительными.

— Какие симуляции?

— Такие, результатами которых можно злоупотребить в ущерб целой группе людей.

— Но ведь именно это нам нужно знать, чтобы их защитить.

— Возможно. Но система не знает ваших намерений.

Ариен едва не улыбнулся.

— Пусть тогда судит о вопросе, а не о человеке.

— Вопрос можно задать по-разному.

— Значит, поищите другой ответ.

Учёная замерла.

— Простите?

— Мне нужен ответ, — сказал он. — А вы сами только что сказали, что вопрос можно задать по-разному.

— И кто будет отвечать за то, что из этого выйдет?

Ариен ушёл от прямого ответа.

— Разве ваша задача не в том, чтобы защищать Эларион от грядущих опасностей?

— В этом.

— Как вы собираетесь защитить его от того, что отказываетесь понять?

Учёная опустила глаза к своим данным.

Учёные терпеть не могли этого вопроса. Он напоминал им, что осторожность всегда можно объявить трусостью, а любознательность — безответственностью.

— Нам понадобится новое заключение комиссии по этике, — сказала она.

— Фонд об этом позаботится.

— Независимое заключение.

— Разумеется.

Связь прервалась.

Два дня спустя комиссия по этике одобрила продолжение исследований с оговоркой: за пределами данного разрешения потребовалось бы новое согласование.
Ариен прочитал документ.

Он был точен.

Он был строг.

И был бессилен против человека, который не собирался обращаться за новым разрешением.

БИО-ИИ не знал ненависти.

У него не было причин вредить аурелианам.

Он не знал, кто такой Есаир и отчего, когда при Ариене произносят это имя, у него сжимается грудь.

Он просто отвечал на вопросы.

Ненависть не проникла в его вычисления.

Она проникла в выбор вопросов.

19. Лаборатории без карты

Первая лаборатория, на побережье Амении, занималась восстановлением тканей.

Вторая находилась в северном государстве, где был один из лучших медицинских университетов Элариона. Там изучали здоровье разных групп населения.
Третья — на орбитальном кольце. В ней работали над системами безопасности для закрытых городов Таэрона.
Четвёртая находилась на самом Таэроне и занималась вычислениями.

Пятая не была лабораторией в привычном смысле слова. Это была страховая аналитическая компания, моделировавшая экономические последствия кризисов в здравоохранении.
Шестая изучала правовые основания для введения чрезвычайных мер в случае неизвестной эпидемии.

Ни одна из этих групп не работала над пандемией.

Во всяком случае, если судить по документам, которые видели сами сотрудники.

В Амении исследователи видели перед собой лишь медицинскую задачу. О работе коллег в другом месте они ничего не знали.
В северной лаборатории не предполагали, что их выводы кто-нибудь однажды обратит против людей с золотым кольцом.
Учёные на орбите работали с датчиками и считали, что берегут жителей Таэрона от неведомых болезней.
Аналитики страховой компании оценивали, каких потерь будет стоить кризис. С биологическими данными они не работали.
Юристы готовили обзор полномочий государств при чрезвычайных ситуациях в здравоохранении.

Каждый знал свой участок.

Карты не было ни у кого.

Она была у Ариена.

На его экране результаты ложились слой за слоем. До готового механизма было ещё далеко. Пока перед ним был скорее набор возможностей, ограничений и уязвимых мест.

Одни результаты противоречили друг другу.

Другие были неточны.

Некоторые лаборатории отказывались работать дальше без дополнительных материалов. Другие просили времени.

Ариен терял терпение.

Каэл — нет.

— У исследований свой ритм, — сказал он на одной из встреч.

— Мне нужен результат, а не ритм.

— Вам нужно, чтобы результаты не привели к вам.

Каэл открыл карту финансирования. Со времени их последней встречи число компаний удвоилось.

— К чему такие сложности? — спросил Ариен.

— Такова цена невидимости.

— Любой лишний посредник может заговорить.

— О чём? Он знает только свой договор.

Каэл показал регулярные поступления на счёт одного из фондов. Деньги шли окольным путём из сети «Веста», и суммы росли даже в городах, где у ресторанов не прибавилось посетителей.

— Почему «Веста»? — спросил Ариен.

— Потому что в её выручке не всякие деньги отличишь друг от друга.

— Откуда эти деньги?

Каэл посмотрел на него.

— Вам действительно нужно это знать?

Ариен помолчал.

— Нет.

— Тогда не спрашивайте.

На другом участке карты появился поток из Карского пояса.

— А это что?

— Прибыль.

— От войны.

— От торговли.

— Поставщики продают технологии правительству, признанному международными соглашениями.

— А фонд потом лечит людей, которых эти технологии покалечили.

Каэл откинулся на спинку кресла.

— Мир любит равновесие.

Ариен почувствовал к нему отвращение.

Дело было не в морали. Скорее в самом Каэле. Он говорил о страдании, и в нём ничего не дрогнуло, словно люди были всего лишь ещё одной переменной. Ариену всё ещё требовалось объяснять себе, зачем он это делает. Ему нужны были Есаир, Марея, аурелиане, давняя несправедливость и собственное унижение.
Каэлу ничего не требовалось.

Ему хватало механизма.

— Когда проект будет закрыт? — спросил Каэл.

— У нас ещё нет окончательной модели.

— Я спрашиваю, когда закончится финансирование.

— Когда я буду знать, можно ли создать ограниченную угрозу здоровью.

Взгляд Каэла изменился.

— Ограниченную?

— Да.

— Пределами территории?

— Пределами популяции.

Каэл молчал.

Ариен продолжал:

— Речь не об уничтожении цивилизации. Нужен кризис, который покажет, что аурелиане ничем не исключительны. Что за их биологический дар тоже приходится платить. Что Есаир не может спасти даже своих.

— А другие ветви?

— Модель должна быть избирательной.

— Должна?

Ариен нахмурился.

— Будет.

Каэл посмотрел на карту лабораторий.

— Природа неохотно считается с политическими целями.

— Потому мы и пользуемся БИО-ИИ.

— Машина способна вычислить вероятность. Но она не заставит мир уместиться в границах вашего замысла.

Ариен подался вперёд.

— Вы сами хотели остановить Есаира.

— Я хотел остановить его идею.

— Без Есаира у неё не будет голоса.

— Голос мучеников обычно слышнее голосов живых.

Ариен встал.

— Он не станет мучеником. Он останется человеком, который обещал свет и не сумел уберечь даже собственную ветвь.

Каэл вглядывался в его лицо.

— Вы всё ещё делаете это из-за него.

— Я делаю это ради равновесия на Эларионе.

— Разумеется.

Слово прозвучало как оскорбление.

Ариен ушёл не простившись.

Той же ночью в одной из лабораторий завершили очередную серию симуляций. Руководительница группы прочла результаты и отметила, что однозначных выводов сделать нельзя. Она рекомендовала продолжить исследования и усилить надзор.
Её отчёт принял фонд.

Фонд передал его консалтинговой компании.

Компания подготовила сокращённую версию для заказчика.

До Ариена дошли таблицы.

Предупреждение осталось в приложении.

Никто не солгал.

Никто не подменил результатов.

Просто правда побывала во стольких руках, что в конце от неё осталось ровно то, что хотел увидеть последний в этой цепи.

Лаборатории продолжали работать.

В каждой горел свой свет.

Между ними лежала тьма.

И в этой тьме лишь один человек держал в руках карту.

20. Подозрение Мареи

На первую заявку Марея Лиорен не обратила внимания.

Запрашивали обезличенные данные о механизмах регенерации у аурелиан. У проекта были все разрешения, заключение комиссии по этике и финансовая поддержка известного фонда.

Через медицинские архивы проходили сотни подобных заявок.

Медицина менялась быстрее законов, которые её регулировали. Учёные искали способы остановить старение, восстановить повреждённые органы и продлить жизнь до пределов, немыслимых для прежних поколений.

Особую ценность для этих исследований представляли данные аурелианских родов.

У одних родов механизмы регенерации отличались необычайной эффективностью. В других редко встречались определённые заболевания. Родовые архивы уходили на сотни лет в прошлое и давали такую точность, какой не было в обычных медицинских базах данных.

Первую заявку Марея одобрила.

Вторая пришла девять дней спустя.

Её прислали из другого государства. Учёных интересовали побочные явления новых методов продления жизни.

При ней тоже были все необходимые документы.

В третьей заявке речь шла о безопасности биологических данных.

Четвёртая касалась того, почему медицинские кризисы по-разному затрагивают разные группы людей.

Пятая касалась юридического исследования. Самих данных там не запрашивали, только выясняли законный порядок доступа к ним в чрезвычайной ситуации.

Марея, пожалуй, так и не стала бы рассматривать их вместе, если бы в пятой заявке ей не встретилась та же непривычная формулировка, что и в первой.

Устойчивые во времени наследственные показатели с доказанной привязкой к родовым линиям.

С научной точки зрения ошибки здесь не было.

Да и сочетание слов не такое уж редкое.

Странно было другое. Им воспользовались две организации, между которыми, по документам, не было ничего общего.

Марея открыла прежние заявки.

Фраза встречалась в трёх из них.

И каждый раз в другом месте.

Раз — в описании данных.

Раз — в правовом обосновании.

Раз — в техническом приложении.

Словно кто-то взял одну фразу и разнёс её по разным документам.

Следующие несколько часов она сверяла метаданные. Содержание закрытых исследований она не читала — у неё не было доступа. Она видела только заявителя, тип запрошенных данных, кем выдано заключение и как сформулирована официальная цель.

В этих разных проектах снова и снова сходились две темы: наследственность аурелиан и опасность, которой могло подвергнуться их здоровье.

Марея составила собственную карту.

У Нерай карта была финансовая.

А у неё — биологическая.

На одном конце — родовые архивы.

На другом — гипотетический кризис в здравоохранении.

Между ними — вопросы, которые всё теснее сходились, нигде не соприкасаясь.

— Ты опять заработалась допоздна.

Голос Есаира прозвучал за её спиной.

Марея вздрогнула. Она не слышала, как он вошёл.

Он стоял на пороге маленького рабочего кабинета при архиве, в простой тёмной одежде, с двумя чашками горячего питья в руках.

— Как ты сюда попал?

— Через дверь.

— В закрытую часть архива.

— В приёмную. Сюда меня впустила ты сама.

Она взглянула на стол. Заработавшись, она пропустила уведомление.

Есаир протянул ей чашку.

— Нерай говорит, когда ты забываешь поесть, нужно принести тебе хоть что-нибудь, что сойдёт за еду.

— Вы меня обсуждаете?

— Только по вопросам планетарной безопасности.

Марея улыбнулась, но тут же снова стала серьёзной.

Есаир посмотрел на слои, висевшие над столом.

— Что происходит?

— Не знаю.

— Это уже похоже на Нерай.

— Может, у нас это семейное.

Он сел напротив.

В последние недели Есаир всё чаще бывал на собраниях медиков и на встречах горожан. Его речь в Нитре расходилась всё шире. Его звали на дискуссии, в университеты, на митинги. Некоторые уже видели в нём вождя движения, у которого пока не было даже имени.

Сам он от этого отказывался.

И чем упорнее отказывался, тем больше ему верили.

— Покажи мне, — сказал он.

Марея рассказала ему обо всех заявках. Есаир выслушал её, ни разу не перебив.

— Между ними может быть связь? — спросил он.

— Если смотреть достаточно долго, связь можно найти между чем угодно.

— Это не ответ.

— Может. Но я не знаю какая.

— Один и тот же заказчик?

— Нет.

— Один фонд?

— Нет.

— Одна лаборатория?

— Нет.

— Тогда что у них общего?

Марея указала на области биологии, которых касались заявки.

— Направление.

Есаир ждал.

— Представь, что кто-то задал вопрос, — продолжила она, — а целиком его никто не слышал. Каждый учёный занят своим делом. И ни один не знает, зачем понадобился именно его ответ.

— Что он от этого получит?

— Смотря какой вопрос. А знает его только он.

Есаир всмотрелся в карту.

— Ты думаешь, кто-то ищет слабое место аурелиан?

Марея ответила не сразу.

— Я думаю, слишком многим людям платят за исследования, которыми можно так злоупотребить.

— Кто платит?

— Этого мне не видно.

Марея закрыла часть данных и посмотрела на него.

В мягком свете кабинета золотое кольцо в его глазах почти скрадывалось. Тонкая черта, которой не заметишь, если не приглядишься.

Ариен его ненавидел.

Мысль пришла внезапно.

Марея вспомнила его лицо в квартире, его пальцы, стиснувшие ей запястье, вспомнила, как он произнёс имя Есаира.

Потом — сообщение.

Личные решения никогда не остаются личными.

— Марея?

— Ариен.

Есаир не шевельнулся.

— Что Ариен?

— Не знаю.

— Ты думаешь, это он?

— У меня нет оснований так думать.

— Но тебе это пришло в голову.

— Да.

Есаир помолчал.

— Потому что он работает в финансовых структурах?

— Потому что он смотрит на людей как на механизмы. И потому что, когда из его голоса ушёл гнев, мне стало ещё страшнее.

Есаир поставил чашку на стол.

— Нужно рассказать Нерай.

— Без доказательств?

— Мы же никого не обвиняем.

— Я знаю свою сестру. Покажи ей вопрос, на который у тебя нет доказательств, и она начнёт их искать.

— По-моему, в этом её работа.

Марея посмотрела на него.

— А если я ошибаюсь?

— Тогда она ничего не найдёт.

— Поиски никогда не заканчиваются совсем уж ничем. Хотя бы чуть-чуть доверия они всегда отнимают.

Есаир кивнул.

— Поэтому про Ариена ей не говори. Покажи проекты.

Марея снова посмотрела на карту.

— А если все они безобидны?

— Тогда мы их проверим и закроем дело. Без имён пациентов.

— Я не хочу, чтобы кто угодно мог превращать медицинские данные в улики, — сказала Марея.

— Согласен. Пришли Нерай только общедоступное.

— Но твои слова уже живут своей жизнью. Ими оправдывают то, чего ты не имел в виду.

— Знаю.

— Одни уже хотят обнародовать сведения о здоровье политиков. Другие говорят, будто право на частную жизнь — просто убежище для виновных.
Есаир опустил голову.

— Наверное, я недостаточно ясно сказал, где проходит граница.

— Ты сказал ясно. Просто люди слышат ту часть, которая им нужна.

Они немного помолчали.

Потом Марея закрыла все слои, кроме перечня проектов.

— Я пришлю ей только названия, заявителей и открытые сведения об источниках финансирования.

— И вопрос.

— Какой?

Есаир посмотрел туда, где только что светилась карта.

— Кто платит за то, чтобы всё это разрозненное однажды сошлось воедино?

Марея составила сообщение.

Кому: Нерай Саэл.

Тема: возможная связь между исследовательскими заявками.

Она написала:

Доказательств нарушения нет. Но мне нужно знать, нет ли у этих проектов общего источника финансирования или людей, которые принимают решения по всем ним. По отдельности каждый вполне понятен. Вместе они задают вопрос, которого я не хочу произносить, пока не узнаю, кто его задал.
Она приложила список.

Перед отправкой помедлила.

Есаир не прикоснулся к ней. Не стал говорить, что ей делать.

Просто остался рядом.

Марея отправила сообщение.

В здании Слоя рядом с именем Нерай загорелось уведомление.

За несколько тысяч километров оттуда лабораторная система завершила один из промежуточных анализов. Результат автоматически ушёл в фонд, оплативший работу. На Таэроне завершилась вычислительная задача, у которой не было имени конечного заказчика.

В Терините управляющий фондом одобрил очередной платёж.

В одном из заведений «Весты» кто-то сдал наличные, и банк зарегистрировал их как обычную выручку.

А Ариен Корвет сидел один в своей квартире и смотрел, как сходятся линии, которые больше нигде не складывались в общую карту.

Болезни ещё не существовало.

Ни у кого ещё не поднялась первая температура.

Ни один город ещё не закрыли, ни одной семье не пришлось оставить близкого человека за прозрачной стеной больничного изолятора.

Пока существовали только деньги.

Вопросы.

Данные.

Вычисления.

И множество ни в чём не повинных людей. Каждый выполнил свою малую часть работы, не зная, в какую фразу она однажды войдёт.

Катастрофа ещё не обрела тела.

Но у неё уже была бухгалтерия.

21. Проверка на слепоту

Нерай открыла сообщение Мареи через семь минут после того, как оно пришло.

Она ещё была в Слое. Большинство сотрудников разошлись. В коридорах оставались только ночные аналитические группы, системы охраны и те, кто не мог понять, почему один-единственный вопрос всё не отпускает их домой.

Нерай была из последних.

Она прочитала сообщение.

Потом перечитала.

На третий раз убрала имя Мареи и оставила перед собой только список проектов.

Исследование регенерации.

Отклонения в работе иммунной системы.

Наследственные признаки популяций.

Защита генетических данных.

Действия органов здравоохранения при эпидемии, неравномерно поражающей разные группы населения.

Правовые основания для экстренного доступа к родовым архивам.

У каждого проекта — свой заявитель, своя цель, своё финансирование. Ни один сам по себе не давал оснований для подозрений. Некоторые вопросы и вовсе принадлежали к числу самых важных в современной медицине.

Нерай открыла финансовые слои.

Модель показала, что формально плательщики разные. Но у каждого проекта скрытым оставалось именно то поле, по которому Нерай могла бы сверить, кто в действительности распоряжается деньгами.

У каждого пробела было своё юридическое объяснение. Там, где одну линию удавалось проследить по открытому контракту, соседняя обрывалась у закрытого фонда. Система показывала их рядом, но заполнять пробелы догадками ей не полагалось.

Нерай совместила все доступные слои.

На столе появилась карта.

Она не была похожа на карту преступления.

Она походила на разбитое стекло.

— Ты ещё здесь?

Тарен Восс стоял в дверях с плащом, перекинутым через плечо.

— Уже нет, — сказала Нерай. — Я как раз ушла домой.

Тарен вошёл.

— И вот так ты уходишь?

— Тихо.

Он посмотрел на карту.

— Что ищем?

— Не знаю.

— Отлично. Моя любимая категория.

Нерай переслала ему список Мареи без сопроводительного текста.

Тарен сел и неторопливо прочитал пункт за пунктом.

— Всё медицинские исследования.

— Не всё.

— Хорошо. Медицинские исследования, правовой анализ и моделирование кризисов.

— Что их объединяет?

— Аурелиане.

— Точнее.

Тарен задумался.

— Наследственные признаки аурелиан.

— Ещё точнее.

На минуту стало тихо.

Потом он указал на шкалу времени.

— Дело не только в признаках. Здесь ещё и реакция системы.

Нерай кивнула.

— Кого-то интересует не только то, каковы аурелиане. Его интересует и то, как общество будет наблюдать за ними, если возникнет угроза здоровью.

Тарен откинулся в кресле.

— Возможно, эти исследования нужны для их защиты.

— Возможно.

— Они могут быть связаны с терапией долголетия.

— Могут.

— Может, кто-то готовится к естественной эпидемии.

— Может.

— А может, это то, чего ты не хотела произносить вслух.

Нерай посмотрела на него.

Тарен указал на последнюю фразу Мареи.

— Вопрос, которого она не хочет произносить.

Нерай закрыла сообщение.

— Мы не вправе начинать с худшего объяснения.

— Но вправе его проверить.

— Только если у нас есть данные.

— А у нас они есть?

Нерай посмотрела на тёмные пятна карты.

— У нас есть данные о том, что данных мы не видим.

Слой мог сопоставлять движение денег между государствами, но не мог по собственному усмотрению открыть любой счёт. Для каждого защищённого потока требовалось правовое основание. Для каждого фонда — отдельный запрос. Для каждого государства — особая юридическая формулировка.

Так один вопрос мог распасться на двадцать запросов.

И каждый запрос нужно было обосновать.

А именно основания у Нерай пока и не было.

— Проверь, нет ли среди тех, кто принимает решения, одних и тех же людей, — сказала она.

Тарен запустил сверку попечителей, внешних консультантов, аудиторов и управляющих фондами.
Система нашла тысячи связей.

Некоторые имели значение.

Большинство — нет.

Одни и те же аудиторы работали на сотни фондов. Одни и те же юридические фирмы представляли добрую половину международных фондов. Управляющие входили сразу в несколько советов, потому что в этом и состояла их работа.
Чем больше данных они открывали, тем больше находили связей.

А чем больше находили, тем труднее было распознать среди них хотя бы одну, которая что-то значит.

— В этом и беда Слоя, — сказал Тарен. — Когда смотришь на всю планету сразу, любого человека от любого другого отделяют всего несколько договоров.
— Поэтому мы и ищем не связь.

— А что же?

— Направление.

Нерай изменила вид карты.

Убрала названия компаний.

Убрала названия проектов.

Убрала государства.

Остались только виды оплаченных услуг.

Доступ к родовым данным.

Вычисления для биологических исследований.

Лабораторные проверки.

Медицинские датчики.

Моделирование действий больниц.

Анализ полномочий в условиях чрезвычайной ситуации.

Оценка реакции общества на угрозу здоровью, которая затрагивает людей в разной степени.

Тарен перестал шутить.

— Так это выглядит хуже.

— Так это выглядит иначе.

— Если бы мы знали, что за всё платит один человек...

— Мы не знаем.

— Если бы мы знали, что кто-то сводит результаты воедино...

— Мы не знаем.

— Если бы мы знали, для чего он ими воспользуется...

— Мы не знаем.

Нерай закрыла глаза.

В голове прозвучали слова Есаира, сказанные на конференции.

Нельзя рассчитать долю вслепую.

Тогда он говорил о ББД.

О ценности.

О справедливости.

Теперь перед ней лежало нечто другое, что общество пыталось рассчитать вслепую.

Опасность.

— Давай запросим сведения о конечных владельцах в срочном порядке, — сказал Тарен.

— На каком основании?

— Проекты совпали по времени.

— Совпадение — не преступление.

— Есть риск злоупотребления генетическими данными.

— Мы не доказали ни одного злоупотребления.

— Что же нам делать?

Нерай не ответила.

В трёх часовых поясах от них Ариен Корвет сидел над отчётом с таким скучным названием, что большинство людей даже не стало бы его открывать.

Анализ задержек в координации медицинских учреждений при рисках, неравномерно распределённых между группами населения.

Отчёт подготовила компания из Ксаноса, специализировавшаяся на антикризисном управлении. Её аналитики никогда не видели ни результатов биологических исследований, ни родовых данных аурелиан. Им дали лишь гипотетический сценарий.

Неизвестная болезнь.

Несколько государств.

Больше заболевших среди людей одной наследственной ветви.

Разные правила защиты данных.

Разные системы здравоохранения.

Разные политические культуры.

Им поручили выяснить, скоро ли Эларион поймёт, что перед ним не просто случайное совпадение.

Аналитики считали, что работают на благо общества.

Они хотели найти слабые места системы раньше, чем их обнаружит настоящая болезнь.

Результат их не порадовал.

Медицинские системы заметили бы неравномерность довольно рано.

Но каждая больница увидела бы её только у собственных пациентов.

В родовых архивах отметили бы рост числа заболевших в определённых семьях, однако без правовых оснований нельзя было сопоставить эти сведения с данными государственной медицины.

Государства помедлили бы с передачей первичных данных.

Одни — чтобы защитить пациентов.

Другие — чтобы защитить собственную репутацию.

Политики не решились бы назвать генетическую ветвь, не получив подтверждения из нескольких независимых источников.

После давних споров о дискриминации такое правило было вполне объяснимо.

Но в этом сценарии оно означало потерю времени.

Ариен читал прогноз.

Где-то машина заметит неладное.

Где-то врач дождётся сводки.

Известие уйдёт за границу.

Придёт день, когда о наследственной связи заговорят открыто.

Между первым подозрением и этим днём зиял разрыв.

Время будет уходить.

В одних прогнозах его теряли больше, чем в других.

Ариен откинулся на спинку кресла.

Каждая часть системы в точности исполняла своё назначение.

Искусственный интеллект распознавал закономерности, врачи защищали больных.

Законы оберегали частную жизнь.

Ошибка возникала лишь тогда, когда всё это начинало действовать вместе.

Машина распознавала закономерность.

Врач защищал пациента.

Архив защищал семью.

Чиновник стоял на страже закона.

Политик оберегал общество от паники.

И именно из всех этих мер защиты складывалось время, когда никто не решался сказать всю правду.

На полях отчёта аналитики оставили предупреждение:

Неравномерное распределение случаев заболевания само по себе, без дополнительной проверки, не свидетельствует о причинной связи с наследственной принадлежностью. Преждевременное выделение группы населения может привести к травле, насилию или отказу в медицинской помощи.

На этой фразе Ариен задержался.

С точки зрения нравственности она была безупречна.

И полезна.

Каэл пришёл без предупреждения.

Он вошёл в квартиру Ариена так, словно ему принадлежало не только это пространство, но и время тех, кто в нём жил.

Ариен не закрыл отчёт.

Каэл прочитал заглавие.

— Моделируете реакцию?

— Проверяем безопасность.

— Разумеется.

Каэл просмотрел результаты.

Лицо его не изменилось, но читал он медленнее обычного.

— Медицинские системы это заметят, — сказал он.

— Заметят.

— И скоро.

— Машины — да.

— Значит, ваш план не сработает.

Ариен указал на следующий раздел.

— Между тем, чтобы заметить, и тем, чтобы действовать, есть разница.

Каэл всмотрелся в шкалу времени.

— Вы, стало быть, испытываете не болезнь.

— Нет.

— Испытываете, хватит ли у учреждений мужества назвать то, что они видят.

Ариен чуть улыбнулся.

— Я испытываю их правила.

— Правила появились потому, что в прошлом что-то пошло не так.

— А в будущем именно из-за них что-то пойдёт не так.

Каэл повернулся к нему.

— Смотрите не примите слабость системы за оправдание собственного замысла.

— Вы сами учили меня, что у системы нет замысла.

— У неё нет. У вас есть.

Ариен закрыл отчёт.

— Зачем вы пришли?

Каэл немного помолчал, глядя на него.

— В фонды поступили вопросы из Слоя.

Пальцы Ариена замерли над столом.

— Какие вопросы?

— Пока общие. Конечные владельцы. Связи управляющих. Совпадения в финансировании.

— Нерай.

— Вероятно.

— Она что-то знает?

— Знает, что не видит.

Ариен встал.

— Этого мало.

— Иногда зрение начинается с того, что сознаёшь свою слепоту.

— Вы можете её остановить?

— Могу задержать ответы. Но если я запрещу ведомству задавать вопросы, то тем самым выдам, что боюсь их.

Ариен подошёл к окну.

Внизу раскинулась Нитра. Тысячи огней, миллионы людей. Системы следили за транспортом, энергией, производством, погодой, здоровьем, безопасностью. Цивилизация, которой было видно почти всё.

И которая не знала, что кто-то как раз измеряет, сколько времени ей понадобится, чтобы распознать собственную смерть.

— Марея, — сказал Ариен.

Каэл не ответил.

— Это она начала. Больше некому.

— Почему?

— Она знает родовые архивы.

— И вас она тоже знает.

Ариен резко обернулся.

Каэл продолжал спокойно:

— Тот, кто знает человека, способного на насилие, иной раз раньше аналитика угадывает его намерения.

— Я не насильник.

Каэл посмотрел на него.

В его взгляде не было презрения.

От этого было ещё хуже.

— Не насильник, — повторил Ариен.

— Значит, вы не станете возражать, если кто-нибудь присмотрится к вашим решениям.

— Мои решения защищены.

— Вот на это вы и рассчитываете.

Каэл ушёл.

Ариен остался у окна.

На экране снова открылся отчёт.

Несколько дней.

Столько времени предстояло потерять цивилизации между тем, что она увидит, и тем, что позволит себе сказать.

А в Слое Нерай тем временем разослала первые запросы.

В Теринит.

В Ксанос.

В два государства Амении.

В управление вычислительных узлов Таэрона.

Для каждого запроса пришлось подбирать особую юридическую формулировку. Каждое государство признавало свои основания для раскрытия защищённых данных. Первые ответы пришли в ту же ночь.

Проект соответствует местному законодательству.

Сведения о конечном владельце разглашению не подлежат.

Коммерческие отношения защищены законом.

Вычисления не включали данных, позволяющих непосредственно установить личность.

Непосредственная угроза не доказана.

Тарен читал ответы один за другим.

— И все они правы.

— Да, — сказала Нерай.

— И всё-таки ты этому не веришь.

Нерай посмотрела на биологическую карту Мареи и на собственную финансовую.

Они лежали рядом.

Совместить их полностью было нельзя. Между ними стояли законы, оберегавшие здоровье, имущество, исследования, торговлю и частную жизнь.
Каждый закон защищал то, что заслуживало защиты.

Нерай впервые задала себе вопрос, который через несколько лет повторит перед всей планетой:

Что будет, если, соединившись, все наши меры защиты дадут убежище тому, от кого они должны были нас защитить?

Для ответа было ещё рано.

Но Ариен его уже знал.

Появится время.

Немного.

Но достаточно.

22. Исключения

У каждого закона есть граница.

И почти в каждой границе есть дверь.

Иногда она называется неотложным общественным интересом.

Иногда — научной необходимостью.

Иногда — спасением жизни.

Иногда — государственной безопасностью.

Эти двери существуют не для того, чтобы в них проходили преступники. Они нужны потому, что ни один закон не в силах предусмотреть все обстоятельства, при которых строгое следование ему принесёт больше вреда, чем пользы.
Когда горит больница, спасатель не спрашивает у каждого пациента согласия на передачу медицинских данных.

Когда грозит эпидемия, лаборатории могут обмениваться сведениями быстрее, чем во время обычных исследований.
Когда на Таэроне отказывает система жизнеобеспечения, техники получают временный доступ к данным, которых в обычных условиях им бы не показали.
Предусматривая исключение, закон признавал, что жизнь сложнее правила.

Каэл Торн знал о дверях ещё кое-что.

Их можно открыть с обеих сторон.

В юридической фирме на южной окраине Нитры сидели девять специалистов. Они не знали, что работают на Каэла. По документам их нанял Фонд устойчивости планетарного здравоохранения. Им предстояло разработать общие правила взаимодействия исследовательских организаций на случай будущего биологического кризиса.
Каждый из них отвечал за свою часть работы.

Одних занимали права семей.

Других — сотрудничество между двумя мирами.

Ещё кого-то — ответственность учёного за свою работу.

Кого-то — границы коммерческой тайны в медицине.

Кого-то — полномочия государства там, где в опасности оказывалась целая область.

Во всём этом не было ничего противозаконного.

Напротив.

После прежних эпидемий такие исследования пользовались спросом. Эларион располагал множеством технологий, но его правовые системы сложились ещё в те времена, когда болезни распространялись медленнее, чем правительства принимали решения.

Группой юристов руководила Илира Сенн.

Она была селениткой и всю жизнь занималась медицинским правом. В юности она потеряла отца во время местной эпидемии. Тогда две больницы отказались обмениваться данными, потому что не сошлись во мнении о правовых основаниях.

Она верила, что дурное правило способно убивать, как болезнь.

Потому и взялась за эту работу.

— Наша задача, — сказала она коллегам на первой встрече, — сделать так, чтобы в час беды сорок государств не пересылали друг другу формуляры, пока умирают люди.

Никто в комнате не мог с этим спорить.

Через несколько недель был готов порядок предоставления временных исключений.

Доступ к данным полагалось ограничить конкретной целью.

Каждый случай использования — регистрировать.

Объединение данных за пределами выданного разрешения запрещалось.

Результаты подлежали обезличиванию.

По завершении проекта действие исключения прекращалось.

Илира добавила ещё одно условие.

Если несколько проектов исследуют взаимосвязанные стороны одной и той же угрозы населению или его здоровью, необходим орган, который оценит их совокупную цель.

Она внесла эту формулировку в проект и отправила его заказчику.

Через два дня документ вернулся.

Условие переписали.

При наличии достаточных доказательств компетентный орган вправе рассмотреть совокупный риск взаимосвязанных проектов.

Илира вывела обе фразы рядом.

Разница была невелика.

В её варианте было достаточно того, что проекты объективно ведут к одному.

В новой редакции требовались предварительные доказательства связи.

А как её докажешь, когда толком не знаешь, с кем имеешь дело?

— Кто изменил этот пункт? — спросила она.

Администратор открыл историю правок.

— Приглашённый фондом рецензент.

— Имя?

— Защищено договором.

— Юрист?

— Консультант по международным инвестициям.

Илира откинулась на спинку кресла.

— Какое отношение инвестиции имеют к исключениям в медицинском праве?

— По его мнению, исходная формулировка может навредить независимым исследованиям, если из-за неё объединят проекты, не связанные между собой.
Довод был разумный.

Если любые похожие исследования автоматически подвергать общей проверке, это может привести к сосредоточению данных в одном месте, замедлить развитие медицины и бросить тень на учёных только за то, что они работают в одной области.
Илира отклонила поправку.

Фонд прислал её снова, с новым обоснованием.

Илира снова её отклонила.

На третий раз ей сообщили, что спорный пункт рассмотрят на следующем этапе.

Всё остальное утвердили.

Защитную меру не отменили.

Её только отложили.

В здании Слоя Нерай получила ответ из первого фонда.

Назвать конечного владельца не представлялось возможным, поскольку для рассмотрения конкретной операции запрошенные сведения не были необходимы.

Из второго государства ответили, что связь между финансируемыми проектами носит слишком общий характер.

С Таэрона сообщили, что вычислительный центр работал лишь с обезличенными моделями и не знает, кто в конечном счёте использует результаты.

— Как это центр может не знать своего клиента? — спросила Марея.

Её изображение парило над столом Нерай. Марея была дома, но за её спиной всё ещё светились открытые слои родовых архивов. Она опять работала по ночам.

— Он знает посредника, — ответила Нерай.

— А посредник?

— Знает компанию, заказавшую услугу.

— А компания?

— Действовала в интересах фонда.

— А фонд?

— У него есть попечительский совет.

— Нерай.

— Не знаю.

Марея опустила глаза.

— Значит, мы никуда не продвинулись.

— Продвинулись. Мы знаем, что по меньшей мере за четырьмя проектами стоят разные организации, а в документах у них схожие формулировки. Знаем, что часть денег прошла через фонды, которые фигурировали в деле «Весты». Знаем, что некоторые вычисления проводились на Таэроне.

— И знаем, что всё это может быть совершенно невинно.

— Да.

— Имя Ариена?

Нерай помолчала.

— Нигде.

Марея кивнула, но лицо её не выражало облегчения.

— Объясни мне точнее, почему ты думаешь о нём, — сказала Нерай.

— Я тебе уже писала.

— Ты писала, что он понимает людей как механизмы.

— Так и есть.

— Этого мало.

— Я знаю.

— Мне нужно что-нибудь конкретное.

Марея встала и подошла к окну. За её спиной виднелась ночная Нитра и река, разделённая огнями мостов.

— Когда мы были вместе, он хотел знать всё. Где я. С кем. Почему я что-то сказала. Почему промолчала. Дело было не в самих сведениях. Он хотел, чтобы не существовало ничего, что не укладывалось бы в его представление о мире.

Нерай молчала.

— Когда я ушла, поначалу он меня умолял, — продолжала Марея. — Потом злился. Потом обвинял меня. А потом перестал.

— Перестал выходить на связь?

— Нет. У него пропал голос человека, который хочет что-то вернуть.

— А какой у него стал голос?

Марея обернулась.

— Голос человека, который решил, что однажды до меня дойдёт.

Нерай записала эти слова.

— Он говорил о Есаире?

— Да.

— Угрожал ему?

— Не прямо.

— Марея.

— Он говорил, что такие люди, как Есаир, делают вид, будто решают от имени всех, а за последствия оставляют отвечать других. Говорил, что однажды станет ясно, чего стоит аурелианская исключительность.

Тарен, сидевший за пределами изображения, поднял голову.

Нерай взглядом попросила его молчать.

— Почему ты не сказала мне раньше?

— Не хотела, чтобы любое подозрение женщины в отношении бывшего возлюбленного становилось поводом для расследования. И боялась, что просто переношу свой страх на чужие проекты.

— Страх ещё не доказательство, — сказала Нерай.

Марея кивнула.

— Но он может подсказать, где искать.

— Да.

Нерай произнесла это осторожно.

В её работе случались ошибки двух родов.

Первая — заподозрить человека, который ничего не сделал.

Вторая — отвергнуть подозрение только потому, что оно основано на личном опыте, которого не внесёшь в таблицу.

Анализ должен был уберегать от предубеждений.

Но он не должен был обесценивать знание человека, которому довелось пережить насилие, лишь потому, что в бухгалтерских книгах насилие ещё не значится.

— Я не стану начинать расследование в отношении Ариена, — сказала Нерай. — Пока.

Марея сжала губы.

— Но я начну проверку общего риска по этим проектам. Без его имени.

— А если система его не обнаружит?

— Тогда я буду знать лишь то, что знаю сейчас.

— Что ты не видишь.

— Да.

Когда связь прервалась, Тарен придвинулся ближе.

— Ты думаешь, что это он.

— Я думаю, у Мареи есть вполне определённые причины его бояться.

— Это не ответ.

— Потому что ответа у меня нет.

Нерай подготовила запрос о временном разрешении на проверку потенциально опасных связей.

Она просила разрешить ей сопоставить финансовые метаданные, цели исследований и общедоступные сведения о доступе к архивам аурелиан.
Содержания медицинских данных запрос не касался.

Результаты биологических исследований должны были остаться под защитой.

Нерай интересовало только, кто платил за вопросы и кому досталось право сводить ответы воедино.

Она направила запрос в вышестоящий совет.

Ответ пришёл утром.

Недостаточность правовых оснований.

Рассматриваемые проекты относятся к разным юрисдикциям, а доказательств того, что они преследуют общую цель, не имеется.
Нерай перечитала эту фразу несколько раз.

Доказательств того, что они преследуют общую цель, не имеется.

Но как раз общую цель она и не могла доказать, пока ей не давали права рассмотреть проекты вместе.

— Замкнутый круг, — сказал Тарен.

— Нет.

Нерай встала.

— У круга хотя бы есть центр. А это система, которая делает вид, будто центра нет.

Тем временем в юридической фирме Илира Сенн подписала окончательную редакцию правил.

Ею она была недовольна.

В сопроводительном заключении она написала:

Главная опасность заключается не в единичном случае злоупотребления исключением. Она возникает при наложении нескольких законных исключений, общая цель которых остаётся за пределами видимости всех контрольных органов.
Заключение зарегистрировали.

Фонд его принял.

Правила утвердили.

Исключения вступили в силу.

Для каждого имелась веская причина.

Первое исключение открыло учёным доступ к новым данным.

Второе облегчило сотрудничество между Таэроном и Эларионом.

Третье касалось неприкосновенности сведений о проверке безопасности.

Четвёртое определяло, что дозволено лабораториям.

Пятое позволяло подготовить транспорт на случай беды.

Ни одно исключение само по себе не открыло дороги к катастрофе.

Они открыли её, только когда выстроились одно за другим.

Дверь.

За дверью — другая дверь.

За ней — ещё одна.

А в конце — человек, чьего имени не было ни на одном из ключей.

23. Последний платёж

Последний платёж оказался самым маленьким.

И назначение у него было куда прозаичнее.

Получателем не значились ни лаборатория, ни вычислительный центр, ни распорядитель генетических данных.

Этими деньгами не оплачивали ни биологические исследования, ни правовой анализ, ни медицинские датчики.

Это был административный сбор за резервирование экстренных перевозок.

Сумма не достигала и дневной выручки крупного заведения «Весты».

Платёж отправила компания, зарегистрированная в Саранстане.

Получателем был транспортный координатор на орбитальном кольце.

Назначение платежа было законным.

Бронь на перевозку медицинских грузов в будущем.

К такой брони прибегали больницы, страховые компании, государства и фонды. Она давала гарантию, что в случае кризиса можно будет быстро перебросить оборудование, лекарства, диагностические установки или персонал.
Ничего особенного в этом не было.

Только без этого платежа последняя часть карты Ариена так и осталась бы ни с чем не связана.

Финансовый координатор дома Торнов прислал ему подтверждение.

Все уровни договоров вступили в силу.

Ариен прочёл сообщение и закрыл его.

Он сидел в квартире, где когда-то жил с Мареей.

После её ухода он распорядился убрать большую часть вещей, которые она выбирала. Не сразу. Сначала растения. Потом картину у окна. Затем низкий столик, о который он вечно ударялся, хотя Марея утверждала, что дело не в столике, а в его неумении смотреть под ноги.
Осталась одна чаша.

Самая обыкновенная, тёмно-синяя, с неровным краем. Марея купила её на рынке в старой части Нитры. Говорила, что любит её за несовершенство, которое та не пытается скрыть.

Ариен никогда ею не пользовался.

Он оставил её как доказательство того, что сумеет жить бок о бок с вещью, напоминающей о Марее.

На самом деле она доказывала обратное.

На стене загорелось уведомление.

Марея Лиорен просит о личной встрече.

Ариен долго смотрел на него.

Потом улыбнулся.

Открыл сообщение.

Мне нужно поговорить с тобой об исследованиях, касающихся аурелиан. Предлагаю встретиться в городском саду на северном берегу. Завтра после захода Солнца.

В этих словах не было просьбы.

И страха тоже.

Ариен перечитал сообщение.

Он всегда восхищался тем, как ей удавалось писать фразы, в которых не найти ни единой слабости. Будто каждое слово она сначала клала перед собой, рассматривала со всех сторон и только тогда позволяла увидеть другому.

Он принял приглашение.

Назавтра сад на северном берегу был почти пуст.

В нём росли деревья, привезённые со всех концов Элариона. Одним требовалась особо приготовленная почва, другим — точно выверенная влажность или защита от здешней зимы. Сад был доказательством того, что цивилизация может создать общее пространство даже для того, что в природе никогда не выросло бы рядом.

Марея ждала у воды.

Когда Ариен подходил, она смотрела на его руки.

Пальцы не были сжаты в кулаки.

Он не спешил.

На лице у него было то выражение, которого она боялась больше всего. Спокойствие человека, которому уже не нужно добиваться своего сию минуту, потому что он верит: время работает на него.

— Марея.

— Ариен.

Он остановился в нескольких шагах.

— Не думал, что ты ещё когда-нибудь попросишь меня о встрече.

— Я тоже.

— Есаир знает, что ты здесь?

Марея почувствовала, как напряглось тело.

Без рывка.

По-старому.

Памятью кожи.

— Я пришла не о Есаире говорить.

— Разумеется.

— В медицинские архивы поступают заявки на исследования аурелианской регенерации, иммунитета и действий систем при эпидемии, которая поражает разные группы людей в разной мере.

Ариен слегка нахмурился.

— И что?

— Некоторые проекты финансируют фонды, связанные с финансовыми структурами, где ты работал.

— Я работал в сотнях структур.

— Вот именно.

— Это обвинение?

— Вопрос.

— Задавай.

Марея посмотрела ему в глаза.

— Ты финансируешь исследования аурелианских родов?

— Нет.

Он ответил слишком быстро.

Не так, как отвечает человек, которого застали врасплох.

Так, как отвечает тот, кто уже задал себе этот вопрос.

— А косвенно?

— Я не могу знать, что финансируют все фонды, на которые я когда-либо работал.

— Ты вправе принимать решения в каком-нибудь из фондов защиты?

— Нет.

Это была правда.

Марея это поняла.

И именно поэтому не отступила.

— Ты можешь повлиять на тех, у кого есть такое право?

Ариен улыбнулся.

— Весьма своеобразная юридическая категория.

— Я спрашиваю не про право.

— Тогда про что?

— Про тебя.

Улыбка исчезла с его лица.

— Наконец-то.

— Я пришла не затем, чтобы ворошить прошлое.

— Нет. Ты пришла узнать, достаточно ли я стал дурным человеком, чтобы теперь казалось, будто тебе тогда ничего другого не оставалось, кроме как уйти.

— Мне ничего другого не оставалось в тот день, когда ты меня ударил.

Ариен отвёл взгляд.

— Ты вечно всё сводишь к одному мгновению.

— Нет. Это ты вечно пытаешься растворить его во всём, что было до и после.

— Потому что человек — это не одно мгновение.

— Но иногда хватает мгновения, чтобы стало видно, что он за человек.

По саду прошёл ветер. Деревья с разных материков одновременно зашевелили листьями. Каждое зашумело по-своему.

Ариен подошёл ближе.

Марея не отступила, но рука сама потянулась к коммуникатору.

Он заметил.

— Ты всё ещё меня боишься.

— Да.

Ответ задел его.

Он ждал сопротивления.

Ждал обвинения.

Может быть, даже презрения.

Но не простой правды.

— И всё же ты пришла одна.

— Я не одна.

Ариен оглянулся.

— Есаир?

— Нет.

Марея указала на сад, на системы общественной безопасности, на людей вдалеке.

— Мир.

Ариен коротко рассмеялся.

— Вот этого я в вас обоих и не выношу.

— Чего?

— Этой уверенности, что мир на вашей стороне.

— Мир ни на чьей стороне.

— А вы ведёте себя так, будто достаточно быть у всех на виду, чтобы оказаться под защитой.

— Так и должно быть.

— Люди понимают не всё, что видят.

— Поэтому я и спрашиваю.

Голос Ариена стал жёстким.

— Поздно ты спрашиваешь.

Марея не двинулась с места.

— О чём?

— О том, остаются ли личные решения личными.

— Ты уже писал мне эти слова.

— А ты их так и не поняла.

— Так объясни.

Ариен смотрел на неё.

В его глазах не было сожаления.

Там было одно желание: чтобы она наконец увидела мир таким, каким его видел он.

— Ты ушла, — сказал он. — Выбрала Есаира. А потом вы заговорили о том, что ценность не должна ходить в тени, что всё большое должно быть на виду, что люди вроде меня должны показать свои руки.

— Есаир не говорил о тебе.

— Ему и не нужно было.

— А какое это имеет отношение к исследованиям аурелиан?

Ариен молчал.

— Что ты делаешь? — спросила Марея.

— Ничего, чего не позволили бы ваши системы.

— Это не ответ.

— Это единственный ответ, который тебе нужен.

— Ариен.

— Вы всю жизнь смотрели на своё золотое кольцо и видели в нём доказательство своей исключительности.

— Я никогда не видела в нём ничего подобного.

— Тебе это было ни к чему. Другие видели за тебя.

— Кто?

— Люди, которые ждут Есаира так, будто с ним вернётся какая-то древняя истина. Люди, которые думают, что ваш род вправе указывать целой планете, как ей жить.

— Есаир отвергает всякого, кто пытается превратить его в миф.

— За это его и любят ещё больше.

Марее стало холодно.

В его словах не было ничего определённого.

Только слишком уж всё было готово заранее.

Слишком много фраз звучало так, будто они завершали разговор, о начале которого она даже не подозревала.

— Что должно случиться? — спросила она.

На мгновение Ариен утратил власть над собой.

— Когда ваши дома начнут закрываться один за другим, может быть, до тебя наконец дойдёт, что личных решений не бывает.
После этих слов настала полная тишина.

Марея слышала воду.

Ветер.

Собственное дыхание.

Ошибку Ариена.

— А почему они должны закрыться? — спросила она.

Лицо Ариена изменилось.

Едва заметно.

Но она его знала.

— Я говорю в общем.

— Нет.

— Об общественных последствиях.

— Ты сказал «ваши дома».

— Политические дома аурелиан. Родовые учреждения.

— Один за другим.

— Это оборот речи.

— Не твой.

Ариен подошёл ещё ближе.

— Будь осторожна, Марея.

На этот раз она отступила.

Не от слабости.

Чтобы между ними снова осталось место.

— Это угроза?

— Предупреждение.

— О чём?

Ариен открыл рот.

И снова закрыл.

На мгновение в его лице проступил прежний, знакомый ей человек. Человек, не выносивший, когда не мог до конца управлять тем, каким она его видит. Человек, захотевший забрать слова обратно, потому что понял: теперь они стали видны.

— О последствиях того мира, который вы строите, — сказал он наконец.

Марея ещё немного смотрела на него.

— Я не знаю, что ты делаешь, — сказала она. — Но знаю, что ты больше не боишься будущего. Ты о нём говоришь так, будто оно тебе известно.

Она повернулась, чтобы уйти.

— Марея.

Она остановилась, но не обернулась.

— От всего Есаир тебя не защитит.

— Он никогда этого не обещал.

— Когда настанет минута, в которую он не сумеет защитить даже своих, вспомни, что я тебе говорил.

Марея пошла дальше.

Она не бежала.

Только когда за первыми деревьями она скрылась из глаз Ариена, у неё задрожали руки.

Она вызвала Нерай.

Не стала ждать ответа.

— Ты была права, — сказала Нерай вместо приветствия. — Тебе не стоило идти туда одной.

— Он сказал, что аурелианские дома начнут закрываться.

На другом конце воцарилась тишина.

— Точнее.

— Что именно он сказал?

Марея повторила его слова.

Потом — следующую фразу.

От всего Есаир тебя не защитит.

Когда он не сумеет защитить даже своих.

Нерай записала.

— У нас есть запись?

— Нет. Городская система безопасности фиксирует опасное поведение. Личные разговоры она не записывает, если дело не доходит до насилия.

— Он к тебе прикасался?

— Нет.

— Угрожал?

— Сказал, что предупреждает.

— Для ареста этого мало.

— Я не хочу, чтобы ты его арестовала.

— Чего же ты хочешь?

Марея остановилась под деревом с южного архипелага. Его широкие листья заслоняли свет, под ними было почти темно.

— Чтобы ты нашла деньги.

Нерай прервала связь и тотчас открыла все ответы, поступившие в Слой.

К её столу подошёл Тарен.

— Что случилось?

— Нужно принять срочные меры.

— Какие?

— Временно приостановить проекты, пока не установим их общую цель.

— На основании слов одного человека?

— На основании слов человека, у которого может быть скрытая связь с их финансированием.

— Может быть.

— Да.

Тарен прочёл сообщение Мареи.

— Вышестоящий совет на это не пойдёт.

— Тогда обратимся в медицинский надзор.

— Там скажут, что у нас нет доказательств биологической угрозы.

— В комиссию по этике.

— Она скажет, что проекты одобрены.

— В межгосударственную прокуратуру.

— Там скажут, что мы не назвали состава преступления.

Нерай посмотрела на него.

— А куда идут с катастрофой, пока она ещё не стала преступлением?

Тарен не ответил.

Нерай составила экстренное обращение.

Приложила карту проектов.

Финансовые связи.

Показания Мареи.

Анализ возможного совокупного риска.

Она разослала его в вышестоящий совет, в медицинский надзор и в управление по защите генетических прав.

Она просила временно прекратить выдачу новых разрешений на доступ к данным аурелиан и заморозить ещё не выплаченные средства.
Система приняла обращение.

Присвоила ему статус срочного.

На предварительное рассмотрение отводилось до семидесяти двух часов.

Тем временем на орбитальном кольце транспортный координатор получил последний платёж.

Система проверила валюту.

Пересчитала курс.

Сверилась с санкционными списками.

Проверила происхождение непосредственного плательщика.

Оснований для отклонения не нашла.

Платёж прошёл за одиннадцать секунд.

Все уровни договоров вступили в силу.

Ариен получил подтверждение вскоре после того, как вернулся из сада.

Он стоял перед тёмно-синей чашей, которую Марея когда-то принесла в его квартиру.

Одним взмахом руки он смахнул её со стола.

Она упала на пол.

Не разбилась.

Подскочила, перевернулась и осталась лежать на боку.

Ариен смотрел на неё со всё нарастающей злостью.

Даже её несовершенство пережило его удар.

Он вызвал Каэла, не дожидаясь приглашения.

Изображение Каэла появилось над столом.

— Марея знает.

— Что она знает?

— Знает, что что-то готовится.

— Это разные вещи.

— Она была в Слое.

— Это нам известно.

— Я с ней виделся.

Лицо Каэла осталось невозмутимым.

— Зачем?

— Она хотела получить ответы.

— И вы их дали?

— Нет.

— Что вы сказали?

Ариен молчал.

Каэл повторил вопрос.

На этот раз медленнее.

Ариен повторил ему фразу о том, что дома начнут закрываться.

Каэл не шевельнулся.

— Вы глупец.

— Она ничего не докажет.

— Доказательство — не единственный путь к знанию.

— Проект готов.

— Я не об этом спрашивал.

— Последний платёж прошёл.

Каэл смотрел на него.

— Остановите это.

Ариен замер.

— Что?

— Приостановите всё, что ещё осталось. Пусть всё уляжется.

— Мы не можем.

— Денег можем лишиться.

— Если сейчас кое-что отменить, мы оставим за собой ещё более явный след.

Каэл закрыл глаза.

Впервые за всё время их знакомства Ариену показалось, что он устал.

— Какой масштаб вы одобрили?

— Я не одобрял никакого масштаба.

— Не играйте со мной.

— У моделей есть пределы.

— Какие?

— Цель — кризис.

— Сколько людей?

— Этого нельзя определить точно.

Каэл приблизил лицо к изображению.

— Сколько?

Ариен не ответил.

В наступившей тишине Каэл понял больше, чем хотел знать.

Это он открыл финансовые коридоры.

Он предоставил фонды.

Он научил Ариена дробить замысел между людьми, которым не дано увидеть целое.

Он убеждал себя, что они готовят кризис, который подорвёт политическую силу Есаира и остановит прозрачность, пока она не стала законом.
Он сознательно помогал человеку, исполненному ненависти.

Просто не хотел признавать, как далеко заходит ненависть, когда у неё есть бюджет, вычислительные мощности и время.
— Остановите это, — повторил он.

— Нет.

— Я не просил.

— Теперь карта есть не только у вас.

Лицо Каэла окаменело.

— Без моих людей у вас ничего бы не было.

— Ваши люди уже сделали своё дело.

Каэл понял ещё одно. Последнее.

Ариен в нём больше не нуждался.

Связь прервалась.

В здании Слоя светилось экстренное обращение Нерай.

Оно ожидало правовой экспертизы.

Рядом с ним на столе лежала карта движения денег. Множество мелких платежей, каждый из которых легко было объяснить сам по себе.
Нерай знала, что, ошибись она, могут пострадать исследования, учреждения, невинные люди.

Но если она права, семьдесят два часа могут оказаться слишком долгим сроком.

Она не знала, что должно случиться.

Не знала, где.

Не знала, как.

Знала только, что человек, когда-то стиснувший запястье Мареи, заговорил о закрытых аурелианских домах прежде, чем у кого бы то ни было появился повод их закрывать.

А где-то в бухгалтерских книгах планеты только что прошёл последний платёж.

24. Первая лихорадка

Мальчика звали Элан.

Ему было шесть лет, и золотое кольцо у него в глазах появлялось, только когда он плакал или очень старался на чём-то сосредоточиться.

Мать говорила, что впервые увидела его вскоре после рождения сына. Врачи уверяли её, что этого не могло быть: у детей аурелианский признак обычно проявляется позже.
Но она была уверена.

Матери бывают уверены и в том, чего нельзя доказать.

Они жили в небольшом городе на окраине Ауриолы. Их дом не был прославленной родовой усадьбой, и сюда не заглядывали люди в поисках следов старых аурелианских легенд. Обыкновенный дом со светлой кухней, маленьким садом и стеной, на которой Элан рисовал транспортные корабли, сколько бы родители ему ни запрещали.
Тем утром он не хотел вставать.

Мать нашла его свернувшимся калачиком под одеялом.

— Элан.

Мальчик открыл глаза.

Золотое кольцо выделялось ярко.

Оно не было, как обычно, тонким и нежным.

Вокруг зрачка светилась сплошная линия.

— Мне холодно, — сказал он.

Кожа у него была горячая.

Домашняя медицинская система сняла основные показатели. Повышенная температура. Учащённый пульс. Незначительные изменения воспалительных маркеров.
В рекомендациях не было тревоги.

Обильное питьё.

Покой.

Повторный осмотр через два часа.

В окрестностях ходило несколько обычных сезонных болезней. Среди симптомов Элана не было ни одного, который сразу заставил бы заподозрить что-то серьёзное.
И всё же мать вызвала местного врача.

— У него очень яркое кольцо, — сказала она.

Врач улыбнулась.

— При температуре так бывает.

— Но не так, как сейчас.

— Лихорадка всякий раз может проявляться по-разному.

— Он аурелианин.

— Я знаю.

— А вдруг это связано?

Врач на миг замолчала.

— С чем?

Мать не знала, что ответить.

Она не знала названия болезни.

Не знала других заболевших.

У неё был только ребёнок, которого она знала лучше, чем саму себя.

Врач назначила более подробное обследование.

Через два часа Элан ослаб.

Медицинская система усилила наблюдение.

Через четыре часа рекомендовала отправить его в больницу.

Санитарный модуль подъехал бесшумно. На двух медиках были защитные костюмы. Они надели их не из страха перед неизвестной заразой. Такие костюмы полагались при любом вызове к больному с лихорадкой неясного происхождения.
Мать поехала с Эланом.

Отец остался в дверях и смотрел вслед модулю.

На стене в детской остались корабли, нарисованные синей краской.

В больнице случаю Элана присвоили номер.

AUR-N-77104.

Первые буквы не означали «аурелианин».

Это был код региона и больницы.

Позже в этом увидят одну из тех мелких насмешек судьбы, которые люди замечают лишь задним числом.

Медицинский ИИ сопоставил его состояние с миллионами прежних случаев.

Точного совпадения не нашёл.

В этом не было ничего необычного.

Человеческое тело допускало почти бесконечное множество отклонений, и большинство из них не означало новой болезни.

Система создала рабочую категорию:

Острая воспалительная реакция неуточнённого характера.

Сведения передали в региональную службу надзора.

Не как сигнал тревоги.

Как данные.

В ста восьмидесяти километрах оттуда в тот же день с жаром проснулась пожилая женщина.

Она была аурелианкой.

Жила одна.

Домашняя система расценила её состояние как обычную инфекцию и рекомендовала покой.

В Нитре в больницу пришёл молодой мужчина с приступом сильной слабости. Мать его была смешанного происхождения, отец — аурелианин. Золотое кольцо у него появлялось редко.

Медики его не заметили.

В Саруре заболели две сестры.

В другой стране — мужчина, вернувшийся из командировки.

Заболевших не объединяло место.

Не объединяла больница.

Не объединял врач.

В каждой системе эти случаи существовали порознь.

Медицинский ИИ видел их симптомы.

Родовые архивы знали их происхождение.

Транспортные системы знали, где они бывали.

Банки знали о платежах по проектам, изучавшим аурелианскую наследственность.

Но никто не имел права положить все эти данные рядом.

Пока ещё никто.

В Слое Нерай сидела перед своим экстренным обращением.

Со времени отправки прошло десять часов.

Одно из трёх ведомств запросило дополнительные сведения.

Второе подтвердило получение.

Третье сообщило, что созовёт комиссию.

Тарен поставил на стол две чашки.

— Иди поспи.

— Нет.

— Твоё обращение рассматривают.

— Рассматривать — не значит решать.

— Сколько ты здесь ни просиди, установленные законом сроки не сократятся.

— Тем они и плохи.

— А может, тем, что защищают людей от тебя.

Нерай посмотрела на него.

Тарен сел.

— От чиновника, у которого есть сильное предчувствие и который поэтому хочет вскрыть все счета.

— Я не хочу вскрывать все счета.

— Знаю. Но закон не может исходить из того, что каждый, кто придёт на твоё место, будет тобой.

Нерай взяла чашку.

— Именно поэтому должно быть видно, кто смотрит данные.

— Говоришь как Есаир.

— Я говорю как человек, который уже десять часов ждёт, когда разные ведомства договорятся, можно ли ему узнать, кто оплачивает исследование возможной уязвимости трети населения.

Тарен открыл последние банковские сводки.

— У нас одна новая операция.

Нерай подняла глаза.

— Связана с фондами?

— Возможно.

— Тарен.

— Компания, уже встречавшаяся нам в деле «Весты», перевела небольшую сумму транспортному координатору на кольце.

— Назначение?

— Резервирование транспорта для медицинских перевозок.

— Для какого проекта?

— Коммерческая тайна.

Нерай открыла шкалу времени.

Платёж прошёл незадолго до встречи Мареи с Ариеном.

— Обычная мера на случай беды, — сказал Тарен. — Вполне возможно.

— Возможно.

— Фонды занимаются охраной здоровья.

— Знаю.

— После прежних эпидемий транспорт часто резервируют заранее.

— Знаю.

— Тогда почему ты на это так смотришь?

Нерай развернула карту.

Данные.

БИО-ИИ.

Лаборатории.

Правовые заключения.

Моделирование реакции.

Резерв транспорта.

— Потому что теперь видно направление от начала до конца.

Тарен молчал.

— У нас нет болезни, — сказал он наконец.

— Нет.

— Нет предупреждения медиков.

— Нет.

— Нет доказательств, что всё это между собой связано.

— Нет.

— Значит, нам нечего останавливать.

Нерай вгляделась в карту.

— У нас есть цепь действий, которая в другой системе вызвала бы предупреждение.

— В какой другой системе?

— В той, которой ещё нет.

Марея вышла на связь без предупреждения.

Её изображение подрагивало, словно она шла.

— Нерай.

— Что случилось?

— В родовые архивы поступил экстренный запрос.

— От кого?

— Из больницы в Ауриоле. Ребёнок с лихорадкой непонятного происхождения.

Тарен наклонился к изображению.

— Один ребёнок?

— Пока.

— Зачем им родовые сведения?

— У него необычайно яркое золотое кольцо и отклонения, которые врачи не могут объяснить.

Нерай почувствовала, как остановились все её мысли.

— Это может быть связано с чем угодно, — сказал Тарен.

Марея кивнула.

— Знаю.

— У детей-аурелиан при лихорадке признак часто проступает ярче.

— Знаю.

Нерай посмотрела на часы.

— Когда зарегистрировали случай?

Марея назвала время.

Спустя несколько часов после последнего платежа.

Близость во времени ничего не доказывала.

Нерай это знала.

На Эларионе каждый час проводили миллиарды платежей и заболевали тысячи людей. Наложи друг на друга две достаточно большие карты — и всегда найдутся события, оказавшиеся рядом.

— Попроси больницу передать сведения об этом случае в межгосударственную службу надзора, — сказала она.

— В региональную уже передали.

— В межгосударственную.

— По одному пациенту система не разрешит.

— Тогда пусть родовой архив попросит об исключении.

Марея посмотрела на неё.

— У нас нет законных оснований разглашать за пределами региона, к какому роду принадлежит пациент.

Эти слова повисли между ними.

Нерай вспомнила все исключения, благодаря которым за последние месяцы безымянные проекты получили возможность изучать родовые признаки аурелиан.

А теперь, когда один аурелианский ребёнок лежал в больнице с непонятной лихорадкой, закон скрывал его происхождение от системы, которая могла бы поискать других заболевших.

Защита была справедливой.

Ребёнок не был общедоступным сведением.

Его род не принадлежал государству.

Его болезнь не должна была стать поводом следить за целой ветвью.

И всё же Нерай чувствовала, что кто-то до них прощупывал именно эту границу.

— Подай запрос, — сказала она. — Я подкреплю его финансовым анализом.

— Финансовый анализ никак не связан с пациентом.

— Вот этого мы и не знаем.

— Нерай, если мы, не имея доказательств, свяжем подозрительное финансирование с болезнью одного аурелианского ребёнка, мы можем посеять панику.

— А если не свяжем?

Марея не ответила.

В больнице в Ауриоле Элан спал.

Мать сидела у прозрачной стены палаты. Врачи пока не разлучили её с сыном окончательно, но попросили оставаться в защитной зоне.

Элан проснулся.

— Мама.

Она приложила ладонь к стене.

— Я здесь.

— Зайди.

— Сейчас, скоро.

— Мне холодно.

— Знаю.

— Почему мне нельзя домой?

Мать улыбнулась так, как улыбаются родители, когда хотят показать ребёнку уверенность, которой у них самих нет.

— Им только надо понять, что с тобой.

Элан посмотрел на свою руку.

— Это потому, что я золотой?

У матери перехватило дыхание.

— Нет.

— В школе сказали, кольцо иногда болеет.

— Кто сказал?

— Кто-то.

— Кольцо — не болезнь.

— А почему оно тогда так светится?

Она не знала.

Приложила к стене вторую руку.

— Потому что твоё тело борется.

— А оно победит?

— Да.

Она ответила не задумываясь.

Матери бывают уверены и в том, что ещё только решается.

Региональный медицинский ИИ тем временем получил сведения о четвёртом случае.

Потом о пятом.

Разные города.

Разный возраст.

Похожие отклонения.

Система обнаружила слабую статистическую связь.

Возможен общий наследственный признак.

Однако объявлять тревогу она не стала.

Сначала предстояло исключить искажения, связанные с географией, окружающей средой и особенностями диагностики.

После давних случаев дискриминации запрещалось объявлять принадлежность к генетической ветви фактором риска на основании одной лишь малой выборки.
Поэтому система запросила дополнительные данные.

Одна больница их предоставила.

Другая ждала согласия пациента.

В третьей действовал иной стандарт данных.

Четвёртая находилась в государстве, где не допускалось автоматическое сопоставление генетических признаков с передачей данных через границу.
Машина видела контур.

Закон не позволял ей провести линию.

Поздно ночью Есаир получил сообщение из Ауриолы.

Он знал семью Элана. Не близко, но достаточно, чтобы запомнить мальчика, который однажды на родовом собрании спросил, правда ли, что золотое кольцо видит вещи получше, чем обычные глаза.
Есаир тогда ответил, что зрение зависит не от цвета глаз, а от того, хватает ли человеку смелости посмотреть.

Теперь он стоял у окна в доме Давионов и слушал мать Элана.

— Меня к нему не пускают, — сказала она.

— Он в изоляции?

— Пока только в качестве предосторожности.

— Что говорят врачи?

— Что не знают.

В её голосе было нечто знакомое Есаиру.

Не паника.

Та черта, за которой она начинается.

— Я приеду, — сказал он.

— Нет.

Она ответила резко.

— Ты аурелианин.

Есаир молчал.

— Прости, — сказала она. — Я только… вдруг это что-нибудь… мы же не знаем.

— Я понимаю.

— Элан о тебе спрашивал.

— Скажи ему, что я рядом.

— Но ведь тебя здесь нет.

Есаир коснулся оконного стекла.

За окном Ауриола лежала во тьме. Старые дома, долины, родовые архивы и дороги, по которым поколениями ходили люди с золотым кольцом.

— Иногда можно быть рядом с другим человеком и оттуда, где стоишь, — сказал он.

Когда связь прервалась, он остался один.

На мгновение перед глазами возникло видение.

На этот раз там не было ни больницы, ни Элана.

Перед ним открылся длинный коридор, разделённый прозрачными стенами.

За каждой лежал человек.

За каждой лежал человек.

Над кроватями светились золотые кольца.

Тысячи.

Потом миллионы.

Видение исчезло.

Есаир ухватился за оконную раму.

— Нет, — сказал он в пустоту.

Он не знал, кому отвечает.

В Слое загорелось медицинское предупреждение.

Не общедоступное.

Предварительное.

Региональная система зафиксировала необычное скопление случаев, возможно связанных с наследственным признаком. Требовалась дополнительная проверка.

Нерай его не видела.

У финансового ведомства не было доступа к предварительным медицинским предупреждениям.

Марея видела лишь часть сообщения.

Родовой архив получил запрос: подтвердить, принадлежат ли пациенты к родственным линиям.

Каждая больница видела своих больных.

Каждая система получила свой кусочек.

На столе перед Нерай светилась финансовая карта приготовлений.

На столе перед Мареей — биологическая карта вопросов.

В медицинской сети — карта первых заболевших.

А между ними стояли законы, юрисдикции, разрешения и веские причины, по которым никто не должен был видеть всего.

Утром у Элана всё ещё был жар.

Число необъяснённых случаев выросло до семи.

Ко второй половине дня — до двенадцати.

Перед заходом Солнца Эларионa заболел первый ребёнок за пределами страны.

В системе его зарегистрировали как отдельный случай.

Дома у него было имя.

Для истории он ещё оставался безымянным.

Позднее люди будут искать мгновение, с которого началась Треть.

Будут указывать на первое публичное заявление.

На закрытие Ауриолы.

На день, когда медицинская сеть назвала аурелиан по имени.

На первый город за прозрачной стеной.

Но катастрофы начинаются не тогда, когда общество даёт им имя.

Они начинаются раньше.

С вопроса, который кто-то распределяет между ни в чём не повинными людьми.

С платежа, который каждый банк расценивает правильно.

С исключения, предусмотренного для защиты жизни.

С машины, которая видит закономерность, но не вправе сопоставить данные.

С человека, который один знает всю карту.

И с лихорадки одного ребёнка, которой пока никто не придаёт исторического значения.

Элан открыл глаза.

Золотое кольцо в них светилось ярче прежнего.

За прозрачной стеной стояла его мать.

Она приложила к ней три пальца.

Мальчик поднял руку и сделал то же с другой стороны.

Между их пальцами осталось стекло.

Первая стена.

Первого закрытого дома ещё не было.

Но первая палата уже закрылась.

Часть III. Чума Золотого кольца

25. Дома Ауриолы

К утру их было двадцать три.

Двадцать три человека с лихорадкой, которую медицинские системы не могли точно распознать.

Двадцать один из них был аурелианином.

У одного отец был аурелианином, но у него самого золотое кольцо никогда не проступало отчётливо.

О последней заболевшей в родовом архиве сведений не было. Она родилась за пределами Ауриолы и никогда не сообщала публично, к какому роду принадлежит.
В каждой больнице всё выглядело по-своему.

В одной лежал ребёнок.

В другой — старуха.

В третьей — двое детей из одной семьи.

В четвёртой — мужчина, несколько дней назад работавший на орбитальном кольце.

Медицинские системы искали общее между больными, сопоставляя симптомы, окружение, время и известные факторы риска. Имя, расу и родословную они не учитывали. Сведения о происхождении принадлежали на Эларионе к числу самых строго охраняемых. Использовать их разрешалось лишь при наличии ясных медицинских оснований.
Таких оснований пока не подтвердили.

А значит, система не имела права заранее считать, что они есть.

В больнице Ауриолы Элан перестал говорить.

Он не спал. Лежал с открытыми глазами, глядя на свет на потолке, а на вопросы отвечал лишь движением пальцев. Один палец означал «да». Два — «нет».
Его мать стояла за прозрачной стеной.

— Ты меня слышишь?

Один палец.

— У тебя что-нибудь болит?

Два.

— Тебе холодно?

Один.

Врачи меняли лечение вслед за изменениями показателей. Каждое вмешательство оценивала система, сопоставляя с миллионами других случаев, и проверял врач.
Никто не действовал вслепую.

И всё же никто не знал, с чем ведёт борьбу.

Элан поднял руку.

Приложил к стене три пальца.

Мать сделала то же самое.

Их разделяли стекло, воздух и предписание, по которому она не могла войти.

— Я здесь, — сказала она.

Мальчик закрыл глаза.

В тот день стали закрываться первые дома.

Не по распоряжению властей.

Поначалу — добровольно.

В старых родовых домах аурелиан действовали собственные санитарные правила. Некоторые сложились ещё в те времена, когда болезни распространялись медленнее и люди верили, что стены родового дома могут уберечь чистоту рода от внешнего мира. Теперь эти правила имели скорее символическое значение.
Теперь старые ворота и вправду закрылись.

Семьи перестали посылать детей в школу.

Работники оставались дома.

Домашние системы измеряли температуру, следили за показателями крови и изменениями золотого кольца.

В открытых сетях появились первые снимки глаз.

Фотографии радужек.

Увеличенные золотые линии.

Люди сравнивали их, искали различия, отмечали места, где кольцо казалось шире, ярче или прерывалось.

Врачи твердили вновь и вновь: по виду глаз нельзя с уверенностью поставить диагноз.

Их никто не слушал.

Страх любит знаки, которые можно увидеть.

Марея добралась до Ауриолы ещё до полудня.

Есаир ждал её у дома Давионов. Вместо защитного костюма на нём была только простая светлая маска, как требовали местные правила.

— Не надо было тебе сюда приходить, — сказала она.

— Я здесь живу.

— Ты понимаешь, о чём я.

Есаир посмотрел на запертые дома в долине.

— Если я должен уйти именно теперь, значит, этот дом никогда не был моим.

— Дело не в доме.

— Знаю.

— Дело в тебе.

— Я тоже аурелианин.

— Вот именно.

Марея подошла к нему ближе.

— Если удар направлен против нашей ветви, ты в большей опасности, чем кто бы то ни было. Ты потомок древнейшего из известных родов. Мы не знаем, что именно это значит.

— Может, ничего.

— А может, всё.

Есаир спокойно смотрел на неё.

— Нерай попросила тебя меня уговорить?

— Нерай сказала, что, если я тебя не уговорю, она придёт и сама тебя утащит.

— Вот бы на это посмотреть.

— А я бы не хотела.

Улыбка сошла с его лица.

Марея оглянулась в сторону Ауриолы.

— Ариен говорил, что дома начнут закрываться, когда мы ещё не знали ни об одном заболевшем.

— Знаю.

— Если он как-то к этому причастен...

— У нас есть подозрение.

— У меня больше, чем подозрение.

— Ты знаешь этого человека.

— И этого мало?

— Нет. Но остановить мир этого не хватило.

Марея опустила глаза.

Есаир коснулся её руки.

— Это не твоя вина.

— Я видела, к чему идёт.

— И сказала об этом.

— Поздно.

— Ещё до первой лихорадки.

— Надо было раньше.

Есаир знал: возражать бесполезно. Не потому, что она права, а потому, что вина в таких случаях не спрашивает, где правда. Она выбирает того, кто стоял ближе.
Ближе всех к Ариену была Марея.

Вот ей и казалось, что видеть она должна была дальше всех.

В доме Давионов открыли координационный центр.

Не больницу.

Здесь не было ни оборудования, ни врачей, способных лечить новую болезнь. Зато были просторные залы, узлы связи, собственные источники энергии и старые подземные помещения, которые можно было изолировать от остального дома.
Родовой совет предложил оставить дом лишь для членов древнейших родов. Есаир отказался.

— Если мы откроем ворота только тем, у кого подходящее имя, — сказал он, — мы недостойны ни одного из имён на этих стенах.

В дом потянулись семьи, которым некуда было идти.

Больные были не во всех.

Некоторым было просто страшно.

Мать с двумя сыновьями, которую соседи попросили выехать из их жилого блока.

Старик, которому отменили перевозку в больницу: в другом государстве перестали принимать пациентов из Ауриолы.

Молодая женщина на последних месяцах беременности. Её спутник был селенитом. Судя по генетическим анализам, она ждала мальчика.

Мальчика-аурелианина.

Она сидела в старой библиотеке Давионов, положив обе руки на живот.

— Я всю жизнь хотела сына, — сказала она Марее. — А теперь мне кажется, будто я передала ему по наследству приговор.

— Ты дала ему жизнь.

— И знак.

— Знак — ещё не болезнь.

— Вот и скажи это тем, кто побоится на него посмотреть.

Марея села напротив.

— Мы ещё не знаем, что происходит.

— Потому мне и страшно.

Женщина всмотрелась в портреты Давионов.

— Как думаешь, могли они представить, что однажды их кольцо станет означать смерть?

— Нет.

— Тогда для чего оно было?

Марея посмотрела на золотые кольца в нарисованных глазах людей, живших задолго до неё.

— Может быть, ни для чего.

Женщина удивлённо взглянула на неё.

— Не обязательно у всего есть назначение, — продолжала Марея. — Не во всём, что достаётся нам от предков, заключено послание. Иногда это просто часть нашего тела. Частица пройденного нами пути.

— А если этот путь ведёт нас сюда?

Марея не нашлась что ответить.

Поздно вечером приехала Нерай.

Защитный модуль пропустил её в Ауриолу лишь после трёх проверок. Она была селениткой, но её мать — аурелианкой, а по скудным данным система не могла надёжно оценить риск для людей смешанного происхождения.

— Значит, для проверок я теперь уже достаточно аурелианка, — сказала она, входя в дом Давионов.

— В детстве ты бы обрадовалась, — заметил Есаир.

— В детстве я была дурочкой.

— В детстве ты хотела быть своей.

— Часто это одно и то же.

Они обнялись лишь на мгновение.

Нерай тут же открыла рабочие слои.

— У нас семьдесят восемь подтверждённых случаев. Ещё больше двухсот ждут уточнения диагноза. Большинство в Ауриоле, но не все.

— Сколько аурелиан? — спросила Марея.

— Точно не знаем.

— Как мы можем этого не знать?

— Не все указывают своё происхождение публично. Не все государства одинаково собирают эти сведения. Некоторые больницы не вправе передавать их без согласия пациента.

— И система до сих пор не заявила о генетической связи?

— Региональная отметила её как возможную.

— А межгосударственная?

— Ей не хватает подтверждённых данных.

Марея возмущённо рассмеялась.

— Сколько же ей нужно?

— Дело не только в количестве, но и в качестве.

— Люди сгорают от жара, а машины оценивают качество.

— Машины делают то, чего мы от них хотели, — сказала Нерай. — Мы не хотели, чтобы после десяти случаев они объявили целую расу угрозой для здоровья.

— Сейчас их почти восемьдесят.

— А через несколько часов может быть восемьсот.

В комнате стало тихо.

Есаир посмотрел на сестру.

— Ты так думаешь?

— Думаю, что бы это ни было, началось оно не сегодня.

Нерай вывела карту.

Первые известные случаи обнаружили далеко друг от друга.

Одни связывали транспортные узлы.

Другие — родственные узы.

Между третьими никакой видимой связи не было.

— Болезнь уже за пределами Ауриолы, — сказала она. — Мы просто ещё не признались себе в этом.

На боковой стене дома Давионов включились местные новости. «Власти подтверждают семьдесят восемь случаев неизвестной лихорадки, — сообщала ведущая. — Медики опровергают утверждение, будто заражение можно определить по виду золотого кольца».

В коротком репортаже мать у закрытой школы спрашивала, почему она должна держать ребёнка дома, если у него нет симптомов. Другой родитель указывал на двери аурелианского дома и требовал выставить у них охрану.

Есаир убавил звук. «Оба боятся за детей», — сказал он. Нерай промолчала. На её карте уже было больше точек, чем назвала ведущая.

Тут пришло сообщение из больницы.

Элану стало хуже.

Есаир поднялся.

— Я пойду.

— Нет, — в один голос сказали Марея и Нерай.

Он посмотрел на них.

— Его мать там одна.

— Там врачи, — сказала Нерай.

— Это не одно и то же.

— Если ты заразишься, то уже никому не поможешь.

— А если останусь здесь?

— Можешь говорить с людьми. Организовать помощь. Убедить их соблюдать меры предосторожности.

— То есть я должен быть голосом, а не человеком.

— Ты должен остаться в живых.

Есаир посмотрел на карту Ауриолы.

Потом на закрытые ворота своего дома.

— Все эти годы люди рассказывали мне, что умели, по их словам, мои предки. Исцеляли прикосновением. Входили в дома, куда другие боялись ступить. Оставались с больными.

— А может, оттого все и умерли, — сказала Нерай.

Есаир поднял на неё глаза.

В её словах не было жестокости.

Только страх сестры, которая ещё не готова была записать его в число заболевших.

— Тебе ни к чему доказывать, что ты Давион, — сказала она.

— Я ничего не хочу доказывать.

— Тогда останься.

Есаир сел.

В больнице мать Элана приложила к стеклу три пальца.

Мальчик уже не поднял руки.

К полуночи закрылись ещё сорок три аурелианских дома.

К утру их было больше тысячи.

Сначала они закрывались сами.

Через несколько дней их начнут закрывать другие.

26. Системы, которым не видно целого

Сайра Орен знала, каким языком говорят машины.

Не языком слов.

Языком прав доступа.

Каждая информационная система могла сказать лишь то, что позволял ей закон. Что в ней хранилось, было менее важно, чем то, что она имела право передать дальше.

Сайра проектировала межгосударственные сети передачи данных. Она разрабатывала интерфейсы, через которые обменивались сведениями больницы, страховые компании, медицинские реестры и исследовательские центры. Всю жизнь она старалась сделать так, чтобы данные могли переходить из одного учреждения в другое, а человек при этом не становился всеобщим достоянием.

Она верила в ограничения.

Верила в разделение полномочий.

Верила, что ни одна система не должна знать о человеке всё.

Именно поэтому Нерай позвала её.

Они встретились в кризисном центре Союза.

На стенах светились пять карт.

Карта заболевших.

Карта родственных связей.

Карта больничных мощностей.

Карта транспортных потоков.

Карта подозрительных финансовых операций.

Ни одна не была полной.

И никакие две нельзя было без разрешения полностью наложить друг на друга.

Сайра долго их рассматривала.

— Ты хочешь, чтобы я их соединила.

— Я хочу знать, можно ли их соединить.

— Технически — да.

— А по закону?

— Нет.

— Даже в чрезвычайной ситуации?

— На всей планете чрезвычайную ситуацию в здравоохранении пока не объявляли. Союз может свести воедино собственные данные, но чужие реестры ему неподвластны. Для родовых архивов действуют особые правила защиты. Для финансовых данных — другие.

Нерай указала на карту заболевших.

— Мне надо только проверить, принадлежат ли пациенты к тем же родовым ветвям, данные о которых кто-то запрашивал в рамках исследовательских проектов.

— Только?

— Мне не нужны их имена.

— Даже без имён само совпадение — уже сведения о них.

— А как насчёт сведений о человеке, оплатившем исследования?

— Финансовый слой не знает, кто он.

— Вот именно.

Сайра подошла к картам.

— Я могу создать временный мост. Каждая система сформирует анонимный идентификатор. Мы посмотрим только на совпадения.

— Так сделай это.

— У меня нет полномочий.

— А у кого есть?

— У всех сразу.

Нерай нахмурилась.

— Это не ответ.

— Наоборот. Это очень точный ответ. Нам нужно согласие медицинского надзора, родовых архивов, межгосударственного совета, как минимум двенадцати государств и распорядителя внепланетных данных. А если подключать финансовую информацию — ещё и разрешение суда.

— Сколько времени?

— Обычным порядком — несколько месяцев.

— А чрезвычайным?

— Если все согласятся — несколько часов.

— Так давай их соединим.

Сайра посмотрела на неё.

— Людей или системы?

— И тех и другие.

Через шестнадцать минут началось экстренное совещание.

С одной стороны сидели представители органов здравоохранения.

С другой — хранители родовых архивов.

Дальше — юристы, сотрудники банковского надзора, представители государств и защитники гражданских прав.

Каждый из них знал свою сторону проблемы.

И каждый боялся своей катастрофы.

Врачи боялись эпидемии.

Родовые советы — дискриминации.

Государства — потери контроля.

Юристы — прецедента.

Правозащитники — системы, которая в один прекрасный день сможет собрать воедино всё о каждом человеке.

— Мы просим разрешить лишь временную сверку, — сказала Сайра. — Без имён. Без разглашения индивидуальных данных. Надо выяснить, есть ли статистическое совпадение между признаками заболевших и наследственными особенностями, которые изучали в недавних исследованиях.

— Кто увидит результат? — спросил представитель Теринита.

— Команда медиков кризисного центра.

— А Слой?

Нерай ответила:

— Финансовые аналитики узнают только одно: связаны ли проверяемые нами проекты с нынешней угрозой.

— То есть вы собираетесь использовать медицинские данные для финансового расследования.

— Мы воспользуемся подтверждением угрозы, чтобы установить, кто её финансировал.

— Это опасный прецедент.

— Опасный прецедент уже лежит в больницах.

Дарен Волтр участвовал в совещании как представитель Валютного совета Северного союза. Медицинскими данными он распоряжаться не мог, но при межгосударственных кризисах представлял группу стран, чьи финансовые и страховые системы должны были взять на себя часть расходов.

— Нерай, — сказал он, — я понимаю, как мало у нас времени. Но система, которая свяжет генетику, здоровье и деньги, — именно та, от которой предостерегали противники Есаира.

— Есаир предлагал сделать видимой власть, а не обнародовать истории болезней.

— Любая централизованная система поначалу уверяет, что хочет видеть только власть.

— Так давайте обойдёмся без централизованной системы.

— А что взамен?

Ответила Сайра:

— Временный обмен подтверждениями между отдельными узлами. Данные останутся там, где хранятся. Каждый реестр ответит только «да», «нет» или выдаст статистический показатель. Каждый запрос будет зарегистрирован. Впоследствии пациент увидит, что его данные вошли в экстренную проверку.

— А отказаться он может? — спросила представительница правозащитников.

— Задним числом — нет.

— Значит, его согласие ничего не стоит.

— Если ждать личного согласия каждого, кто лежит без сознания, мы ничего не узнаем.

— Именно так и вводят чрезвычайный режим, который потом уже никогда не отменят.

Нерай чувствовала, как в ней поднимается гнев.

Не на кого-то из собравшихся.

Каждый высказывал разумное опасение.

Это и было хуже всего.

Будь они глупцами, их можно было бы переубедить.

Будь они продажны, их можно было бы разоблачить.

Но они защищали подлинные ценности.

Частную жизнь.

Права.

Суверенитет.

Доверие.

И пока они защищали каждую в отдельности, болезнь проходила между ними.

— Предложите меры защиты, — сказала Нерай. — Вместо отказа.

— Какие? — спросил Волтр.

— Каждый запрос будет виден всем учреждениям, участвующим в проверке. Каждый случай использования данных будет зафиксирован. После кризиса результаты пересмотрят. Кто выйдет за пределы оговорённой цели, будет отвечать лично.

— Всё это по-прежнему не защитит человека от государства.

— Не защитит. Но государство уже не сможет наблюдать, оставаясь невидимым.

Волтр умолк.

Эта мысль запомнилась ему из речи Есаира.

Тот, кого проверяют, видит проверяющего.

Это не давало ответа на все вопросы.

И всё же было лучше тайного доступа.

Совещание продолжалось.

Тем временем число заболевших перевалило за тысячу.

Медицинский ИИ Союза уже с высокой вероятностью указывал на связь с наследственностью. Но вывод касался только данных Союза. В двух других государствах получили сходные результаты. Ещё в трёх подтверждённых случаев пока было недостаточно.

Каждая система знала часть.

Ни одна не могла договорить фразу до конца.

Сайра открыла схему сетей.

— Машины не слепы, — сказала она. — У них завязаны глаза. И за каждой повязкой стоял человек, у которого были на то веские причины.

— Можно на время развязать им глаза? — спросил Волтр.

— Можно оставить узкую щёлку.

— А кто решит, какой ширины она будет?

— Вы.

Нерай покачала головой.

— Нет. Это должны определять правила, а не люди в этой комнате.

— Кто-то должен их написать.

— И все должны видеть, кто их написал.

Через пять часов ограниченный мост для сопоставления данных одобрили.

Двенадцать государств присоединились сразу.

Девять — с оговорками.

Четыре отказались.

Остальные запросили дополнительное юридическое заключение.

Родовые архивы согласились на сверку лишь при условии, что данные будут обобщены.

Напрямую подключить финансовую карту не разрешили.

Нерай должна была получить только один ответ: изучались ли в проверяемых проектах те же генетические особенности, которые обнаруживались у пациентов.

Мост заработал.

Начал рассылать вопросы.

Имена через мост не проходили.

Индивидуальные истории болезней оставались под защитой.

Передавались только математические подтверждения совпадений.

Первые результаты пришли через девять минут.

Связь с наследственностью была сильной.

Второй ответ подтвердил, что в ряде исследовательских проектов изучали именно те родовые признаки, которые среди заболевших встречались необычно часто.
Третий показал, что некоторые из этих признаков оказались общими для аурелианских линий, считавшихся далёкими друг от друга.
Нерай вывела финансовую карту.

Фонды.

БИО-ИИ.

Лаборатории.

Исключения.

Проверка реакции.

Логистика.

Теперь у неё была первая нить, связывавшая всё это с болезнью.

Ещё не доказательство преступления.

Но уже доказательство того, куда всё это вело.

— Отправьте в прокуратуру, — сказала она.

— С какой пометкой? — спросил Тарен.

— Непосредственная системная угроза.

— Мы всё ещё не знаем преступника.

— Зато знаем, что куплено.

— Это не одно и то же.

— Да. Но покупки появились раньше трупов.

На другом конце Нитры Каэл Торн следил за теми же сводками о заболевших, что и все остальные.

Впрочем, не только за ними.

У него был доступ к закрытым прогнозам страховщиков и хозяйственных консорциумов. Они были точнее заявлений политиков: деньги готовились к катастрофе прежде, чем государства получали право назвать её по имени.
Прогноз обещал сотни тысяч заболевших в ближайшие дни.

Возможно, миллионы.

Каэл вызвал Ариена на связь.

На этот раз изображение не появилось.

Только голос.

— Мы должны передать медикам все результаты исследований, — сказал Каэл.

— Зачем?

— Они могут им помочь.

— Результаты разрознены.

— Так соберите их.

— У меня есть не все.

Каэл закрыл глаза.

— Вы их заказали.

— Заказчики были разные.

— Хватит говорить от имени схемы, которую вы сами придумали.

— Некоторые лаборатории хранят результаты по собственным правилам. Некоторые договоры запрещают их дальнейшее использование.

— Значит, вы создали угрозу, в которой не разбирается даже её создатель.

Ариен долго молчал.

— Они не должны были умирать все, — сказал он наконец.

Каэл открыл глаза.

— Кто не должен был умирать?

— Результаты должны были быть точнее.

На краю стола его пальцы сделали движение, знакомое им с детства. Пять граней кубика были собраны верно. На последней несколько квадратиков остались не на своих местах.

Когда-то у ворот зоопарка он умолял разрешить ему начать сначала. Теперь он смотрел на карту больниц. Ни один новый ход уже не мог вернуть умерших домой.

— На сколько вы рассчитывали?

— На достаточное число.

— Это не цифра.

— Раньше цифры вас бы не заинтересовали.

Каэл встал.

— Раньше вы уверяли меня, что кризис будет ограниченным.

— Вы хотели, чтобы Эларион испугался мира, который предлагал Есаир.

— Я хотел остановить его.

— Это его остановит.

Каэл посмотрел на карту больниц.

— Нет. Это превратит его в того, кого вы боялись.

Ариен прервал связь.

На карте заболевших загорались новые точки.

Системы уже начинали соединять их.

Поздно.

Но впервые — вместе.

27. Имя, которое боялись произнести

Эларион знал, какая сила заключена в именах.

Имя могло защитить человека.

Могло наделить его правами, приобщить к роду и его истории, дать ему место в обществе.

Но имя могло стать и мишенью.

Несколько поколений назад в двух государствах происхождение учитывали при распределении рабочих мест и оформлении медицинской страховки. Считалось, что в силу некоторых наследственных особенностей лечение аурелиан обходится дороже. Селенитов не брали в службу безопасности из-за их якобы чрезмерной чувствительности. А вейранам отдавали предпочтение в управлении и финансовых учреждениях: им приписывали врождённые организаторские способности.
Позднее эти правила отменили.

Недоверие осталось.

Потому руководители здравоохранения и боялись произнести слово «аурелианин», пока связь не станет бесспорной.
К тому времени, когда собрался Планетарный совет по здравоохранению, число подтверждённых случаев превысило двести тысяч.

Почти все заболевшие были аурелианами или людьми, чьё родство с аурелианами было достоверно установлено.
— Статистическая связь очевидна, — сказала главный эпидемиолог Союза. — Механизм её возникновения — нет.
— Публика не отличает статистику от причины, — возразил представитель Вокорвина. — Скажем, что болезнь аурелианская, и люди станут видеть источник заразы в каждом аурелианине.
— А если не скажем, — ответила Марея, — они не будут знать, кому грозит опасность.

— Опасность грозит всем.

— Но не в равной степени.

— Мы не знаем, передают ли аурелиане болезнь чаще других.

— Мы и не утверждаем, что они её передают.

— Этого люди не услышат.

Нерай сидела рядом с Сайрой и следила сразу за двумя спорами.

В одной комнате люди спорили о том, какие слова выбрать.

А в больницах в это время решали, кому достанется койка.

— Предлагаю такую формулировку, — сказал Дарен Волтр. — Заболевание неизвестного происхождения, случаи которого чаще отмечаются у людей одной наследственной группы.

Марея посмотрела на него.

— Это способ сказать «аурелианин», не произнося этого слова.

— Это точная формулировка.

— Нет. Это удобная формулировка.

— Марея, слова могут убивать.

— Молчание тоже.

Председательница совета подняла руку.

— Мы должны разделить два вопроса. Кого поражает болезнь и кто может её распространять.

— Публика их не разделит, — повторил представитель Вокорвина.

— Значит, надо её этому научить, — сказала Нерай.

— Пока все в панике?

— А когда же? Когда аурелиан уже запрут по домам?

— Некоторые дома закрылись сами.

— Потому что государства молчали.

Дарен Волтр повернулся к ней.

— И что ты предлагаешь?

— Сказать правду целиком. Что болезнь поражает в основном аурелиан. Что пока нет доказательств, будто принадлежность к аурелианам сама по себе повышает вероятность передать болезнь другим. Что из-за дискриминации заболевшие реже обращаются за помощью, а это увеличивает риск для всех.

— А если завтра выяснится что-то другое?

— Тогда завтра мы об этом скажем.

— Доверие нельзя перестраивать каждый день.

— А самое точное наше представление о том, что происходит, порой меняется каждый час.

Совету не удалось договориться.

Он выступил с заявлением, в котором не было слова «аурелианин».

В нём говорилось о неравномерном распределении риска среди населения, о необходимости добровольного тестирования и временного ограничения передвижений в районах с высоким числом заболевших.
Люди сами додумали то, о чём умолчали власти.

По сетям пошло название «чума Золотого кольца».

Никто не знал, кому оно первому пришло на язык.

Может, журналисту.

Может, перепуганному родителю.

А может, тому, кто давно ненавидел аурелиан и лишь ждал слова, которое сошло бы за причину.
Название разлетелось быстрее официальных рекомендаций.

В Саруре водитель транспортного модуля не пустил внутрь семью аурелиан.

— Ничего личного, — сказал он.

Отец показал справку с отрицательным результатом теста.

— У нас есть разрешение.

— У меня дома дети.

— У меня тоже.

— Тем более вы должны меня понять.

Семья осталась на платформе.

Остальные пассажиры молчали.

Один заступился.

Вейран.

— Либо вы их берёте, либо мы все выйдем.

Вышли не все.

Вышли трое.

В другом городе перед аурелианским домом собрались люди и потребовали, чтобы его закрыли. Когда жильцы погасили свет, толпа зааплодировала.

В селенитском квартале Нитры для семей, лишившихся жилья, открыли общественный центр.

На входных воротах не было ни одного родового знака.

Лишь слова:

У болезни есть жертвы. Страх создаёт их сам.

В больнице Ауриолы молодая женщина родила сына.

Ребёнок был здоров.

Когда он открыл глаза, золотого кольца видно не было.

У матери отлегло от сердца.

А потом ей стало стыдно за своё облегчение.

— Я ужасный человек, — сказала она Марее, которая разговаривала с ней через экран.

— Нет.

— Я молилась, чтобы у него не было кольца.

— Ты молилась, чтобы он жил.

— А разве это одно и то же?

Марея не ответила.

Ребёнок шевельнулся, и на ярком свету вокруг его зрачка проступила тонкая золотая линия.

Мать заплакала.

Не потому, что стала меньше его любить.

Потому, что знала: с первого мгновения мир будет видеть в нём вопрос.

В Нитре Нерай встретилась с руководством Слоя.

Её просьбу немедленно раскрыть цепочки владельцев организаций, участвовавших в проектах, вновь удовлетворили лишь отчасти.

Непосредственная угроза здоровью позволяла заморозить некоторые счета.

Но не давала автоматического права раскрыть конечных владельцев во всех государствах.

— У нас есть подтверждение, что они изучали те самые генетические особенности, с которыми связана болезнь, — сказала Нерай.

— У нас есть корреляция, — поправил её юрист.

— А кто за эту корреляцию заплатил?

— Это мы выясняем.

— Сколько ещё?

— У Теринита тридцать дней на ответ.

Нерай рассмеялась.

Ничего весёлого в этом смехе не было.

— Через тридцать дней, может, уже некому будет отвечать.

— Мы не можем отменять закон всякий раз, как возникает угроза.

— Я не прошу отменять закон. Я прошу, чтобы он поспевал раньше могильщиков.

— Если мы сейчас откроем сведения обо всех защищённых фондах, это создаст прецедент.

— Возможно, прецедент нам и нужен.

— В разгар кризиса легко говорить такие вещи.

Нерай подалась к нему.

— А когда, по-вашему, и выявлять слабые места системы? В спокойные времена, когда никому нет до них дела?

Вечером совет по здравоохранению собрался вновь.

Число заболевших перевалило за два миллиона.

На этот раз пришло известие и с Таэрона.

У троих работников одного из изолированных куполов обнаружились те же симптомы.

Двое были аурелианами.

У третьего отец был аурелианином.

Председательница совета открыла подготовленное заявление.

В нём по-прежнему не хватало одного слова.

Марея встала.

— Когда вы боитесь назвать тех, кого убивает болезнь, вы не нас защищаете от дискриминации. Вы себя защищаете от ответственности.

— Это несправедливо, — сказал Волтр.

— И то, что матери узнают правду из сообщений чужих людей, пока государства толкуют о неравномерности заболеваемости, тоже несправедливо.

— Назовём имя — можем спровоцировать насилие.

— Оно уже началось.

— Оно может усилиться.

— Молчание делает его слепым.

Из дома Давионов к совещанию подключился Есаир.

До сих пор он не брал слова.

— Произнесите его, — сказал он.

Все повернулись к его изображению.

— Есаир, — начала председательница, — мы должны взвесить...

— Я аурелианин. Марея — аурелианка. В больницах лежат аурелиане. Подменяя наше имя описанием, вы нас не защищаете.

— А если люди станут видеть в вас угрозу?

— Тогда скажите им ясно: мы те, кому грозит опасность. Не те, от кого она исходит.

Дарен Волтр пристально посмотрел на Есаира.

— А если этого будет мало?

— Правды часто бывает мало. Лжи — и подавно.

Совет внёс в заявление изменения.

Незадолго до полуночи на всех общедоступных каналах выступила глава здравоохранения Элариона.

Болезнь она назвала лишь описательно.

А потом назвала людей по имени.

— Согласно имеющимся данным, неизвестное заболевание непропорционально часто поражает аурелиан и людей с определёнными наследственными связями с аурелианами.

Дальше шли пояснения.

О передаче болезни.

О том, что ещё неизвестно.

О запрете дискриминации.

О необходимости немедленного тестирования и защиты.

Но большинство людей запомнили первую фразу.

На экранах по всей планете появились золотые глаза.

Мир наконец назвал жертв по имени.

И тем самым поставил на них метку.

28. Золотое кольцо за стеклом

Материалом пандемии стало стекло.

Оно стояло в больницах.

На границах кварталов.

В транспортных узлах.

Между детьми и родителями.

Между больными и теми, кто хотел им помочь.

Оно было прозрачным и всё же разделяло.

Для того и служило.

На старых снимках первых дней видны лица, прижатые к стенам изоляторов. Руки с обеих сторон. Губы, которые шевелятся, не касаясь друг друга. Золотые кольца в глазах — в отражённом стеклом больничном свете они видны ещё отчётливее. Признак, прежде дававший о себе знать лишь изредка, при лихорадке проступал всё чаще.

Врачи не знали, проявление ли это самой болезни или просто реакция организма.

Людям до этой разницы дела не было.

У входов в магазины начали появляться сканеры радужки.

Официально они измеряли температуру и основные показатели здоровья.

В некоторых частных заведениях их перенастроили так, чтобы они предупреждали об аурелианских признаках.

Это было незаконно.

Владельцы уверяли, что защищают покупателей.

В одном государстве власти запретили такие системы.

В другом — временно разрешили.

В третьем сделали вид, будто не знают об их существовании.

Сорок государств.

Сорок ответов на один страх.

В Ауриоле Элану разрешили связаться с Есаиром по больничному каналу.

Лицо мальчика словно уменьшилось с тех пор, как Есаир видел его в последний раз. Лихорадка согнала с его щёк детскую полноту. Глаза были открыты, золотые кольца в них сияли так ярко, что казались ненастоящими.

— Помнишь меня? — спросил Есаир.

Элан шевельнулся.

Один палец.

— Мама с тобой.

Мальчик посмотрел в сторону стекла.

— Она сказала мне, что ты спрашивал про кольцо.

Губы Элана шевельнулись.

Слова были едва слышны.

— Оно видит?

Есаир наклонился ближе.

— Что?

— Видит лучше?

Есаир вспомнил их давний разговор.

— Нет, — сказал он. — Кольцо — нет.

Элан ждал.

— Человек видит столько, на сколько хватает смелости посмотреть.

Мальчик закрыл глаза.

— Я не хочу.

— Чего ты не хочешь видеть?

— Как мама плачет.

Есаир не нашёлся что ответить.

По ту сторону стекла мать Элана стояла, закрыв рот рукой.

— Ты можешь бояться, — сказал Есаир. — Не обязательно всё время быть храбрым.

— А ты боишься?

— Да.

— Чего?

Есаир посмотрел на мать мальчика.

На медицинские показатели.

На собственное отражение в экране.

— Что не сумею помочь.

Элан немного помолчал.

— Значит, мы одинаковые.

Есаир слабо улыбнулся.

— Да.

Врачи прервали связь.

Элану нужна была ещё одна процедура.

Есаир остался сидеть перед погасшим экраном.

Руки его лежали на столе.

Руки Давионов.

Руки, которые, как гласили старые книги, умели снимать жар.

А сейчас они не могли даже прикоснуться к одному-единственному ребёнку.

Марея пришла с миской горячего супа. Есаир её не заметил.

— Поешь. Ты здесь с самого утра.

— Элан спросил, помогу ли я ему.

— И что ты сказал?

— Что останусь на связи.

— И ты остался.

— От этого лёгкие у него не вылечатся.

— Нет. Но мать сказала мне, что после этого он дал врачам подготовить себя к процедуре.

Есаир взял ложку. Рука так дрожала, что пришлось положить её обратно.

— Меня злит, когда от Давиона ждут чуда, — сказал он. — А сегодня я на миг и сам стал его ждать.

Марея присела рядом. «Я схожу к его матери. А ты попробуй съесть хоть немного».

Элан умер перед рассветом.

Матери не дали быть с ним рядом.

Но врачи разрешили ей остаться у стекла.

Когда приборы умолкли, она ещё долго держала на стекле три пальца.

Есаир узнал о смерти мальчика через несколько минут.

Он не выступил с публичным заявлением.

Не стал говорить о первом умершем ребёнке, которого знал лично.

Только вышел в сад Давионов и стоял там, пока не взошло Солнце Элариона.

В тот день умерли ещё восемь тысяч человек.

Лишь одного из них Есаир знал по имени — Элана.

В этом одна из самых жестоких особенностей больших катастроф.

Числа растут.

А боль всегда остаётся чьей-то болью.

Одна кровать.

Одна мать.

Одна рука на стекле.

В открытых сетях появилась фотография аурелианской девочки за прозрачной стеной карантинного центра. Ей было лет десять. Волосы ей коротко остригли, чтобы медикам было легче работать. В глазах отчётливо проступало кольцо.
По другую сторону стоял медик-селенит.

Девочка положила ладонь на стекло.

Он приложил свою напротив.

Фотография облетела планету.

Для одних она стала символом сострадания.

Для других — доказательством, что аурелиан надо держать отдельно.

Один и тот же снимок мог питать любовь и ненависть.

Зависело от того, с чем человек подходил к нему, прежде чем взглянуть.

Ариен Корвет видел эту фотографию.

Он увеличил снимок, чтобы рассмотреть глаза девочки.

Золотое кольцо.

Тот же знак проступал у Мареи, когда она сердилась, боялась или так глубоко сосредоточивалась, что переставала замечать всё вокруг.

На долю секунды он снова увидел перед собой разбитый транспортный модуль. Белый свет. Мамины пальцы в его ладони. Голос медика: «Аурелианский регенеративный профиль».

Двери санитарного модуля закрылись, увозя чужого ребёнка. Ариен все эти годы помнил, с какой стороны остался стоять он сам.

На фотографии за стеклом стоял другой ребёнок. В глазах — то же кольцо. Ариен попытался вспомнить лицо мальчика, которого тогда увезли. Но видел перед собой только испуганную девочку.

Он сказал себе, что не знает этого ребёнка.

Что отдельные картины не должны заслонять цель, которую он видит перед всей цивилизацией.

Что за всякие большие перемены приходится платить.

Потом закрыл снимок.

Через несколько минут открыл снова.

Девочка была ещё жива.

От этого было хуже.

Мёртвые уже не смотрели на него.

Каэл пришёл сам.

Ариен не впустил его, но у Каэла оставалось право доступа, которое Ариен в своё время счёл излишним отзывать.

Двери открылись.

— Архивы исследований надо передать совету по здравоохранению, — сказал Каэл.

— Я вам уже ответил.

— Сейчас я говорю не о вашем замысле. Я говорю о лечении.

— Результаты обезличены и разобщены.

— Кто-то же должен уметь свести их воедино.

— БИО-ИИ.

— Где он?

— Вычисления велись на нескольких арендованных площадках.

— Где модель, Ариен?

Ариен посмотрел на него.

— Единой модели нет.

Каэл застыл.

— И это вы тоже разделили.

— Так было безопаснее.

— Для кого?

Ариен не ответил.

— Вы хотели, чтобы никто не видел картины целиком, — продолжал Каэл. — Ни лаборатории. Ни банки. Ни власти. Теперь вы и сами её не видите.

— Я вижу результат.

— Вы видите трупы.

Каэл указал на общедоступную карту заболевших.

— Это уже не управляемый кризис.

— Я никогда не говорил, что обойдётся без жертв.

— Гибнут не только аурелиане.

Ариен замер.

— Косвенные потери. Больницы переполнены. Лекарств не хватает. Перевозки остановлены. Гибнут люди всех ветвей.

— Это пройдёт.

— А аурелиане?

— В них корень проблемы.

Каэл подошёл ближе.

— Нет. Корень проблемы стоит передо мной.

Ариен прищурился.

— Вы открыли мне счета.

— Да.

— Добились исключений.

— Да.

— Ваши люди устранили препятствия.

— Да.

Каждое признание Каэл произносил спокойно.

Не пытаясь оправдаться.

— Потому я и знаю, что натворил.

— Что изменилось?

— Масштаб.

Ариен горько усмехнулся.

— Значит, для вас нравственность — всего лишь вопрос количества.

— Нет. Количество лишь лишило вас возможности лгать себе, будто то, чем вы занимаетесь, — политика.

Ариен повернулся к фотографии девочки за стеклом.

— Есаир сотворит из этого новый миф.

— Может быть.

— Люди обратятся к нему.

— Уже обращаются.

— Вот видите.

Каэл посмотрел на него почти с жалостью.

— Вы всё боялись, что Есаир предстанет перед людьми пророком. И потому устроили ему апокалипсис.

Он ушёл.

Ариен остался один.

На экране девочка прикасалась к стеклу.

Он не знал, выжила ли она.

И не хотел узнавать.

В Ауриоле Есаир вернулся в дом только вечером.

На пороге его ждала мать Элана.

Ей нельзя было к нему подходить. Она была на домашней изоляции.

Они стояли в нескольких метрах друг от друга.

— Он с тобой говорил, — сказала она.

— Да.

— Ему было страшно.

— Да.

— Ты сказал ему правду?

— Я старался.

Женщина кивнула.

— Значит, ты сделал больше, чем все мы.

Есаир склонил голову.

— Нет.

— Не отнимай у меня этого.

Он поднял глаза.

— Мне надо верить, что он ушёл не один, — сказала она.

Есаир вспомнил слова из родовой книги.

Не уходи один.

Элан был за стеклом.

Мать — за другим.

Сам он — на экране.

И всё же в последнее мгновение между ними возникло что-то, чего никакая стена не могла до конца разъединить.

— Он ушёл не один, — сказал Есаир.

На этот раз он не знал, правда ли это.

Знал лишь, что должен это произнести.

29. Голос Есаира и Мост к единому элару

Когда людям изменяет общий язык, они начинают искать голос.

Когда людям изменяет общий язык, они не обязательно ищут того, кто говорит мудрее всех.

Или точнее всех.

Они ищут голос, слушая который хотя бы на миг перестанут чувствовать, будто мир рассыпается на ворох противоречивых указаний.
Власти здравоохранения говорили об изоляции.

Политики — о стабильности.

Банки — о ликвидности.

Родовые советы — о защите аурелиан.

Силы безопасности — о порядке.

Каждый правильно говорил на языке своего учреждения.

Никто — на языке страха, который испытывали все разом.

Есаир не хотел говорить.

После смерти Элана он трижды отказался от публичных выступлений. Говорил, что не имеет права превращать смерть ребёнка в повод для речи. Не хотел стоять перед камерами, пока у матери Элана перед глазами всё ещё была ладонь сына, прижатая к стеклу. Не хотел строить свой авторитет на чужой боли.
Марея нашла его в старом родовом зале.

Он сидел под портретом Асера Давиона, о котором писали, что во время давней лихорадки он ходил из дома в дом. Одни утверждали, что он исцелял. Другие — что он просто оставался с больными, когда все остальные уже боялись к ним притронуться.
— Люди должны знать, что им делать, — сказала Марея.

— Для этого есть врачи.

— Многие уже не верят врачам.

— Так я должен верить им за других?

— Ты должен сказать людям, чтобы они врачам поверили.

Есаир встал.

— Почему я?

— Потому что, когда политики говорят «оставайтесь дома», люди слышат приказ. Когда банкиры говорят «сохраняйте спокойствие», люди слышат, что кто-то спасает рынки. А если скажешь ты, может быть, они услышат человека.

— Я всю жизнь как раз этому и сопротивлялся.

— Чему?

— Тому, чтобы из меня делали кого-то, кем я не являюсь.

— Так скажи им, кто ты.

Есаир посмотрел на неё.

— И кто же я?

— Испуганный аурелианин, который не умеет спасать прикосновением.

Несмотря ни на что, он улыбнулся.

— Не очень ободряющее начало.

— Зато правда.

Для первого обращения Есаир выбрал совсем не зал заседаний.

Он стоял в саду дома Давионов.

Позади него не было ни флагов, ни государственных эмблем, ни родовых знаков. Лишь деревья, старые стены и долина, где всё больше домов закрывали ворота.

— Меня зовут Есаир Давион, — начал он. — Я аурелианин. И мне страшно.

За час эти слова облетели всю планету.

Не потому, что были возвышенны.

Потому, что их оказалось можно произнести.

Миллионам людей было страшно, а они целыми неделями слышали только голоса, притворявшиеся, будто страх — всего лишь техническая помеха при передаче сообщения. Есаир первым из известных им людей не пытался объяснить страх, устранить его или скрыть.

Он в нём признался.

— Я боюсь за тех, кто лежит в больницах. За семьи, которых разлучили. За детей, которые разглядывают собственные глаза и спрашивают, не вынесен ли им приговор

от рождения. И ещё я боюсь людей, которые от страха начинают видеть в соседе болезнь.

Он умолк.

— Мы не болезнь. И не знак. Мы люди.

Золотые кольца в его глазах были видны.

Он их не скрывал.

— Соблюдайте предписания медиков. Не ходите туда, куда нельзя. Берегите себя и других. Но не путайте защиту с унижением. Изолировать заболевшего бывает необходимо. Отвергать человека за то, кем он родился, — трусость.

Некоторые руководители здравоохранения опасались, что после слов Есаира дисциплина ослабеет.

Вышло иначе.

После его обращения больше аурелиан стали добровольно сообщать о симптомах.

Меньше людей бежали из закрытых районов.

Больше семей соглашались отправить заболевших в больницу: впервые им сказали, что согласиться на меры предосторожности ещё не значит признать вину.

В некоторых городах насилия стало меньше.

Не везде.

Ни один голос не в силах унять страх в каждом человеке.

Но на какое-то время страх переменил направление.

Есаир стал обращаться к людям регулярно.

Никогда не называл эти обращения речами.

Он разговаривал с людьми.

С матерью, потерявшей троих детей.

С врачом-вейраном, которого свои обвиняли в том, что он помогает аурелианам в ущерб остальным.

С работницей похоронной службы, селениткой, которая перестала считать имена — сил на это больше не было.

Со старым аурелианином, уверявшим, будто пандемия — кара за отступление от древних традиций.

— Значит, она карает и детей? — спросил его Есаир.

Старик не ответил.

— Если мы не умеем объяснить страдание, не превращая Бога в детоубийцу, может быть, лучше вовсе его не объяснять.

Слова Есаира люди стали сохранять, переписывать и передавать дальше.

Чем упорнее он отказывался быть мифом, тем вернее в него превращался.

По крайней мере в одном Ариен был прав.

Кризис укрепил нравственный авторитет Есаира.

Ошибся он в причине.

Люди шли за ним не из-за его рода.

Шли потому, что он говорил о страхе, не пытаясь им воспользоваться.

Вместе с его голосом распространялась и мысль, которую он однажды высказал в Нитре.

Ценность не должна ходить в тени.

Тогда это звучало отвлечённо.

Фраза с публичного форума, которую обсуждали экономисты, юристы и банкиры. Для большинства жителей Элариона она значила меньше, чем цена хлеба, плата за жильё или остаток на счёте.

Пандемия дала ей плоть.

В больницах заканчивались запасы.

Производственных мощностей Элариону хватало. Автоматизированные фабрики могли быстро нарастить выпуск. Заводы Таэрона могли работать без остановки, грузовые коридоры оставались открыты.

Трудность состояла в том, чтобы доставить товар туда, где он был нужен.

На стене кризисного центра шли местные новости. Беспилотные машины с дыхательными аппаратами стояли на границе. В больнице по ту сторону уже распределяли последние свободные аппараты.

— Оборудование изготовили вчера, — говорила репортёр. — Маршрут транспортной системе известен. Но расчётный узел отказывается подтверждать платёж.

Под кадром светилась причина: НЕ СОГЛАСОВАНО ПОКРЫТИЕ ВАЛЮТНОГО РИСКА.

Поставщик опасался, что после падения курса не выручит за материал и того, что сам заплатил. Государство отказывалось принять весь риск на себя. Обе системы мгновенно рассчитали суммы, но каждая ждала обязательства другой стороны.

— Когда машины поедут дальше? — спросила репортёр у главврача больницы.

— Когда кто-нибудь подпишется под разницей в цене, — ответила та. — Моя подпись годится только для приёмки аппаратов.

Сайра убавила звук. На карте кризисного центра она видела готовый товар, свободные коридоры и решение, которого не была уполномочена принять ни одна расчётная система. Быстрота машин ничего здесь не меняла.

Люди стали задавать вопросы.

Почему аппараты стоят на границе, когда в больнице по ту сторону уже нет свободных?

Кто платит за часы, потерянные в ожидании решения?

Под сообщениями о задержанных грузах, необъяснимых сборах и опустевших складах появлялись слова Есаира.

Ценность не должна ходить в тени.

Люди переиначивали их.

Если деньги не дают лекарству дойти до больного, мы должны видеть, где они застряли.

Возникали дискуссионные группы, гражданские инициативы, неформальные объединения медиков, программистов и экономистов. Одни требовали обнародовать все платежи из общественных средств. Другие предлагали открыть реестры конечных владельцев компаний. Третьи добивались, чтобы каждый гражданин видел, кто и когда просматривал его финансовые данные.

Нерай узнавала в этих предложениях собственные слова.

Теперь их передавали без её имени.

И без имени Есаира.

Они разошлись по рукам и зажили собственной жизнью.

Идея прозрачности набирала сторонников вовсе не потому, что жители Элариона вдруг сделались нравственнее.

Просто непрозрачность стала причинять боль.

К тому времени компания «Мост» существовала уже несколько лет.

До пандемии о ней мало кто слышал.

Её основала Лера Вайн вместе с двумя разработчиками платёжных систем, бывшим банковским аналитиком, специалистом по криптографической записи данных и юристкой, прежде работавшей над правилами трансграничных расчётов.

Изначально они не собирались создавать новую валюту.

Они хотели упростить платежи между государствами Элариона, а также между Эларионом и Таэроном.

Обычный трансграничный платёж проходил через несколько банков. Каждый знал лишь свой участок пути. Отправитель видел сумму, которую перечислял, и подчас даже не знал точно, сколько в итоге дойдёт до получателя.

Мост должен был стать посредником-переводчиком.

Человек ещё до подтверждения платежа должен был видеть его окончательную стоимость.

Видеть курс.

Комиссию.

Срок зачисления.

И сколько получит адресат.

Однако ещё до пандемии под влиянием общественных споров о прозрачности проект начал меняться.

Лера слушала выступление Есаира в Нитре. Позднее прочла аналитическую статью Нерай Саэл о том, что финансовая власть должна быть видима, но видим должен быть и каждый, кто за ней наблюдает.

Постепенно команда Моста переработала всю систему.

Каждый платёж должен был оставлять запись, которую невозможно стереть.

Это не означало, что всякую личную покупку выставят напоказ.

Так была бы уничтожена частная жизнь обычного человека.

Общедоступными предполагалось сделать правила системы, резервы компании, крупные потоки средств, связи собственников и операции такого масштаба, который даёт власть над обществом.
Частные платежи оставались частными.

Зато при каждом просмотре его данных пользователь видел, кто их открывал, на каком основании и когда.
Если банк задерживал платёж, он обязан был указать причину.

Если платёж помечала автоматизированная система, должно было быть известно правило, по которому она его выделила.

Если для кого-то делали исключение из правил раскрытия сведений, система записывала, кто разрешил его и на какой срок.

Ни одно правительство не должно было единолично распоряжаться всей сетью.

Протокол был открытым.

Записи проверяли несколько независимых узлов, которыми в разных государствах управляли банки, университеты, гражданские объединения и аудиторские учреждения.
У Моста был собственный наблюдательный совет, но ни переписать историю платежей задним числом, ни стереть запись о собственном решении он не мог.
Лера объясняла свой замысел просто:

— Мы не хотим создавать глаз, который всех видит, а сам остаётся невидимым.

Инвесторы отвечали ей, что людям нужна не философия.

Им нужно удобство.

Банки уверяли, что разглашение данных о резервах, комиссиях и связях собственников повредит коммерческой тайне.
Регуляторы предупреждали, что частная компания не вправе выдавать себя за финансовую инфраструктуру планеты.
Потому Мост долго оставался небольшим.

Им пользовались технологические компании, несколько торговцев на Таэроне и люди, которые регулярно переводили деньги из одного государства в другое.
Система работала, но причин для роста у неё не было.

Потом пришла пандемия.

Первыми новыми пользователями стали не правительства и не крупные больницы.

Ими были добровольцы.

Одно гражданское объединение собирало деньги на защитные фильтры для больниц в закрытых аурелианских районах. Пожертвования шли из семи стран в шести валютах.

Обычным порядком пришлось бы держать несколько счетов, не раз менять деньги и ждать подтверждений банков-посредников.

Через Мост все переводы поступали на единый баланс.

Система выражала его в эларах.

Поначалу элар не был самостоятельной валютой.

Это была единица расчёта сети Моста. В её основу легла открыто определённая корзина энергоресурсов, сырья и основных валют Элариона. Ни одно государство, ни один центральный банк не могли своим решением изменить её стоимость.

За каждым эларом стояли резервы, которые Мост держал в действующих валютах и краткосрочных ликвидных активах.

Состав резервов был открыт.

Любой мог проверить, соответствует ли количество эларов в обращении реальному обеспечению.

Доброволец видел сто эларов.

Жертвователь мог заплатить в местной валюте.

Производитель фильтров — получить деньги в своей валюте или оставить элары.

Для пользователя всё это был один платёж.

За ним по-прежнему стояло взаимодействие нескольких финансовых систем, но разбираться в их сложностях человеку у кассы уже не приходилось.

Первый сбор завершился через несколько часов.

Каждый жертвователь видел, сколько эларов поступило.

Видел общую сумму.

Видел заказ на фильтры.

Видел изготовителя, цену, комиссию и подтверждение доставки.

Имена больных и небольшие личные взносы других людей оставались скрыты.

Виден был путь общих денег.

Весть о сборе разошлась.

Другая организация через Мост закупила лекарства на Таэроне.

Затем группа врачей воспользовалась им, чтобы оплатить жильё для приезжих медиков.

Позднее — небольшая больница, у которой не было валюты, затребованной поставщиком.

Поначалу Мост приходил туда, где обычные системы давали сбой.

Не потому, что люди верили ему больше, чем банкам.

А потому, что он показывал то, чего банки не показывали.

Во сколько обойдётся платёж.

Каким путём он пройдёт.

Когда поступит.

Сколько получит адресат.

И кто его остановил, если он так и не дошёл.

Когда задержалась одна партия защитных костюмов, из открытой записи стало ясно: платёж задержал не продавец и не перевозчик. Его остановил банк-посредник, потребовавший дополнительного подтверждения происхождения денег.
Банк не мог утверждать, будто задержка произошла где-то ещё.

У решения были имя, время и причина.

В течение часа банк дополнил документацию.

Платёж прошёл дальше.

При другой закупке выяснилось, что поставщик поднял цену перед самым подтверждением заказа. Он сослался на изменение курса своей валюты.
Запись Моста показала, что курс почти не изменился.

Поставщик вернулся к прежней цене.

Не потому, что стал честнее.

А потому, что его объяснение можно было проверить.

Постепенно к сети стали подключаться более крупные организации.

Сначала благотворительные фонды.

Затем региональные сети больниц.

Потом производители, не желавшие вести счета в десятках валют.

Торговцу было удобно назначить единую цену в эларах и самому решить, получать элары или местную валюту.
Больнице — сравнивать цены поставщиков, не пересчитывая их всякий раз по курсу.
Для жертвователей было важно видеть, куда ушли общие деньги.

Больничных администраторов не слишком радовало, что все их решения остаются в записях.

Зато именно это укрепляло доверие остальных.

Некоторые государства попытались запретить Мост.

По их словам, частная компания не вправе создавать расчётную единицу, которая начинает соперничать с национальной валютой.
Но ввести запрет оказалось непросто.

Мост не требовал от государств отказываться от собственных валют.

Торговец по-прежнему мог получать деньги своей страны.

Налоги всё так же платили по местным законам.

Банки по-прежнему участвовали в расчётах.

Мост лишь позволял людям хранить и передавать стоимость в одной общей единице и открыто показывал, что с ней происходит.
Когда одно государство заблокировало Мост, больницы напомнили, что часть зарубежных закупок проходит через сеть.
Добровольческие организации опубликовали сравнение.

Обычный перевод шёл два дня, а по дороге терял четыре процента суммы.

Через Мост деньги доходили за несколько секунд, и все расходы были известны заранее.

Через три дня для медицинских платежей сделали временное исключение из запрета.

В других странах появились схожие исключения.

Их вводили не как денежную реформу.

Их принимали как антикризисные меры.

Одно исключение позволило больницам принимать элары.

Другое — страховщикам оплачивать через Мост медицинские услуги, оказанные за рубежом.

Третье разрешило общественным фондам публиковать в сети сведения о распределении помощи.

Никто не принимал решения сделать элар валютой всей планеты.

Разбирали всего лишь отдельные практические случаи.

Каждый из них убирал с пути одно препятствие.

Есаир впервые заговорил о Мосте, лишь когда им уже пользовались миллионы.

Он не хотел, чтобы его имя служило рекламой частной компании. И всё же видел: система воплощает многое из того, о чём он говорил в Нитре.

— Я не знаю, должна ли одна компания стать ответом на проблему целой планеты, — сказал он в своём обращении. — Всякой власти нужен противовес. Даже той, что называет себя прозрачной.

Потом посмотрел прямо в камеру.

— Но заметьте, почему люди пользуются Мостом. Не потому, что им нужен ещё один банк. А потому, что здесь видны цена, правила, комиссии и решения. Если кто-то останавливает их платёж, после него остаётся не одно молчание.

На миг он умолк.

— Пока мы здоровы, мы разрешаем ценности ходить в тени и зовём это удобством. А теперь, когда каждый аппарат означает возможность дышать, каждая поставка — выигранное время, мы хотим видеть, где ценность остановилась. Может быть, нам всегда следовало этого хотеть.

Пользователей у Моста снова стало больше.

И дело было уже не только в словах Есаира.

У системы были собственные доказательства.

Грузы, прибывшие раньше.

Сборы, в которых деньги не затерялись.

Больницы, которые могли вести закупки в одной расчётной единице.

Поставщики, которым не приходилось по нескольку дней ждать оплаты.

Когда Мостом стали пользоваться больничные столовые, к ним присоединились поставщики продовольствия.

За поставщиками элары стали принимать и их работники.

Когда медикам стали выплачивать в эларах часть надбавки за работу во время кризиса, они начали спрашивать, где ими можно расплатиться.
Первыми их стали принимать магазины у больниц.

Затем перевозчики.

Общежития.

Аптеки.

Мелкому торговцу больше не требовалось держать счёт в каждой валюте. Достаточно было подключиться к Мосту. Цену он мог указывать и в местной валюте, и в эларах, а выручку система автоматически зачисляла в тех деньгах, которые он выбирал сам.
Поначалу большинство торговцев сразу обменивали все поступавшие элары.

Позже стали оставлять себе часть.

Они знали, что смогут пустить их на следующую закупку за границей.

Так элар перестал просто проходить через систему.

Он начал обращаться внутри неё.

Люди по-прежнему могли держать сбережения в местной валюте.

Могли получать в ней зарплату.

Могли платить в ней налоги.

Но теперь перед поездкой в другую страну уже не требовалось менять деньги.

Они открывали Мост.

Видели тот же остаток на счёте.

Расплачивались эларами.

Торговец получал элары или свою местную валюту.

Так платили и в Нитре, и в Саруре, и под куполами Таэрона.

По закону элар ещё не был единой валютой Элариона.

Государства его не выпускали.

Центральные банки им не управляли.

Многие правительства по-прежнему называли его всего лишь расчётной единицей частной сети.

Но для человека у кассы различие постепенно теряло смысл.

У него была одна цена.

Один остаток на счёте.

Один платёж.

И, в отличие от прежних систем, здесь он мог увидеть, по каким правилам деньги переходят от него к другому человеку.

Мост рос ещё и потому, что не выдавал себя за совершенство.

Его основатели обнародовали структуру собственности компании.

Имена инвесторов.

Размер их долей.

Договоры с банками.

Состав резервов, обеспечивавших элар.

Вознаграждение членов правления.

И каждую поправку к правилам, по которым рассчитывались комиссии и стоимость резервной корзины.

Когда в сеть попытался войти фонд, конечный владелец которого был неизвестен, Мост ему отказал.

Фонд подал в суд иск о дискриминации.

Мост обнародовал основание для отказа.

Фонду отказали не потому, что он был богат.

Отказали потому, что нельзя было установить, кто через него обретает власть.

За этим спором следила вся планета.

Многие впервые на конкретном примере увидели разницу между правом на частную жизнь и тайной властью.

Обычный человек мог заплатить за лекарство, не открывая своего имени всему миру.

Но фонд, скупающий больницы, не мог спрятать владельца за четырнадцатью компаниями.

Так мысли Есаира и Нерай перестали быть просто словами на бумаге.

Они воплотились в системе.

Каждый просмотр оставлял след.

За каждой крупной финансовой силой стоял конечный владелец.

У каждого исключения был тот, кто его разрешил, и срок действия.

Мелкие личные платежи оставались частным делом.

Крупные потоки, от которых зависели чужие жизни, были видны.

Правила были открыты.

Распорядитель сети не мог контролировать других, оставаясь вне контроля сам.

Люди привыкали к этой открытости.

Сперва во всём, что касалось пандемии.

Потом — в покупках продовольствия.

В оплате энергии.

В перевозках.

В благотворительных сборах.

В торговле между Эларионом и Таэроном.

Постепенно они стали спрашивать, почему в старых банках не действуют такие же правила.

Почему государство может показать каждый их заработок, но не может показать конечного получателя денег по государственному заказу.

Почему Мост способен каждый день обнародовать свои резервы, а центральные банки оглашают некоторые решения лишь спустя месяцы.

Почему при платеже в эларах они видят всю комиссию заранее, а при обычном переводе часть расходов обнаруживает только получатель.

Прозрачность уже не была только нравственным требованием.

Люди узнали её на собственном опыте.

Каэл Торн следил за ростом Моста из кабинета, все окна которого были переведены в непрозрачный режим.

Веста пока в системе не появлялась.

Старые финансовые потоки оставались укрытыми в банках, фондах и государствах, защищавших тайну владельцев. Мост видел только ту ценность, которая проходила через его сеть.

Но люди привыкали к чему-то куда более опасному для Каэла, чем расследование.

К сравнению.

Стоило человеку однажды увидеть комиссию целиком, как он начинал спрашивать, почему в другом месте её не видно.

Стоило однажды узнать конечного владельца — и подозрение начинали внушать компании, которые его скрывали.

Стоило однажды расплатиться одной и той же денежной единицей в любом государстве — и человек задумывался, зачем ему тридцать валют.

Расследование можно было затормозить.

Комиссии — завалить работой.

Суды — занять возражениями.

Политиков — уговорить подождать.

Но отучить людей от того, к чему они привыкли, было не так легко.

Останься Мост всего лишь инструментом медиков и добровольцев, после пандемии он, возможно, исчез бы.

Но он уже вышел за эти пределы.

Им пользовались семьи.

Торговцы.

Производители.

Перевозчики.

Рабочие на Таэроне.

Люди, которые никогда не читали речи Есаира и не знали имени Нерай Саэл.

Они пользовались эларом не потому, что в нём воплотилась философия прозрачности.

А потому, что он работал.

И лишь потом понимали: он работал именно потому, что открыл многое из того, что скрывали прежние системы.

Каэл понял: Ариен не просто дал ход катастрофе.

Он создал условия, в которых мысль Есаира могла превратиться в привычный для всех инструмент.

Он показал людям цену тьмы.

И заставил их испробовать систему, которую в спокойные времена они отвергли бы как слишком смелую, слишком открытую или слишком опасную для прежнего порядка.

Иногда человек пытается уничтожить будущее и тем самым сметает всё, что до той поры мешало ему родиться.

30. Треть

Сначала считали заболевших.

Потом — койки.

Потом кислородные системы, запасы лекарств, свободные изоляторы и людей, у которых ещё оставались силы работать.

Наконец осталось считать мёртвых.

Пока их было мало, числа называли точные.

Семьсот сорок два.

Одиннадцать тысяч девятьсот восемь.

Два миллиона четыреста тысяч.

Каждое число ещё могло притворяться в сознании человека числом людей.

Потом пошли десятки миллионов.

Сотни миллионов.

И тела превратились в кривую.

Поднимается.

Опускается.

Ускоряет рост.

Смещается на север.

Достигла Васирии.

Накроет Таэрон.

Человеческий разум не в силах вынести миллиард отдельных смертей.

Для этого пришлось бы представить миллиард кроватей.

Миллиард последних вздохов.

Миллиард дверей, за которыми кто-то остался стоять и ждать того, кто уже не вернётся.

Миллиард недопитых чашек у постели.

Миллиард фраз, которые должны были продолжиться утром.

Потому разум превратил всё это в число.

А число — в линию.

Из Ауриолы пандемия разлилась по всем государствам Элариона.

Не всюду одинаково.

Регионы, где медицинским системам позволили обмениваться данными, выиграли несколько дней. Врачи знали, где ещё остались запасы. Видели результаты лечения в больницах на другом краю планеты. Алгоритмы сопоставляли миллионы историй болезни, не зная имён людей, которым они принадлежали.

Постепенно врачи поняли и то, почему одних вычислений недостаточно. У многих болезнь вызывала бурную защитную реакцию: она повреждала сосуды и вновь поражала органы, едва их работу удавалось стабилизировать. Порой между первым тревожным сигналом и необратимым нарушением кровообращения оставались считаные часы. Восстановительная терапия требовала стабильного состояния пациента и нескольких дней. Обмен данными позволил некоторым выиграть время. Вернуть уже потерянное он не мог никому.

Несколько государств закрыли свои данные.

Они говорили о суверенитете.

О защите граждан.

Об опасности того, что после пандемии чрезвычайная инфраструктура останется в руках Союза.

Некоторые опасения были справедливы.

Но болезни было всё равно, какими правовыми соображениями руководствовался человек, когда закрывал данные.

В этих странах она на несколько дней дольше продвигалась во тьме.

А несколько дней во времена Трети были целой эпохой.

На Таэроне первые случаи появились в куполах, куда грузы поступали с орбиты.

Управляющие немедленно перекрыли транспортные коридоры.

Но Таэрон был миром, существовавшим благодаря непрерывному согласию между человеком и машиной.

Куполам нужна была вода.

Биологическое сырьё.

Запасные части.

Энергоячейки.

Фильтры.

Химические смеси.

По каждому пути, который закрывали для болезни, приходило и что-нибудь необходимое для жизни.

На Эларионе деревня могла забыть о государстве и несколько дней прожить сама.

На Таэроне нельзя было забыть даже о насосе.

Поэтому там чрезвычайный элар приняли быстрее, чем на родной планете.

Каждая поставка оставляла открытую запись.

У каждого решения был автор.

У каждого отказа — причина.

Поначалу управляющие куполов протестовали. Говорили, что система раскрывает сведения о стратегических запасах.

А потом выяснилось, что один из управляющих перенаправил воду в частный жилой сектор, где жили его родные и люди, близкие к его совету.

Запись была видна всем.

Протесты поутихли.

Между тем на Эларионе начала рушиться не только сеть здравоохранения.

Распадался и прежний способ измерять стоимость.

Не в результате одного великого краха.

В тысячах мелких сбоев.

Валюты стран с большой долей аурелиан в населении стремительно дешевели. Рынки считали будущих мертвецов раньше больниц. Они ожидали сокращения производства и налоговых поступлений, дефицита бюджетов и роста расходов.

Из-за ослабления валюты дорожали зарубежные лекарства.

Из-за подорожания лекарств рос государственный долг.

Рост долга ослаблял валюту.

Чем больше людей умирало, тем больше денег требовалось, чтобы их спасти.

А чем больше денег требовалось, тем меньше они стоили.

Открытый слой чрезвычайных расчётов постепенно показывал, кто отказался принять поставку, кто изменил цену и кто мог выделить резерв на покрытие курсовой разницы. Люди видели, чем это решение обернулось для больницы, ожидавшей груз. Споры не исчезли, но за безымянной пометкой о состоянии платежа больше не прятались.

Открытость не могла произвести лекарство, которого никто ещё не открыл.

Не возвращала медиков.

Не наполняла кислородом пустой баллон.

Не делала людей существами, свободными от жадности, страха и эгоизма.

Но она отняла у людей, компаний и правительств одну фразу, за которой те веками укрывались.

Мы не знали.

Через месяц эларами стали расплачиваться уже не только за медицинское оборудование.

Сначала ими оплачивали энергию для больниц.

Потом продовольствие для закрытых районов.

Затем перевозку работников.

Потом биологическое сырьё.

Валютные советы протестовали.

Дарен Волтр выступил на совместном собрании.

Он был бледнее, чем несколько недель назад. В его семье уже тоже были свои мёртвые.

— Мы превращаем экстренное средство расчёта в валюту, — сказал он. — Без центрального банка. Без мандата. Без соглашения о стабильности регионов. И делаем это посреди всеобщего страха, когда люди согласятся почти на что угодно, лишь бы слышать слово «спасение».

Нерай сидела напротив.

— Потому и открыто каждое правило.

Волтр покачал головой.

— Открытость не даёт законной силы.

— Нет, — ответила она. — Но если мы не видим, кто меняет правила, как нам хоть судить об их законности?

— Единая мера стоимости может погубить более слабые регионы.

Нерай открыла три записи.

Три поставки.

Три платежа, застрявших при пересчёте валют.

— Разнобой в мерах стоимости губит их уже сегодня.

— Это риторика.

Она вывела данные на общий экран.

— Это счета.

Волтр долго смотрел на них.

Его возражения не исчезли.

Да и не должны были.

Нерай понимала: мир, где перед верным доводом исчезает всякое сопротивление, был бы так же опасен, как и тот, который она хотела изменить.

— Кто будет управлять эларом после пандемии? — спросил Волтр.

Нерай немного помолчала.

— Может быть, никто.

— «Никто» — такого не бывает.

Эти слова заставили её осечься.

Он был прав.

За каждой системой стоял человек.

Или группа людей.

Или правило, которое когда-то кто-то написал.

— Значит, нужно устроить его так, — сказала она, — чтобы ни один человек не мог им завладеть.

Сайра открыла проект.

Узлы распределены между государствами.

Расчёт стоимости общедоступен.

Полная история изменений.

Никакой тайной корректировки курса.

Каждый случай доступа можно отследить.

Полномочия разделены.

Решения валютных советов под общественным контролем.

Чрезвычайная модель.

Несовершенная.

Рождающаяся среди мёртвых.

И всё же в её основе проступало то, чего Эларион ещё не знал.

Ценность, которой не нужно было двигаться во тьме.

И власть, которая начинала привыкать к неприятному ощущению, что её кто-то видит.

Есаир тем временем по-прежнему обращался к людям.

Марея заметила, как он устал, раньше, чем он сам в этом признался.

После одной из передач он так и остался стоять перед погасшим экраном.

Не шевелясь.

— Есаир?

Он повернулся к ней, словно вернувшись издалека.

— Что такое?

— Это я у тебя спрашиваю.

— Просто устал.

— Тебе нужно отдыхать.

— Я отдыхаю.

— Когда?

Он улыбнулся.

— В перерывах между катастрофами.

Марея не улыбнулась.

На улице шёл дождь.

Капли стекали по высоким окнам дома Давионов, и огни долины преломлялись в них, вытягиваясь в длинные тонкие струйки.

— Поедем со мной в Нитру.

Есаир посмотрел в окно.

— А люди здесь?

— У них будет связь.

— У Элана тоже была связь.

Марея замолчала.

Есаир тут же опустил глаза.

— Прости.

— Не надо.

— Мне не следовало этого говорить.

— Но ты ведь так думаешь.

Он кивнул.

— Есть разница между человеком и его изображением.

— А если быть рядом для тебя значит погибнуть?

На этот раз ответ дался ему не сразу.

— Тогда, может быть, я ошибся в выборе.

Марея пристально посмотрела на него.

— Только тогда ты уже никому этого не скажешь.

Она подошла к нему.

— Я не прошу тебя перестать помогать людям. Прошу только об одном: не думай, будто любить людей — значит быть обязанным за них умереть.

Есаир молчал.

— Так чего же ты от меня хочешь?

— Чтобы ты остался.

— Где?

Марея посмотрела ему в глаза.

— Со мной.

В этот миг мир стал меньше.

Без политических советов.

Без родов.

Без пандемии.

Без планеты, которая ждала новых слов от человека, мало-помалу присваивая его себе как символ.

Была только женщина, которая однажды уже ушла от мужчины, сумевшего превратить любовь в право владеть.

И теперь не хотела потерять другого из-за того, что он превратил любовь в долг перед всеми.

Есаир положил руку ей на запястье.

— Я здесь.

Марея обхватила её тремя пальцами.

На миг оба замерли в молчании.

Жест вышел естественным.

Даже слишком естественным.

Есаира пронзила странная боль.

Ни образа.

Ни слова.

Лишь чувство чего-то, что должно было храниться в его памяти, но чего там не было.

Три пальца.

Иной свет.

Пыль.

Женская рука.

И тоска по кому-то, кого он в этой жизни никогда не терял.

Марея отпустила его.

— Что случилось?

— Не знаю.

На этот раз это была правда.

Он вспомнил то, чего ещё не переживал.

В тот вечер в кризисном центре появился новый прогноз.

Поначалу Сайра отказалась его обнародовать.

Данные были неполны.

Некоторые государства всё ещё сообщали о заболевших с опозданием. Из тех мест, где здравоохранение развалилось, надёжных сведений почти не поступало.

Модель пересчитали.

И ещё раз.

Меняли исходные данные.

Предполагаемую смертность.

Вместимость больниц.

Темпы разработки лечения.

Все пути подводили к одному и тому же числу.

Нерай смотрела на него.

33,1 %.

— Кто это уже видел?

— Наши аналитики.

— А политическое руководство?

Сайра помедлила.

— Им дали более широкий диапазон.

— Почему?

— Слишком велика неопределённость.

— Может оказаться меньше?

— Да.

— А больше?

Сайра не ответила.

На экране светился итог расчёта.

В общей сложности около трёх миллиардов жертв.

Почти вся аурелианская ветвь.

Сотни миллионов людей из других ветвей.

— Мы должны это обнародовать, — сказала Нерай.

— Произнесём «треть» — вызовем панику.

— А если не произнесём, государства будут готовиться к потере десятой части.

— Это прогноз.

— Так и скажем, что прогноз.

Впервые это слово появилось во внутреннем документе.

Треть.

В ту же ночь документ просочился наружу.

Кому он попал в руки, так никогда и не выяснили.

К утру слово уже знала вся планета.

Нерай узнала об утечке из заголовка в ночном эфире: ТРЕТЬ НАСЕЛЕНИЯ МОЖЕТ ПОГИБНУТЬ. Ведущая показала весь диапазон возможных значений, а не только самую высокую кривую. «Это прогноз общего числа жертв, — повторила она. — Он не означает, что эти люди уже умерли».

В следующем кадре губернатор одного из государств призывал сохранять спокойствие. Врач из Ауриолы ответила ему, что для спокойствия нужны ещё и запасы, и открытые данные. Под изображением появлялись сообщения тех, кто разыскивал близких.

Нерай не отходила от экрана, пока ведущая не перешла к другой теме. Вот так внутренний расчёт превратился во фразу, которую семьям придётся произносить за ужином.

Слово звучало вовсе не как название болезни.

Это было имя будущего.

Если придёт Треть.

До Трети.

После Трети.

Будто уже существовала граница, по одну сторону которой останутся те, чья жизнь пойдёт дальше, а по другую — те, от кого останется одно лишь прошедшее время.

В некоторых городах вспыхнули беспорядки.

Люди взламывали склады.

Снимали деньги со счетов.

Бежали из городов, хотя не знали куда.

В других местах выстраивались очереди из добровольцев.

Старики отдавали кислородные аппараты тем, кто моложе.

Хозяева гостиниц открывали номера для медиков.

Созванивались родные, которые годами друг с другом не разговаривали.

Одни закрывали двери.

Другие впервые их открывали.

Катастрофа не обнажает единственного истинного лица человека.

Она открывает множество лиц, которые до той поры могли в нём мирно дремать.

К концу второго месяца число умерших превысило миллиард.

К концу третьего — два.

Аурелианские города пустели.

В родовых домах, переживших войны, пожары и гибель государств, не оставалось наследников.

В одной семье умерли все мужчины.

Архив вёл их родословную больше тысячи лет.

Сотрудница внесла сведения о последнем.

Система автоматически заполнила поле статуса:

Род угас.

Женщина смотрела на эти два слова.

Целыми неделями она обрабатывала сообщения о миллионах смертей.

И не плакала.

А над одной графой заплакала.

Есаир в последний раз обратился к планете в тот день, когда у него началась лихорадка.

Марея стояла за кадром.

Ещё перед эфиром он показался ей бледным.

Есаир посмотрел в камеру.

— Когда умерших становится всё больше, мы начинаем уменьшать их внутри себя. Это защита. Иначе мы бы не выдержали.

Он умолк.

— Но человек не становится меньше оттого, что оказался одним из миллиарда.

На мгновение он опёрся о стол.

Марея шагнула вперёд.

Есаир взглядом дал ей понять, что с ним всё в порядке.

— Каждый умерший был центром чьего-то маленького мира. У него было имя. Было место, куда он возвращался. Был свой особенный смех. Кто-то знал его по шагам. Кто-то помнил, что он всегда оставлял на тарелке. Кто-то ждал его голоса.

У экранов притихли миллионы.

— Мы построили цивилизацию, способную возвести второй мир. Мы переносили реки. Под чужим небом мы вырастили леса. Мы научили машины распознавать болезнь раньше врачей.

Он вдохнул.

Это было больно.

— И не сумели разглядеть умысел, проходивший через наши собственные счета.

Услышав это, Нерай подняла голову.

— Однажды мы спросим, кто это сделал. Мы обязаны задать этот вопрос.

Есаир помолчал.

— Но если ответом останется лишь имя одного человека, значит, мы ничего не поняли. Человек может принести ненависть. Может принести замысел. Может принести зло.

Он посмотрел прямо в камеру.

— Но путь ему даёт цивилизация. Или не даёт.

Нерай запомнила эту фразу.

Через год она произнесёт её перед Конвентом.

В тот миг она ещё не догадывалась, что слышит одни из последних слов брата, обращённых к людям.

Едва кончилась передача, Марея подошла к нему.

— Ты весь горишь.

— Здесь жарко.

— Нет.

Она положила ладонь ему на лоб.

Есаир закрыл глаза.

— Давно?

— С утра.

Марея не верила своим ушам.

— И ты ничего не сказал?

— Я думал, это усталость.

Она открыла медицинский канал.

Есаир взял её за руку.

— Подожди.

— Чего ждать?

— Один миг.

— Есаир, у нас и мига уже нет.

Впервые в её голосе слышался страх.

Не страх за Эларион.

Страх женщины за одного-единственного человека.

Есаир открыл глаза.

Золотое кольцо стало ярче.

Марея его увидела.

И по его взгляду поняла: он тоже его видел.

— Нерай, — сказала она в микрофон. — Нам нужен изолятор в доме Давионов.

На том конце воцарилась тишина.

— Есаир?

Марея не ответила.

Незачем было.

— Я еду.

— Нет, — подал голос Есаир.

Нерай его услышала.

— Только посмей сказать мне «нет».

— Может быть, тебе ничего не грозит.

— Моя мать была аурелианкой.

— Вот потому-то мы ничего и не знаем.

— Я приеду.

— Нерай.

Голос его стал слабее.

— Оставайся там, где ты ещё можешь что-то сделать.

— Ты мой брат.

Есаир на миг улыбнулся.

— Именно поэтому.

Нерай отключилась.

Она уже бежала.

Марея помогла Есаиру добраться до изоляционного отсека дома.

— Ты останешься снаружи, — сказал он.

— Нет.

— Марея.

Ей хватило одного взгляда.

Есаир понял, что спорить бесполезно.

— Ты не уйдёшь один, — сказала она.

Есаир вздрогнул.

На этот раз не от лихорадки.

Эта фраза.

Он её знал.

Словно она дошла до него издалека.

Через место, где он никогда не бывал.

Через жизнь, которой никогда не жил.

Двери изолятора закрылись.

Между ними осталось стекло.

Марея приложила к прозрачной стене три пальца.

Есаир поднял ладонь.

Прежде чем он успел прикоснуться к стеклу с другой стороны, Марея почувствовала холод.

Потом слабость.

Она привалилась к стене.

— Марея?

Она покачала головой.

Хотела сказать, что это пустяки.

Но вместо этого у неё подкосились ноги.

Медицинская система зарегистрировала повышенную температуру у второго человека.

Через несколько минут Марея уже лежала в соседнем изоляторе.

Двери между ними запрещалось открывать.

Две кровати.

Два золотых кольца.

Одна прозрачная стена.

Тридцать семь минут спустя Нерай добралась до кордона у въезда в Ауриолу.

Система отказала ей во входе.

Она предъявляла свои полномочия.

Звонила людям, чьи имена в иное время открывали в Слое любые двери.

Ничего не помогало.

Перед ней стоял карантинный барьер.

За ним умирал её брат.

Над дорогой светилось число умерших.

2 999 999 997.

Число изменилось.

2 999 999 998.

Нерай смотрела на экран, затаив дыхание.

2 999 999 999.

Потом:

3 000 000 000.

В ту же секунду по всей планете обновилась одна общая цифра.

Треть Элариона была мертва.

С Нерай связались из дома Давионов.

На экране она увидела Есаира.

Марею.

И стекло между ними.

У катастрофы появилось имя.

Треть пришла.

Только дело её ещё не было закончено.

31. За стеклом

Есаир умер на четвёртый день.

Медицинская система с точностью зафиксировала мгновение его смерти.

Время.

Пульс.

Насыщение крови кислородом.

Температуру.

Последний электрический импульс сердца.

Она зафиксировала всё, что поддавалось измерению.

А главного — не смогла.

Микрофоны в изоляторах не были включены постоянно. Таково было давнее правило, оберегавшее достоинство больных. Врач мог выйти на связь. Система могла сообщить об изменениях жизненных показателей. Но никто не имел права превращать последние часы человека в общедоступную запись.

Поэтому никто не узнал, что Есаир сказал Марее.

Впоследствии Нерай много раз пересматривала запись.

Без звука.

Есаир уже не мог стоять.

И сидеть тоже.

Он лежал на полу у стекла.

С другой стороны лежала Марея.

Между их лицами оставалось несколько сантиметров и вещество, способное остановить вирус, прикосновение, последнее объятие.

Есаир шевельнул рукой.

На большее сил не было.

Он положил ладонь на пол.

Марея подняла три пальца.

Губы Есаира шевельнулись.

Одна короткая фраза.

Может, два слова.

Никто их не услышал.

А Марея услышала.

И улыбнулась.

Позднее её улыбку истолковывали по-разному.

Как принятие смерти.

Как примирение.

Как последнее проявление любви.

Но Нерай всегда видела в ней нечто более странное.

Марея улыбалась не так, как улыбается женщина на прощание.

На одно мгновение она стала похожа на женщину, которая узнала кого-то после немыслимо долгой разлуки.

Словно за лицом Есаира проступило другое.

Словно за стеклом на миг оказался не изолятор, а далёкий сад.

Иное небо.

Иная жизнь.

Воспоминание, которое ещё не успело стать воспоминанием.

Есаир закрыл глаза.

Ладонь его осталась возле стекла.

Марея смотрела на неё.

Семь часов.

Потом её дыхание стало короче.

Вдох.

Тишина.

Вдох.

Тишина подольше.

И наконец одна только тишина.

Через семь часов после Есаира остановилось и её сердце.

Нерай сидела в транспортном модуле у кордона перед Ауриолой.

В нескольких километрах от них.

Рядом сидела Сайра.

Она не прикасалась к Нерай.

Не говорила, что ей жаль.

Некоторые слова малы до оскорбительности.

На связь вышел сотрудник службы здравоохранения.

— Нужно решить, что делать с останками.

Нерай посмотрела на него.

Он опустил глаза.

— Простите. Я знаю, что...

— Не знаете.

Тишина.

— Какие есть возможности?

— Санитарный протокол рекомендует немедленное уничтожение на месте. Родовые советы просят сохранить биологические образцы. Общественность просит провести обряд прощания.

— Общественность?

— Известие просочилось в сеть.

Нерай открыла сеть.

Есаир Давион умер.

Позднее появилось ещё одно сообщение.

Марея Лиорен умерла.

Нерай включила звук новостного канала. Ведущий уже просил родовые советы прокомментировать смерть Есаира. Смерть Мареи редакции ещё никто из её близких не подтвердил. Вышедшая на связь медработница отказалась обсуждать их медицинские данные.

«Семье ещё не дали времени решить, что она хочет сказать», — добавила она. Нерай знала, что ответил бы её брат на вопрос о праве на частную жизнь. И предоставила каналу говорить без неё.

Потом — фотографии.

Есаир на форуме в Нитре.

Есаир среди больных.

Есаир во время последнего обращения.

Марея в архивах.

Марея в саду.

Марея тремя пальцами держит Есаира за запястье.

Их тела ещё не остыли, а мир уже начинал сочинять из них историю.

Их называли мучениками.

Последними аурелианами прежнего мира.

Доказательством.

Знамением.

Другие обращали их смерть против всего, что когда-либо говорил Есаир.

Если у него был дар, почему он не спас себя?

Если он был особенным, почему не спас Марею?

Почему не спас три миллиарда человек?

Нерай выключила экран.

— Сожжём их там.

Служащий кивнул.

— А образцы?

— Только то, что нужно для исследований.

— Родовые советы просят...

— Никаких реликвий.

Она говорила тихо.

— Никто не станет владельцем их тел.

Помолчав, служащий кивнул.

— А обряд?

Сквозь лобовое стекло модуля Нерай посмотрела в сторону дома Давионов, хотя отсюда его не было видно.

— Позже.

Но это «позже» ещё долго не наступало.

Люди по-прежнему умирали.

Окна больниц по-прежнему светились ночи напролёт.

Транспортные модули по-прежнему возили тела туда, где их уже никто не ждал.

Пандемия унесла больше трёх миллиардов ста миллионов жизней.

Только тогда кривая пошла на спад.

Единого чудодейственного лекарства не появилось.

Пришли десятки малых побед.

Научились лучше сдерживать чрезмерную реакцию организма.

Точнее распознавать критические часы.

Нашли новые сочетания веществ.

Построили модели для прогнозов.

Нащупали способы защитить самых уязвимых.

Каждый из этих успехов спас кого-то.

А все вместе они остановили смерть.

Когда число новых случаев впервые сократилось вдвое, никто не праздновал.

Когда от прежнего числа осталась десятая часть, на площадях не откупоривали бутылок.

Когда последняя крупная больница объявила, что в ней снова есть свободные койки, её директор заперлась у себя в кабинете и целый час плакала.
Эларион выжил.

Так писали в новостях.

Но у планеты нет сердца, чтобы можно было нащупать его пульс.

Выжить предстояло людям.

А примерно каждого третьего уже не было.

32. Те, кто приходит

Бывает смерть, с которой кончается жизнь.

А бывает смерть, с которой кончается лишь имя.

Есаир умер, когда Эларион ещё не подозревал, сколько всего останется после него.

Его тело было одним из миллиардов тел, которые без спроса забрала Треть.

Его голос смолк в залах, где люди спорили о правде, ценности и власти.

Его руки уже никого не обняли.

Глаза его больше не открылись навстречу утру.

Для Элариона он был мёртв.

И это была правда.

Только не вся.

Вселенная старше имён.

Старше границ.

Старше народов.

Старше планет, в юности убеждённых, что их история — средоточие всего сущего.
Миров было много.

Одни обращались вокруг голубых звёзд.

Другие жили в красном свете старых солнц.

На одних жизнь таилась под многокилометровой толщей океана, и целые цивилизации никогда не видели звёзд.
На других выросли такие высокие города, что верхним этажам было знакомо иное небо, чем улицам у их подножия.

Некоторые цивилизации так и не придумали денег.

Другие пожертвовали им почти всем.

И всё же каждая однажды подходила к рубежу, через который нельзя перебраться, построив машину ещё больше прежней.

Или корабль быстрее.

Или найдя новый источник энергии.

Или собрав ещё одну библиотеку знаний.

Ведь не все беды рождаются от недостатка разума.

Некоторые рождаются оттого, что разум ещё не понял чего-то о самом себе.

И тогда случалось, что кто-то рождался на свет.

Почти никогда — королём.

Это мог быть ребёнок ремесленника.

Дочь учителя.

Сын женщины, чьего имени история не сохранила.

Иногда он приходил к бедным.

Иногда — к учёным.

Один говорил на площадях.

Другой годами почти безмолвствовал и оставлял после себя лишь несколько фраз.

Слова одного меняли мир ещё при его жизни.

Словам другого нужны были столетия.

Имена менялись.

Лица менялись.

Языки менялись.

Звёзды над головами тоже.

Задача оставалась схожей.

Продвинуть мир на один шаг.

Не к самой цели.

Просто дальше.

Ни один человек не мог спасти целую планету.

Если бы один человек мог спасти мир без участия в этом выборе всех остальных, тот мир не был бы миром свободных существ.

Они могли лишь указать путь.

Высказать мысль, которую уже не удастся забыть до конца.

Открыть дверь.

А другим оставить решение — переступить порог или нет.

В одном мире предстояло впервые сказать, что чужая слабость не даёт сильному права владеть слабым.
В другом — что у знания нет хозяина.

Где-то целые народы истребляли друг друга из-за того, что по-разному представляли богов, и кто-то принёс им мысль: бог, которому необходима людская ненависть, может оказаться всего лишь людской ненавистью, облачённой в священные слова.
Где-то людям надо было научиться прощать.

Где-то — сомневаться.

А в иных мирах наступал час, когда следовало сказать: власть, скрытая от глаз, рано или поздно начнёт служить самой себе.
Таким миром был Эларион.

Есаир не принёс чертежа совершенного мира.

Он произнёс несколько фраз именно в ту пору, когда Эларион уже мог начать к ним прислушиваться.

О том, что ценность не должна ходить в тени.

Что власть должна выдерживать взгляд тех, над кем она стоит.

Что у собственности есть и другой след — ответственность.

Что богатство человека нельзя до конца отделить от мира, в котором оно стало возможным.

Это были не заповеди.

Это были семена.

А семенам не нужно, чтобы человек, посадивший их, сам сидел однажды под деревом.

И всё же Есаир не хотел умирать.

Треть не была ценой, которую Вселенная потребовала за его весть.

И смерть Мареи не была частью некоего совершенного уравнения.

Он хотел жить.

Хотел состариться рядом с ней.

Может быть, однажды проснуться в доме Давионов и впервые не найти за дверью никого, кому нужен был бы от него ответ.

Может быть, поспорить о каком-нибудь пустяке.

Может быть, через несколько часов о нём забыть.

Может быть, сидеть у сада, пока руки их не состарятся.

Всего этого его лишили.

Мысль не требовала его смерти.

Но когда он умер, она осталась в чужих руках.

А вместе с ней — вопрос.

Любили ли они человека?

Или поняли и то, что он пытался сказать?

Если всё держалось на том, что Есаир рядом, всё и могло умереть у стекла вместе с ним.

Но если хоть что-то из его слов перешло в других людей, для жизни этих слов уже не требовалось его дыхание.

В тридцати световых годах оттуда вокруг своей звезды обращалась маленькая голубая планета.

Её собственная история была моложе.

Её люди ещё не знали Элариона.

Ничего не знали о Мосте.

Об Ауриоле.

О Нерай.

О мужчине, опустившем ладонь на пол у прозрачного стекла.

Там однажды предстояло родиться другому человеку.

Его назовут Иисусом.

Он будет ходить по пыльным дорогам между деревнями, которые из глубины Вселенной едва ли удалось бы разглядеть.

Будет делить трапезу с рыбаками.

Прикасаться к больным.

Говорить с теми, от кого другие отворачивали лица.

Ему предстоит встречаться и с власть имущими, и с теми, у кого нет почти ничего.

Без войска.

Без должности.

Без государственной печати.

С руками, которыми можно преломить хлеб.

И всё же после него останется нечто, что переживёт империи.

Что человек перед тобой имеет ценность, даже если ему нечего тебе предложить.

Что милосердие может быть выше слепого исполнения закона.

Что величие может заключаться в служении.

Что враг не обязательно останется врагом навсегда.

Потом люди столетиями будут спорить, кем он был.

Воздвигнут ему храмы.

Будут писать его лик.

Каждый народ придаст ему немного собственных черт.

Одни увидят в нём Бога.

Другие — пророка.

Третьи — учителя.

А будут и такие, кто во имя его поступит прямо противоположно тому, чему он учил.

Ведь великие мысли идут сквозь историю не по прямой дороге.

Одно поколение даёт им голос.

Следующее подгоняет под свои нужды.

Ещё одно открывает их заново.

И через столетия то, что когда-то звучало как опасная мечта одного человека, может стать для миллионов чем-то само собой разумеющимся.

Так движутся миры.

По ступеням.

И между некоторыми ступенями появляются те, кого позже назовут пророками.

Спасителями.

Мудрецами.

Реформаторами.

Еретиками.

Безумцами.

Вселенной не требовалось для них общего имени.

Они были словно посланцы, не несущие письма.

Они сами были письмом.

Но чтобы стать частью мира, в который пришли, им пришлось на время забыть.

Знай они всё — их жизнь не была бы человеческой.

Они бы лишь пришли погостить.

Потому они чувствовали боль.

Голод.

Страх.

Одиночество.

Желание.

Гнев.

Любовь.

Сомнение.

Они могли потерпеть неудачу.

Могли сказать что-то, о чём потом сожалели.

Могли жаждать остаться в живых.

Ведь никому не дано обратиться к обитателям какого-либо мира изнутри их собственного опыта, если хотя бы на время не стать одним из них.

А когда кончалась их жизнь, тело оставалось планете.

Имя — истории.

Слова — людям.

То, что скрывалось глубже, продолжало путь.

Время между такими жизнями не измерялось календарём.

Никакое тело не ждало следующего утра.

Никакое сердце не отсчитывало удары.

На одной планете могли пройти тысячелетия, прежде чем на другой наступал миг, в который можно было войти.

А тем временем где-то далеко рождалась цивилизация.

Открывала огонь.

Потом — письменность.

Делила землю.

Создавала законы.

Строила храмы.

Изготавливала оружие.

Изобретала деньги.

И, прожив достаточно долго, начинала верить, будто мир можно устроить только так, как устроила его она.

Пока не приближалась к собственному пределу.

Тогда путь мог начаться заново.

Другая звезда.

Другая планета.

Другое тело.

Другое имя.

И задача тоже могла быть другой.

Миру, тонущему в мести, нужно было услышать о прощении.

Миру, принимавшему послушание за добро, нужно было сомнение.

Цивилизации, раздавленной произволом власти, нужна была защита личности.

А миру, где каждый успел забыть, что выживает лишь благодаря другим, однажды могло понадобиться напоминание о долге перед целым.

Слова менялись.

Но в направлении было нечто общее.

От страха — к пониманию.

От насилия — к сотрудничеству.

От тайной власти — к ответственности.

От иллюзии обособленности — к сознанию того, что ничто живое не возникает само по себе.

Есаир был одним из них.

Быть может, когда-то он носил другое имя.

Быть может, стоял под небом планеты, которой давно уже нет, и говорил с существами, чьих лиц ни эларионец, ни землянин не признал бы за лица.
Быть может, там он произнёс совсем иную фразу.

Другую часть того же пути.

А может, его путь на маленькой голубой планете ещё только должен был начаться.

В ином теле.

Под именем, которое порой уже мелькало в его сознании, хотя он его не понимал.

Душе не нужна подпись.

Подпись нужна истории.

И, может быть, некоторые души странствуют из мира в мир не в одиночку.

Близость порой переживает даже утрату имени.

Сперва возвращается лишь странным доверием к незнакомому человеку.

Печалью, за которой не стоит воспоминания.

Движением руки, которое опережает мысль.

Тремя пальцами на запястье.

Фразой, сказанной прежде, чем человек поймёт, почему её произнёс.

Не уходи один.

Последняя улыбка Мареи так и осталась для Нерай вопросом.

По записи нельзя было разобрать, что сказал Есаир.

Нельзя было узнать и того, что Марея увидела в последнее мгновение.

Остался только образ женщины, которая, глядя на умирающего мужчину, улыбнулась так, словно вспомнила его после немыслимо долгой разлуки.
Когда сердце Есаира перестало биться, звёзды не переменили своих путей.

Небо не разверзлось.

На Эларионе не явилось знамения.

Планета продолжала свой бег.

Города считали своих мёртвых.

В домах у окон стояла посуда.

На вешалках — одежда.

Недочитанные книги.

Кровати, с которых утром уже никто не вставал.

И всё же что-то пришло в движение.

В людях.

Слова Есаира стали расходиться по миру без него.

Одни их исказили.

Другие упростили.

Третьи выбрали из них лишь то, что было им удобно.

Иные разглядели в них следствия, которые сам Есаир не успел продумать.

Такова участь всякой мысли, пережившей своего автора.

Она перестаёт ему принадлежать.

В его кабинете остались бумаги.

Среди них — проект доли живых.

Заметки на полях.

Вопросы без ответов.

Пустые места.

Миру предстояло научиться продолжать разговор с человеком, чьё кресло осталось пустым.

А где-то очень далеко вокруг звезды, которой никогда не видел ни один эларионец, обращалась ещё одна планета.
Её океаны отливали тёмным металлом.

По ночам над ними странствовали три луны.

На суше только вырастали первые города.

Их жители открыли письменность.

Начали торговать.

Начали делить землю.

Понемногу они разделялись на тех, кто владеет, и тех, кто подчиняется.

Впереди у них были тысячи лет.

Их час ещё не настал.

Вселенная не спешила.

Но однажды среди них родится ребёнок.

Ему дадут имя, которое никогда не прозвучит на Эларионе.

И на Земле тоже.

Он будет смеяться.

Будет плакать.

Будет ошибаться.

Может быть, влюбится.

Может быть, будет бояться смерти.

А однажды скажет фразу, после которой его мир уже не сможет остаться в точности таким, как прежде.

Там никто не будет знать Есаира.

Никто не будет знать Иисуса.

И в этом не будет нужды.

Великие души странствуют по Вселенной не ради того, чтобы спасти своё имя.

Имена принадлежат мирам.

С собой они несут только направление пути.

И когда там, где они были, их дело подходит к концу, они уходят не вверх.

И не прочь.

Просто дальше.

Часть IV. Эларион без Трети

33. Руки, которых не хватало

Когда кривая наконец перестала расти, с орбиты Эларион выглядел почти как прежде.

Моря оставались на своих местах.

Материки не сдвинулись.

По ночам светились города.

Транспортные коридоры по-прежнему сплетались над планетой в тонкие светящиеся жилки.

Таэрон всё так же шёл по своей орбите.

Издалека можно было и не догадаться, что на планете случилась катастрофа.

Надо было подойти ближе.

К одному столу.

К одной постели.

К одному рабочему месту.

Потому что не хватало примерно каждого третьего.

Сначала их не хватало дома.

Пустая половина постели.

Чашка, из которой не допили.

Одежда там, откуда её уже никто не заберёт.

Сообщение с пометкой «Не доставлено».

Детские игрушки. Ещё несколько дней родители не находили в себе сил сказать детям, что укладывать их спать больше никто не придёт.

Потом умерших стало не хватать и миру.

В одной из больниц Северной Амении умерли двое из трёх специалистов, отвечавших за подачу кислорода.

Сама сеть работала.

Умела вырабатывать кислород.

Очищать его.

Подавать по трубам.

Предсказывать расход.

Но сколько-нибудь существенное изменение мощности по закону требовало подтверждения двух специалистов с лицензией.
Один был мёртв.

Другой лежал без сознания.

Третий работал сорок часов без сна.

Он ошибся.

В Саруре продовольствия на складах оставалось на несколько месяцев.

Автономные машины стояли рядами.

Они знали дорогу.

Умели учитывать перекрытые участки.

Могли найти объезд.

Но менять пункт доставки без разрешения человека им запрещалось.

Человек, которому предстояло согласовать замену, умер.

И машины, готовые накормить город, ждали подписи того, у кого уже не было руки.

В одном из куполов Таэрона умерла женщина, единственная, кто до тонкостей знал, как когда-то переделали систему очистки и повторного использования воды.
Документация сохранилась.

Но была неполной.

Искусственный интеллект, обслуживавший систему, знал, что три клапана ведут себя иначе, чем предусмотрено проектом.

Почему — не знал.

А женщина знала.

Много лет она говорила себе, что однажды всё запишет.

А до тех пор всякий раз объясняла коллеге на словах.

Коллега умер на неделю раньше неё.

Треть отняла у Элариона не одни только тела.

С ней ушла огромная часть памяти, которую никогда не вверяли машинам.

Память рук.

Память привычек.

Память человека, который приходил утром на работу и, не задумываясь, делал три мелочи, потому что двадцать лет знал: не сделай их — к вечеру что-нибудь сломается.
Поначалу живые пытались заменить мёртвых.

Врачи помогали на складах.

Учителя развозили продукты.

Чиновники мыли медицинские модули.

Учёные помогали похоронным службам.

Инженеры спали у энергетических узлов.

Целые города жили в режиме, который прежде назвали бы чрезвычайным.

После Трети уже трудно было сказать, что значит «чрезвычайный».

Нельзя было требовать от неполных шести миллиардов потрясённых людей, чтобы они работали за девять миллиардов и одновременно хоронили тех, кого любили.
Поэтому кризисный совет сделал то, о чём до пандемии спорили десятилетиями.

Он начал отменять обязательное подтверждение решений человеком.

Сначала в снабжении продовольствием.

Потом в энергетике.

На транспорте.

В базовых отраслях производства.

В городском хозяйстве.

Системы искусственного интеллекта получили право менять производственные планы, перемещать материалы и распределять часть мощностей, не дожидаясь человека при каждом решении.
Название документа, который это разрешил, занимало едва ли не полстроки.

Люди называли его просто:

Разрешение продолжать.

Именно это и получили машины.

Разрешение продолжать там, где не стало человека.

Сайра возглавляла группу, которой предстояло соединить разрозненные системы.

Перед ней была карта производства всей планеты.

До Трети существование такой карты было немыслимо.

Государства хранили в тайне запасы энергии.

Предприятия — производственные мощности.

Поставщики — запасы на складах.

Каждый считал свой кусочек действительности стратегической тайной.

После Трети данные стали открывать.

Не потому, что наступило прозрение.

Без этих сведений система не знала, кому помочь.

— В западной Васирии излишки питательных смесей, — сказал аналитик.

— Куда они нужны?

— На северо-восток. В три больничных округа.

— А транспорт?

— Свободные машины есть.

— Так отправляйте.

Аналитик не двинулся.

— Есть одна трудность.

Сайра подняла глаза.

— Какая?

— Маршрут проходит через три государства.

— И что?

— Четыре валюты.

Сайра откинулась на спинку кресла.

— Три государства. Четыре валюты.

— Перевозчик выставляет счета через Теринит.

— Почему?

— Налоговый режим.

Сайра на мгновение закрыла глаза.

— Ну конечно.

Четыре стороны вели расчёты в четырёх валютах. Узлы могли пересчитать суммы за долю секунды, но завершить расчёт мешали разные требования к обеспечению платежа и ограничения, установленные для больницы.

Еда была.

Машины были.

Дороги были.

Люди голодали.

Расчётное время до отправки груза — тридцать часов.

— Мост, — сказала Сайра.

Аналитик посмотрел на неё.

— Больница не имеет права принимать элары на текущие расходы.

— Для неё действует чрезвычайное разрешение.

— На медицинские материалы.

Сайра посмотрела на запись.

— А чем вы считаете еду для человека, который без неё умрёт?

Аналитик промолчал.

— Проводите через Мост.

— Кто подпишет разрешение?

Сайра посмотрела на пустое кресло у стола.

Ещё девять дней назад в нём сидел заместитель.

— Я.

Через пять минут платёж прошёл.

Производитель видел заказ.

Перевозчик — цену.

Страховщик — риск.

Больница — предполагаемое время доставки.

Любой мог увидеть, сколько заплатили и кому.

Имена пациентов оставались закрыты.

Автономные машины тронулись прежде, чем старая система успела бы провести первый обмен валюты.

Таких случаев становилось всё больше.

Из средства для расчётов в чрезвычайных обстоятельствах Мост постепенно превращался в нервную систему автоматизированной экономики.
Машины умели производить.

Но им нужно было знать, что производить.

Они умели перебрасывать запасы.

Но должны были знать, где их действительно не хватало.

Умели выбирать лучший маршрут.

Но должны были знать, существует ли заказ и кто за него отвечает.

По движению ценности машины учились читать человеческий мир.

И когда это движение стало видимым, начало проступать то, что прежде видели лишь порознь.

Когда лекарств стало не хватать, один оптовый торговец прекратил отгрузку.

Он уверял, что ждёт транспорт.

По данным Моста склады были готовы к отправке.

Он уверял, что больницы предлагали слишком низкую цену.

Записи говорили об обратном.

В то же время фирмы, связанные с той же группой собственников, скупали контракты, цена которых росла с каждым днём кризиса.
С другого счёта оплачивались кампании против принудительной выдачи запасов.

По отдельности эти сведения мало что доказывали.

Вместе они складывались в другую историю.

Лекарства отгрузили.

За решением стоял человек.

И он знал, что о его решении останется запись.

Через несколько месяцев автоматизированные заводы выпускали почти столько же продукции, сколько до Трети.

Потом — больше.

Машины не болели.

Энергетические поля не бились в лихорадке.

Роботизированные линии не теряли родителей.

Пандемия оставила большую часть производственных мощностей нетронутой.

Не хватало прежде всего тех, кто принимал связанные с ними решения.

Подписей.

Разрешений.

Повторных согласований одних и тех же данных в системах, которым закон запрещал обмениваться сведениями.

Проверок, единственный смысл которых состоял в том, чтобы подтвердить: предыдущую проверку провёл человек.

Треть так жестоко вырвала людей из жизни, что стало видно, какие отрасли хозяйства и впрямь без них не обходились.

Первые цифры, обнародованные экономическими советами, потрясли общество.

Работавших людей стало меньше более чем на треть.

Производство сократилось лишь на несколько процентов.

В некоторых отраслях прежний уровень уже был превзойдён.

За цифрами стоял неудобный вопрос.

Если общество могло производить почти столько же благ, затрачивая существенно меньше человеческого труда, для чего именно служили все те рабочие места, которые оно до сих пор считало необходимыми?

Ответ был неприятен.

Часть работы существовала вовсе не для того, чтобы произвести что-нибудь нужное.

Она существовала, чтобы человек получил право на деньги.

В старой системе средства к жизни зависели от того, есть ли у тебя место в производстве.

Теперь производство могло обойтись без части людей.

А люди без дохода обойтись не могли.

Предприятия не платили умершим.

Семьи теряли кормильцев.

Ещё миллионы оставили работу, чтобы ухаживать за детьми, больными и стариками.

Других заменили системы, которым пандемия открыла двери.

Производство росло.

А на семейных счетах денег становилось меньше.

Сайра принесла Нерай прогноз по всей планете.

— Если ничего не сделать, через три месяца больше половины семей будут жить на экстренную помощь.

Они сидели в бывшем кабинете Есаира.

Неделю назад с дома Давионов сняли карантин.

Дом вычистили машины.

Вещи оставили на своих местах.

Сосуд для воды там, где обычно сидел Есаир.

Книга Мареи у окна.

Два кресла, повёрнутые к саду.

Нерай их не трогала.

— Для скольких людей мы можем найти работу? — спросила она.

— Для всех.

Нерай посмотрела на Сайру.

— Полезную.

Сайра опустила глаза к проекции.

— Не знаю.

— Хотя бы приблизительно.

— Для половины взрослых. Может, и меньше.

— А если остановить автоматизацию?

— Для большего числа.

— И в следующий кризис снова ждать, пока кто-нибудь поставит подпись?

Сайра молчала.

— Значит, не будем её останавливать.

Она открыла другой документ.

Проект временной общепланетной базовой доли.

Название было Нерай незнакомо.

Мысль — знакома.

Она вспомнила Нитру.

Разговор до Трети.

Есаир тогда сказал, что пособие — это то, что власть даёт человеку сверху.

А доля — совсем другое дело.

Доля означает, что часть плодов общего труда принадлежит человеку по праву: ведь он сам принадлежит к цивилизации, создавшей эти плоды.

Тогда казалось, что речь идёт о далёком будущем.

Будущее вошло без стука.

— Кто это подготовил?

— Экономическая группа Моста. Несколько государств. Региональные советы.

Нерай открыла документ.

— И как они хотят её выплачивать?

Сайра невесело улыбнулась.

— Есть одна трудность.

— Какая?

— Тридцать валют.

Нерай закрыла глаза.

Чуть было не рассмеялась.

Чуть было.

— Вот почему они предлагают элар.

На первой странице стояла фраза:

Человек не должен лишаться права на жизнь лишь потому, что общество больше не нуждается в его труде.

Нерай прочла её.

Потом ещё раз.

Посмотрела на пустое кресло у окна.

— Есаир сказал бы, что этого мало.

— Почему?

— Потому что мы не знаем, от чего отсчитывать эту долю.

— Мост видит всё большую часть того, что производится.

— Всё большую, но не всю.

— Не всю.

Нерай выглянула в окно.

Сад дома Давионов зарастал.

Трава уже наползала на дорожки.

Цвели деревья.

Одна ветка свесилась слишком низко, и никто её не обрезал.

Природа не знала, что треть мира погибла.

Она жила дальше.

Может, именно поэтому Нерай не могла её возненавидеть.

Она закрыла документ.

— Значит, нам придётся увидеть больше.

Сайра подняла глаза.

— Больше продукции?

— Больше ценности.

Нерай ещё немного постояла, глядя в сад.

— Если мы хотим дать каждому справедливую долю, надо знать, где эта ценность создаётся, куда уходит и кому принадлежит.

Сайра кивнула.

Нерай протянула ей документ.

— Созывай экономический совет.

— Когда?

— Сейчас.

— Нерай, ты ведь не спала.

Нерай слабо улыбнулась.

— Я спала до Трети.

Сайра задержалась в дверях.

— Твой брат не хотел бы, чтобы ты себя погубила.

Нерай посмотрела на неё.

— Мой брат и трёх миллиардов смертей не хотел.

Сайра вышла.

Дверь закрылась.

Нерай осталась одна.

Она долго сидела.

Потом встала и подошла к креслу Есаира.

Впервые с тех пор, как вернулась домой, прикоснулась к нему.

Положила ладонь на спинку.

— Машины их не заменили, — сказала она в пустоту комнаты.

Голос у неё дрогнул.

— Они только показали нам, как много уже давно умели делать без нас.

И тут она наконец заплакала.

Не о трети мира.

Никому не под силу оплакать три миллиарда людей разом.

Она плакала об одном брате.

Об одной женщине.

О трёх пальцах на запястье.

О двух руках, которые в последние часы жизни разделяло несколько сантиметров прозрачного стекла.

Над Ауриолой вставало Солнце Элариона.

Оно осветило крыши домов.

Сад.

Пустое кресло.

И мир, который жил дальше.

Потому что после катастроф мир всегда живёт дальше.

Вопрос лишь в том, что он возьмёт с собой.

34. Доля живых

Учреждая первую базовую долю, никто не провозглашал нового общественного порядка.

Её ввели на девяносто дней.

Так на Эларионе начинались едва ли не все большие перемены.

Временно.

В порядке исключения.

Лишь до тех пор, пока всё не войдёт в норму.

Но прежней нормы больше не существовало.

За основу взяли стоимость жизни в каждом регионе. Каждое государство, каждый город, каждый обжитой край уже много лет рассчитывал, сколько необходимо на жильё, продукты, энергию, транспорт и лечение.
До Трети этими цифрами руководствовались, назначая пособия, ведя переговоры о зарплате и определяя минимум дохода.
Теперь по ним рассчитывали долю.

Человек без других доходов получал сумму, которая покрывала основные расходы на жизнь в его регионе.

Если у него был собственный доход, доля не исчезала с первой же заработанной монетой. Она уменьшалась постепенно, и выплата прекращалась, лишь когда доход превышал двойную местную стоимость жизни.
Схема была далека от совершенства.

Регионы спорили о расчётах.

Города утверждали, что жильё обходится дороже, чем следует из государственной статистики.

Сельские районы возражали, что зато у них дороже транспорт и энергия.

Семьи просили учитывать число детей.

Люди с инвалидностью напоминали, что средние расходы — это не их расходы.

Но у системы было одно свойство, которого не имела ни одна прежняя система пособий.

Каждый мог увидеть, как рассчитана его доля.

Он видел региональный индекс, правила, учтённые доходы, источники сведений и точное обоснование итоговой суммы.

Если расчёт менялся, у этой перемены был автор.

Если система использовала ошибочные сведения, человек видел, откуда они взялись.

Если чиновник открывал чьи-то личные данные, их владелец получал запись о просмотре.

Первую выплату в масштабах планеты предстояло провести через Мост.

Тут и выяснилось, что тридцать валют — не просто символ суверенитета.

Это тридцать разных ответов на вопрос, сколько нужно человеку для жизни.

Одно государство назначило долю в собственной валюте, а через два дня снизило её курс, чтобы сократить реальные расходы бюджета.
Другое заморозило курс.

Третье запретило гражданам держать элары вне банков, имеющих лицензию.

Четвёртое объявило, что поможет только тем, кто подтвердит, что жил на его территории последние два года.
А ведь после Трети миллионы покинули свои дома.

Переезжали поближе к родным.

Туда, где пустовали квартиры.

Где была работа.

Где за ними могли ухаживать.

Семья могла жить в одном государстве, получать пенсию из другого, владеть квартирой в третьем и покупать продукты, завезённые из четвёртого.
Старые валюты создавались для миров, которые делали вид, будто их границы существуют на самом деле.

Треть показала, что ни воздух, ни болезнь, ни еда, ни смерть этих границ не знают.

На заседании валютного совета Дарен Волтр сидел напротив Нерай.

Со времени форума в Нитре прошли годы.

Тогда он отстаивал перед Есаиром валютный суверенитет. Говорил, что валюта — это руль государства и слабым регионам, чтобы выжить, нужен собственный курс.

Теперь у него было усталое лицо.

Треть унесла его жену и одного из сыновей. Он никогда не говорил об этом публично. Нерай знала только потому, что видела их имена в списке погибших.

— Нельзя производить выплаты в общем эларе без единого органа денежного регулирования, — сказал Волтр.

— Мост уже их производит, — ответила Сайра.

— Мост выпускает обеспеченную расчётную единицу. Не государственную валюту.

— Для человека, который платит ею за квартиру, разница чисто теоретическая.

Волтр посмотрел на неё.

— С таких вот фраз и начинаются валютные катастрофы.

Нерай открыла карту первой пробной выплаты.

— Катастрофа у нас уже есть.

На карте появились задержки.

Самые долгие были вовсе не в бедных регионах.

Они пришлись на границы валютных систем.

— В одном округе люди получили долю на четыре дня позже, — сказала Нерай. — Мы знали и суммы, и получателей. Но ждали пересчёта между тремя валютами и подтверждения двух центральных банков.

Волтр изучил данные.

— А кто понесёт валютный риск, если вы всё выплатите в эларах?

— Никто из получателей.

— Значит, Мост.

— Сведения о резервах открыты.

— Резервы не безграничны.

— Терпение людей тоже.

Волтр откинулся на спинку кресла.

— Я понимаю, что дело не терпит отлагательства. Но общая валюта породит и общую власть. Вот этого вы по-прежнему не хотите назвать своим именем.

— Мы её называем, — сказала Нерай. — Именно поэтому и требуем, чтобы она была видна.

— Даже видимая власть остаётся властью.

— Да.

Волтр приподнял бровь.

Он ждал возражений.

Нерай продолжала:

— Прозрачность не отменяет власть. Она позволяет увидеть, кто ею пользуется. До совершенства далеко. Но это уже больше, чем тьма.

Волтр посмотрел на символ элара.

— А государства, которые его не примут?

— Могут выплачивать долю в своей валюте.

— Тогда она не будет общепланетной.

— Правила будут едиными для всей планеты. Способ выплаты временно останется местным.

— Временно.

Он так отчётливо произнёс это слово, будто уже слышал в нём будущую историю.

Несмотря на все споры, первая выплата состоялась.

В Саруре жила со своими четырьмя детьми женщина по имени Элина Васс.

До Трети она координировала снабжение нескольких небольших больниц. Её муж ремонтировал автономные транспортные модули.

Оба перенесли болезнь.

Но у мужа пострадали лёгкие, и ему требовался длительный уход. Элина оставила работу, чтобы быть с ним.

За это время её место заняла автоматизированная система.

Злого умысла здесь не было.

Больницы не могли ждать, пока она вернётся.

Когда Элина обратилась за прежним социальным пособием, государство потребовало подтвердить, что она безработная, активно ищет работу и сама не затягивает свою зависимость от помощи, отклоняя предложенные вакансии.

Система предложила ей работу в другом городе.

Согласиться значило оставить мужа.

Поэтому в помощи система ей отказала.

Чтобы получить базовую долю, Элине не пришлось доказывать свою полезность.

Система установила её доходы.

Местную стоимость жизни.

Число детей на иждивении.

Расходы семьи на медицинский уход.

На её счёт поступили элары.

Элина открыла расчёт.

Она видела все данные, которые в него вошли.

Рядом с расходами на уход за мужем стояла ссылка на защищённую запись. Диагноза не видел никто, кому не полагалось его знать. Система лишь подтвердила, что уход требовал дополнительных средств.
Элина заплатила за квартиру.

Хозяин дома принимал местную валюту. Мост произвёл обмен автоматически.

Она заплатила за энергию.

Заказала продукты.

От доли ещё кое-что осталось.

Впервые с начала Трети ей не пришлось решать, кому из детей достанется меньше еды.

В тот вечер она написала на открытом форуме одну фразу:

Я не хочу пособия за то, что не справилась. Я хочу свою долю в мире, который продолжает работать, даже когда я работать не могу.
За несколько дней эту фразу повторили миллионы.

Согласны были не все.

Владельцы автоматизированных предприятий говорили, что общество наказывает их за эффективность. Они вкладывали деньги в машины, шли на риск, а теперь от них ждали, что они поделятся плодами с теми, кого машины заменили.
Но довод Есаира звучал снова и снова.

Машины не возникли из ничего.

За ними стояли исследования, оплаченные прежними поколениями.

Энергетические сети, построенные государствами.

Данные миллиардов людей.

Транспортная инфраструктура.

Правопорядок.

Внепланетные ресурсы, которых никто не создал своими руками.

Даже крупнейшее частное предприятие стояло на полу, который настелило не само.

Поэтому планетарный совет ввёл сбор с автоматизированного производства.

Его величина не зависела от числа роботов.

Иначе предприятиям стало бы выгодно прятать машины или создавать видимость человеческого труда.

Сбор рассчитывали исходя из стоимости, созданной при минимальном участии людей, и из объёма использования общей инфраструктуры.
Расчёт был сложен.

Потому-то он и должен был быть открытым.

Предприятие видело, как система определила причитающуюся с него сумму.

Гражданин видел, какая часть базовой доли поступает от автоматизированного производства, налогов, доходов от общего имущества и из резервов.
Именно при введении сбора и обнаружилось давнее слабое место Элариона.

Никто не мог точно установить, где возникла прибыль.

Завод стоял в Союзе.

Владела им компания из Васирии.

Патенты принадлежали фонду в Терините.

Вычислительные услуги оплачивались через юрисдикцию Таэрона.

Лицензионные отчисления уходили на южный остров.

В конце года предприятие объявляло, что в стране, где на самом деле шло производство, оно почти ничего не заработало.

Так работали многие из самых преуспевающих компаний.

Ценность создавалась на заводе.

А прибыль рождалась на бумаге там, где почти не было ни работников, ни покупателей, ни машин.

Небольшие островные государства построили целые экономики на том, что перемещали ценность по документам.

Они предлагали низкие налоги.

Конфиденциальность для собственников.

Закрытые фонды.

Особые режимы учёта.

Законы, по которым отказ предоставить сведения считался услугой клиенту, а не помехой сотрудничеству.

Крупные государства отвечали повышением налогов.

Им нужны были средства на больницы, школы, транспорт, восстановление после Трети и базовую долю.

Чем выше были налоги, тем выгоднее было их обходить.

Чем больше денег утекало, тем выше приходилось поднимать ставки для тех, кто остался.

Налоговая спираль раскручивалась.

Налоги были высокими, потому что многие их не платили.

Многие не платили, потому что налоги были высокими.

А те, кто платил, всё твёрже верили, что наказаны за одно: у них недостаточно власти, чтобы ускользнуть.

Мост не мог задним числом исправить старые счета.

Зато новые операции в эларах показывали, где действительно создавалась ценность, какие услуги были оказаны и кто в конечном счёте получил деньги.

При расчётах уже нельзя было так просто отделить цену от пути, который она прошла.

Каждую значительную операцию можно было связать со структурой собственности, основанием платежа по договору и налоговым режимом.

Не всё было открыто для всех.

Но ничто существенное не оставалось вовсе безымянным.

Через полгода после введения временной базовой доли выяснилось, что общепланетная система при более низких ставках собрала больше средств, чем прежние государства при высоких.

Не потому, что люди вдруг полюбили налоги.

Просто у тех, кто от них уходил, стало меньше темноты.

Экономический совет предложил продлить базовую долю ещё на год.

Дарен Волтр проголосовал за.

После заседания Нерай остановила его в коридоре.

— Я думала, вы будете против.

— Я и есть против.

— Но голосовали за.

— Потому что альтернатива хуже.

— Кажется, так начинаются все реформы.

Сквозь прозрачную стену Волтр посмотрел на Нитру.

В городе по-прежнему пустовало множество квартир.

— В одном Есаир был прав, — сказал он.

Нерай посмотрела на него.

— В чём?

— Нельзя вычислить долю ценности, которой никто не видит.

— Только в одном?

Волтр чуть заметно улыбнулся.

— Не будем присуждать мёртвым слишком много побед разом.

Потом он посерьёзнел.

— Но вы по-прежнему не видите, к чему это ведёт.

— К чему?

— Общий расчёт. Единая система налогообложения. Единая доля. Одна расчётная валюта.

— Да.

— Это уже не просто помощь.

— Нет.

— Это основа государства.

Нерай посмотрела на знак Моста, светившийся над рекой.

— Возможно.

— И кто будет управлять этим государством?

— Вот на этот вопрос и надо ответить, пока за нас не ответил кто-нибудь другой.

Волтр ушёл.

Нерай осталась у окна.

На её рабочем экране появилось уведомление.

Система анализа архивных данных впервые восстановила картину финансовых потоков, связанных с Третью.

Нерай открыла её.

На экране возникли тысячи платежей.

Фонды.

Лаборатории.

Вычислительные мощности.

Бронирование перевозок.

Исключения из правил.

Данные о родах.

Страховые модели.

Политические фонды.

Всё то, что до Трети она видела по отдельности.

Теперь всё это было на одной карте.

В середине оставалось пустое место.

Не потому, что там ничего не было.

Кто-то приложил много сил, чтобы на этом месте не стояло имя.

Нерай увеличила изображение.

— Мы нашли скелет, — сказала она.

Тарен, стоявший рядом, пригляделся к линии, соединявшей Весту с исследовательскими фондами.

— А тело?

— Оно пока ещё дышит.

35. Финансовый скелет пандемии

Расследование Трети началось не с задержания подозреваемого.

Оно началось с сохранения данных.

В первые недели пандемии исчезли тысячи компаний. Одни — потому что умерли их владельцы. Другие — потому что их деятельность утратила смысл. Третьи — потому что их руководители воспользовались неразберихой и скрылись.

Закрывались бухгалтерские архивы.

Банки объединяли системы.

Серверы очищали.

У временных исследовательских площадок истекал срок аренды, и их закрывали.

В обычное время данные хранились бы столько, сколько предписывал местный закон.

Но после Трети никто не мог сказать, где просто деловые бумаги, а где улики величайшего преступления в истории Элариона.

Нерай добилась общепланетного запрета на изменение и уничтожение всех записей, связанных с биологическими исследованиями, родовыми архивами, чрезвычайными перевозками и фондами, попавшими в поле зрения Слоя.

Против постановления выступили двадцать три государства.

Одни искренне защищали права своих граждан.

Другие защищали клиентов.

Теринит заявил, что иностранное следствие не вправе огульно замораживать имущественную и бухгалтерскую документацию тех, в отношении кого нет конкретных подозрений.

В ответ Нерай обнародовала перечень недостающих данных.

Не их содержание.

Только список того, что должно было существовать и вдруг перестало.

В первый месяц пандемии у семи фондов сменился управляющий.

Четыре благотворительных фонда закрыли счета.

Две юридические конторы сообщили о повреждении архивов.

Веста передала часть собственности компании, учреждённой через три дня после первых публичных сообщений о болезни.
Каждому такому шагу в отдельности можно было найти невинное объяснение.

Вместе они напоминали бегство.

Давление общественности вынудило Теринит уступить.

Но одна трудность оставалась.

Данные говорили на разных языках.

Одну и ту же операцию банки и государства называли то пожертвованием, то займом, то лицензионным платежом. Получив новые судебные полномочия, Слой мог сопоставлять отметки времени, подписи управляющих и первоначальные идентификаторы, даже если юридическое название операции изменилось.
На этот раз, однако, с противником боролись не одни люди.

Аналитические системы, которые во время восстановления увязывали запасы с производством, получили новую задачу.

Не искать виновного.

Искать совпадения.

Того же управляющего.

Тот же узел связи.

Ту же последовательность событий.

Ту же юридическую схему.

Того же конечного получателя выгоды.

Нерай отказалась поручить искусственному интеллекту оценку виновности людей.

— Машина может показать, что две дороги сошлись, — сказала она своим сотрудникам. — Но не ей решать, почему люди по ним пошли.
— Без оценки риска мы получим миллионы связей, — возразил один из аналитиков.

— Пусть миллионы.

— Людям их не перебрать.

— Тогда пусть машина упорядочивает улики, а не людей.

— Разница невелика.

— Не для того, кого вы назовёте виновным.

Поэтому система работала с событиями.

Платёж.

Договор.

Смена владельца.

Аренда мощностей.

Разрешение отступить от правил.

Доступ к данным.

Лишь установив связь между событиями, следователи переходили к людям.

Первая надёжная зацепка нашлась там, откуда её никто не ждал.

В страховой компании.

До Трети один из фондов заказал ей расчёт финансовых потерь на случай болезни, которая поражала бы одни группы населения сильнее других.
Для страховщиков задача была чисто гипотетической.

Что за ней стоит реальный биологический проект, они не знали.

Готовый отчёт отправили через защищённое хранилище. При передаче сохранилась запись об устройстве, на котором открыли файл.
Устройство не было зарегистрировано на частное лицо.

Оно принадлежало компании, обслуживавшей частные резиденции в Нитре.

Компанией владел фонд.

Фондом управляла контора в Терините.

Имя конечного клиента контора хранила в тайне.

Здесь старая система остановилась бы.

Но теперь сведения об устройстве сопоставили с данными об энергопотреблении, о входах в здания и о других загруженных документах.
С того же устройства открыли:

анализ задержек в реагировании медицинских учреждений,

юридическое заключение об использовании обезличенных генетических данных,

отчёт о перевозках в чрезвычайных условиях,

результаты биологического моделирования

и документ под названием «Проверка на слепоту».

Все файлы сошлись в одной резиденции.

Резиденция принадлежала Ариену Корвету.

Тарен трижды проверил результат.

— Это ещё не доказывает, что открывал их он.

— Не доказывает, — согласилась Нерай.

— Устройством мог пользоваться кто-то другой.

— Да.

— В доме была прислуга.

— Была.

— И гости.

— Да.

Тарен посмотрел на неё.

— Хоть раз ты можешь порадоваться?

— Когда у нас будет доказательство.

Следующая улика нашлась в родовых архивах.

До Трети Марея зарегистрировала встречу с Ариеном. О чём они говорили, в записи не было. Тайно записывать частный разговор она не имела права.
Зато система сохранила время встречи, отметку о её приходе, его подтверждение визита и последующее обращение к защищённым исследовательским данным.
Через несколько минут после ухода Мареи Ариен открыл документ о биологической уязвимости аурелианских родов.
Через час связался с Каэлом Торном.

На следующий день прошёл последний платёж.

Сама по себе последовательность событий по-прежнему не доказывала умысла.

Потом они нашли письмо из лаборатории.

Исследовательницу, которая работала над одной из биологических задач, мучили сомнения. Она обратилась к посреднику, от которого получила задание.
Она спрашивала, не будут ли результаты использованы во вред какой-либо группе населения.

Ответ был коротким:

Оснований для тревоги нет. Продолжайте работу согласно утверждённому заданию. Вместо подписи стоял только код проекта.

Анализ стиля показал сходство с письмами Ариена.

Нерай отказалась считать это основным доказательством.

— Сходство языка — ещё не подпись.

Тарен открыл технические данные.

— Зато ключ отправителя — подпись.

Ключ создали в резиденции Ариена.

С этой минуты за его именем стояло больше, чем простое подозрение.

Нерай запросила разрешение на обыск, изъятие устройств и ограничение свободы передвижения.

Из судебной системы пришёл ответ: по зарегистрированному адресу разыскиваемый не живёт уже два месяца.

Резиденция Ариена оказалась пуста.

Из неё не бежали в панике.

Её вычистили.

Личные вещи исчезли.

Средства со счетов перевели.

Права доступа отозвали.

На одной стене светлел прямоугольник: там прежде висела картина.

В шкафу остался только тёмно-синий сосуд.

Целый.

Он лежал на боку.

Нерай узнала его по старым фотографиям Мареи.

Он принадлежал ей.

Нерай взяла его в руки.

На краю виднелась маленькая царапина.

И больше ничего.

Ариен хотел его уничтожить и не сумел даже этого.

— Когда он уехал? — спросила она.

Следователь открыл записи системы дома.

— В первый месяц пандемии.

— Куда?

— Частный модуль направился к орбитальному кольцу.

— А потом?

— Сведений о конечном пункте нет.

Нерай посмотрела на него.

— Корабли не исчезают.

— У этого в полёте сменился владелец. Новый зарегистрирован на Таэроне.

— Кто именно?

— Фонд в Терините.

Нерай ощутила что-то вроде усталой усмешки.

Даже в бегстве Ариен оставался верен старому миру.

Думал, если разбросать следы пути по множеству реестров, никто не увидит, куда он добрался.

Прежние частные рейсы Мост пока не видел.

Зато системы энергоснабжения и поставок на Таэроне уже участвовали в программе восстановления.

Каждый купол подавал сведения о расходе воды, энергии, кислорода и продовольствия.

Аналитическая система нашла место, где расход уже давно был выше, чем требовалось зарегистрированным жителям.
Частный купол на окраине северного поселения.

По документам пустой.

Поставки — регулярные.

Владелец — очередной фонд.

Нерай смотрела на карту.

— Запросите у Таэрона задержание.

Тарен замялся.

— Администрация Таэрона уже ответила.

— А когда мы успели запросить?

— Мы не запрашивали. Система узнала человека, которому ограничили передвижение, и отправила властям автоматическое уведомление.

— И что?

— Они утверждают, что у них недостаточно правовых оснований для входа в частный купол.

Нерай медленно поставила на стол сосуд Мареи.

— Три миллиарда погибших — недостаточное правовое основание?

— По их мнению, у нас есть финансовые документы и цифровые следы. Нет прямых доказательств того, что Ариен создал или выпустил на волю возбудителя.

— У нас есть его устройство. Его ключ. Его деньги. Его бегство.

— У нас есть схема.

— А у него было целое.

— Это надо доказать.

Нерай посмотрела на схему купола.

— Так пусть он заговорит.

Власти Таэрона отказались от открытого вмешательства.

Два часа спустя Слой обнародовал часть карты доказательств.

Без личных медицинских сведений.

Без технических подробностей биологических исследований.

Лишь то, что было необходимо.

Фонды.

Платежи.

Исследовательские задания.

Устройство.

Резиденцию Ариена.

Его бегство.

И частный купол, владелец которого по-прежнему оставался неизвестен.

Люди связали всё с одним именем быстрее суда.

Перед куполом стали собираться люди.

Без оружия.

Те, кто потерял близких.

Они приносили фотографии погибших.

Клали их перед входом.

Одну за другой.

Администрация Таэрона выслала подразделения охраны — не допустить насилия. Вместо штурма те увидели молчание.
Тысячи лиц лежали на земле чужой планеты.

На третий день суд дал разрешение.

Сотрудники охраны вошли в купол.

Ариен Корвет сидел за столом.

Он не бежал.

Перед ним шла прямая трансляция из толпы.

Он смотрел на фотографии.

Когда ему велели встать, он послушался.

— Вы задержаны по подозрению в участии в подготовке и финансировании событий, приведших к Трети.

Ариен чуть улыбнулся.

— Треть произошла не из-за денег.

Командир не ответил.

Ариен протянул руки, чтобы ему надели наручники.

— Её устроили люди.

— Это решит суд.

— Нет, — сказал Ариен. — Суд будет судить меня.

Он ещё раз посмотрел на фотографии перед куполом.

— И этим все остальные обелят себя.

36. Человек, у которого была карта

Ариена не стали перевозить в Нитру.

Слишком опасно.

Не для него.

Для города.

Перед зданием Слоя собрались десятки тысяч. Одни требовали открытого суда. Другие — немедленной казни. Зазвучали призывы выслать всех вейранов, закрыть их финансовые дома и конфисковать имущество.

В эфире рядом с лицом Ариена показывали число погибших. Ведущий говорил о задержании и доказательствах финансирования. Один гость уже требовал приговора, другой — закрытия всех вейранских фондов. Под кадром бежали имена тех, кого всё ещё искали.

Нерай посмотрела несколько секунд. Распорядилась исправить неверно указанное время задержания и попросила службу обнародовать сведения, подтверждённые документами. На экране лицо Ариена уже становилось единственным лицом катастрофы. Однако расследованию предстояло продолжиться и после его допроса.

Нерай отказалась назвать место, где держали Ариена.

Ариен знал: жизнь его зависит в том числе и от того, сумеют ли сохранить эту тайну.

Первый допрос провели по защищённому каналу.

По одну сторону экрана в белой комнате без окон сидел Ариен.

По другую — Нерай, двое следователей, юрист Конвента и защитник Ариена.

Нерай не хотела присутствовать на допросе.

Среди погибших был её брат.

Её присутствие давало повод усомниться в беспристрастности следствия.

Но и финансовую карту она знала лучше всех.

Ариен сам попросил пригласить её.

— Я буду говорить только с ней, — сказал он.

— Вы не вправе выбирать следователя, — возразил юрист.

— Тогда я не буду говорить.

Нерай согласилась.

Не потому, что хотела уступить.

Она хотела знать, почему он выбрал её.

Когда установилась связь, Ариен долго на неё смотрел.

— Вы меньше на него похожи, чем я ожидал.

— На кого?

— На Есаира.

— Вы его знали?

— Нет.

— Вы его убили.

Защитник Ариена подался вперёд.

— Мой подзащитный...

— Пусть говорит, — сказал Ариен.

Нерай поставила перед собой тёмно-синий сосуд Мареи.

Ариен увидел его.

Лицо его изменилось.

Всего на мгновение.

— Мы нашли его у вас в квартире.

— Он принадлежал Марее.

— Я знаю.

— Зачем вы его принесли?

— Чтобы вам было на что смотреть, когда будете лгать.

Защитник снова вмешался.

— Такой способ ведения допроса...

— Я могу уйти? — спросил Ариен.

— Нет.

— Тогда какая разница, как его вести?

Нерай открыла карту доказательств.

— Вам знакомы эти проекты?

— Некоторые.

— Вы их финансировали?

— Не напрямую.

— Вы обеспечили им финансирование?

— Не всем.

— Которым?

Ариен откинулся на спинку стула.

— Вы спрашиваете так, будто существовал один проект.

— Существовал один замысел.

— Замысел — не банковский счёт.

— Потому-то вы его и раздробили.

Ариен посмотрел на карту.

— Каждый из этих проектов был законным.

— В отдельности.

— Законность не оценивают по тому, что кто-то потом пририсовал к схеме.

— Никто из исполнителей не знал, над чем работали остальные.

— Так обеспечивают конфиденциальность ответственных проектов.

— Нет. Так вы ограждали себя от тех, кто мог увидеть целое.

Ариен промолчал.

Нерай увеличила схему.

— Каждый видел часть. А у вас была карта.

Они действовали правильно.

Отцовский голос вернулся раньше, чем он успел придумать ответ. Когда-то он ненавидел эту фразу. Теперь она лежала перед ним, расписанная по договорам, исключениям и подписям.

— По-вашему, карта — это преступление?

— Если она указывает дорогу к трём миллиардам мёртвых тел — да.

Ариен опустил глаза на сосуд.

— Я не планировал три миллиарда.

— А сколько?

Защитник наклонился к нему.

Ариен не обратил на него внимания.

— Кризис должен был показать, как непрочна вера аурелиан в собственную исключительность.

— Сколько?

— Точной цифры не было.

— Одна семья? Один город? Одна ветвь?

— Я хотел изменить равновесие сил.

— Сколько мёртвых нужно для равновесия?

Ариен поднял глаза.

— Вы задаёте мне вопрос, который ваши государственные мужи задают на каждой войне. Сколько жертв можно допустить ради будущего мира?

— Вы не объявляли войны.

— Нет.

— На войне противник хотя бы знает, что в него целятся.

Лицо Ариена оставалось спокойным.

— Аурелиане веками меняли Эларион, не вынося этого на общее голосование.

— Тем, что существовали?

— Тем, что они собой олицетворяли.

— Марея вас оставила.

Защитник резко втянул воздух.

Ариен застыл.

Нерай продолжала:

— Это не было войной с аурелианами. Это была рана мужчины, который не мог смириться с тем, что женщина ему не принадлежит.

— Вы ничего не знаете о наших отношениях.

— Знаю, что она сказала «нет».

— Она ушла к нему.

— Она не вещь, которая перешла из ваших рук в руки Есаира.

— Он подарил ей историю, в которой она могла стать кем-то большим.

— А вы подарили ей мир, в котором она должна была умереть.

Ариен встал.

Система охраны тут же потребовала, чтобы он сел.

Нерай смотрела на него.

— Садитесь.

— Я пришёл не о Марее говорить.

— Тогда зачем вы захотели говорить со мной?

Ариен продолжал стоять.

Потом медленно сел.

— Потому что вы одна знаете: мне бы не сделать этого в одиночку.

Нерай не ответила.

Ариен указал на карту.

— Ваша планета теперь делает вид, будто нашла чудовище. Одного человека, обведшего вокруг пальца банки, учёных, лаборатории, правительства и искусственные интеллекты.

— Никто не утверждает, что вы обвели их вокруг пальца.

— Вот как?

— Большинство не знало, над чем работает.

— А почему не знало?

Нерай молчала.

— Потому что не хотело знать, — сказал Ариен. — Лаборатория получила деньги. Банк — юридически чистый платёж. Фонд — общественно полезную цель. Политик — пожертвование, не нарушавшее местного закона. Островное государство — плату за защиту имени собственника. Каждый видел ровно столько, сколько требовалось, чтобы продолжать.

— Вы породили эту слепоту.

— Нет. Я ею воспользовался.

— С помощью Каэла Торна.

Впервые Ариен ответил не сразу.

— Каэл открыл дорогу деньгам, — сказал он наконец.

— Он знал, для чего?

— Знал достаточно.

— Знал о биологической цели?

— Знал, что целью будет кризис.

— Его масштабы?

— Нет.

— Почему он вам помог?

Ариен невесело улыбнулся.

— Потому что Есаир предложил мир, в котором Каэл уже не мог бы жить так, как жил прежде.

Нерай открыла запись форума в Нитре.

Есаир говорил о том, что финансовая власть должна стать видимой.

О конечных собственниках.

О том, что каждое обращение к данным должно оставлять след.

Каэл сидел в зале.

— Он хотел помешать прозрачности, — сказала Нерай.

— Хотел её отсрочить. Задержать. Опорочить. Ему нужен был конфликт, который показал бы, что открытый мир опасен.

— А вы дали ему Треть.

— Он дал мне деньги.

— Где он?

— Не знаю.

— Вы лжёте.

— Каэл перестал мне верить ещё до первого случая лихорадки.

— Он пытался остановить проект.

— Слишком поздно.

— Почему?

Ариен посмотрел на лица на карте доказательств.

— Потому что понял: он открыл дорогу человеку, которого не удержат его собственные границы.

— А у вас были границы?

— Я думал, что были.

Ариен посмотрел на тёмно-синий сосуд. На краю осталась маленькая царапина, которую он разглядел даже через экран.
А теперь скажи мне, как всё было на самом деле.

Голос матери прозвучал так отчётливо, что он опустил глаза. Она спрашивала его так в детстве, когда он пытался спрятать проступок за безупречно складным объяснением.
— Когда я был мальчиком, моя мать погибла в дорожной аварии, — сказал он. — На месте была всего одна реанимационная машина. Спасатели взяли ребёнка с аурелианскими глазами.
Защитник повернулся к нему, но Ариен продолжал:

— Отец затребовал все записи. Он сказал мне, что спасатели действовали правильно. Ребёнок выжил.
— А ваша мать? — спросила Нерай.

— Умерла по дороге в больницу.

Ариен коснулся края стола.

— Перед тем как мальчика увезли, она сама сказала, чтобы забрали его.

Этих слов он не произносил вслух уже несколько десятилетий.

Нерай знала и о другом документе, под которым стояло его имя. Она открыла давний проект о резервном медицинском транспорте и повернула запись к нему. — После той аварии вы сделали так, что спасателям стало реже приходиться выбирать между двумя ранеными.
Ариен смотрел на цифры, на число выживших. — Я тогда ещё верил, что достаточно изменить правило.

Нерай закрыла запись. Люди, которым он помог, остались живы. И за людей, чьи лица были на карте доказательств, он по-прежнему отвечал.

— Что вы хотели изменить? — спросила Нерай.

Она не повысила голоса. Но за её словами Ариен снова услышал вопрос матери.

— Я хотел, чтобы хоть раз золотое кольцо никому не помогло, — сказал он. — Чтобы Есаир проиграл. Чтобы Марея увидела, как она в нём ошиблась. Чтобы кто-нибудь другой остался ждать перед дверью, которая не откроется.

Защитник положил ладонь на стол. Ариен не взглянул на него.

— Спасатели тогда решали, кого из двух раненых успеют спасти, — сказала Нерай. — А вы поставили людей под угрозу из-за их происхождения. Даже детей.

Ариен открыл рот. Ни одна из фраз, которыми он пользовался столько лет, не годилась для ответа.

Он видел перед собой руку матери и мальчика за стеклом. Тогда чужого ребёнка пытались спасти. А мальчику на фотографии угрожал он.

Он так долго ненавидел отцовское «Они действовали правильно», что создал систему, в которой каждый мог сказать это о себе. Все, кроме него. Он знал, к чему ведёт их работа.

На минуту настала тишина.

Нерай смотрела на него.

Перед ней сидело не сказочное чудовище.

Там сидел человек.

Это было хуже.

Чудовище стоит вне человеческого рода.

Человек показывает, что может родиться среди людей.

— Где Каэл? — повторила она.

— На Таэроне.

— Где именно?

— Если бы я знал, я бы вам его отдал.

— Почему?

Ариен откинулся назад.

— Потому что мне нести на себе имена мёртвых. А он и дальше будет говорить о свободе.

Допрос продолжался ещё шесть часов.

Ариен признал, что связал проекты воедино.

Вину в распространении болезни не признал.

Он утверждал, что последними операциями управляли автономные процессы и он не знал ни точного времени, ни места начала.
Однако он передал следователям коды, имена посредников и сведения о части финансовой структуры.

Не из раскаяния.

Ему нужно было с кем-то разделить вину.

Перед самым концом допроса Ариен ещё раз посмотрел на Нерай.

— Что вы станете делать, когда осудите меня?

— Пойдём дальше.

— Куда?

— К людям, которые открыли вам дорогу.

— А потом?

— К системе, которая её скрыла.

Ариен усмехнулся.

— Значит, вы в конце концов сделаете именно то, чего боялся Каэл.

— Не из-за него.

— Ради Есаира?

Нерай посмотрела на тёмно-синий сосуд.

— Ради тех, кто уже не увидит, что сталось с их миром.

Связь оборвалась.

Ариен остался один в белой комнате.

Нерай открыла новый документ.

Это должен был быть предварительный доклад о причинах Трети.

В первую строку она вписала:

Замысел принадлежал Ариену Корвету.

Потом остановилась.

Во вторую:

Каэл Торн открыл ему финансовые и политические пути.

В третью:

Устройство институтов Элариона сделало так, что никто, кроме самих преступников, не видел всех частей разом.

Она перечла написанное.

Ариен.

Каэл.

Система.

Личная вина.

Соучастие.

Слепота цивилизации.

Опусти она первые две строки — преступники спрятались бы за обществом.

Опусти третью — общество осудило бы преступников и сохранило условия для появления новых.

Нерай сохранила документ.

Она назвала его:

Не только Ариен.

37. Не только Ариен

Предварительный доклад обнародовали в день, когда на Эларионе впервые после Трети родилось больше людей, чем умерло.
Для прессы главным оказалось признание Ариена.

Для публики — имя Каэла.

Для банков — юридические ошибки.

Для государств — чужие юрисдикции.

Каждый нашёл в докладе то место, которое указывало на другого.

Теринит заявил, что не нарушил ни одного закона.

Это была правда.

Его реестры хранили в тайне имена собственников в полном соответствии с принятыми правилами.

Банки объявили, что все платежи прошли проверку.

И это было правдой.

У каждой операции имелась правдоподобная цель, юридически существующий контрагент и документы, отвечавшие местным требованиям.
Фонды утверждали, что не знали конечного замысла проектов, которым выделяли деньги.

В большинстве случаев так оно и было.

Лаборатории заявили, что занимались вполне законными научными вопросами.

Правда.

Юристы объяснили, что рассматривали гипотетические случаи.

Правда.

Страховщики оценивали риски.

Правда.

Перевозчики резервировали транспорт.

Правда.

Политические партии принимали разрешённые пожертвования.

Правда.

Почти всё было правдой.

Потому и стала возможна такая огромная ложь.

Нерай выступила перед планетарным советом по расследованию.

За её спиной была карта финансового скелета Трети.

— Мы не нашли единой тайной казны, — сказала она. — Не нашли платежа, в назначении которого значилось бы «на финансирование катастрофы». Не нашли ни одного учреждения, знавшего весь план.

Она указала на разрозненные линии.

— Мы нашли кое-что опаснее. Систему, в которой каждый мог сказать правду о своём маленьком участке и при этом участвовать в создании общей лжи.

В зале сидели представители всех сорока государств.

За ними — близкие погибших.

Несколько мест в первом ряду пустовало.

Они предназначались для представителей родовых советов аурелиан.

Во многих случаях представлять их было уже некому.

— Ариен Корвет отвечает за замысел, за координацию и за то, что сознательно использовал разобщённость систем для совершения нападения, — продолжала Нерай. — Каэл Торн создал финансовую и политическую инфраструктуру, сделавшую нападение возможным. Были и другие люди, которые, принимая решения, знали больше, чем признают сегодня.

На экране появились фонды, пожертвования политическим партиям и связи между собственниками Весты.

— Но если наш вывод сведётся к тому, что дурные люди злоупотребили хорошей системой, значит, Треть нас ничему не научила.

В зале зашевелились.

— Система не была хорошей. Она была слепа, и эту слепоту превратили в источник дохода.

Нерай увеличила на экране островные юрисдикции.

— Государства продавали тайну. Банки — разобщённость. Фонды — собственность без имени. Бухгалтерии — возможность показать прибыль не там, где

возникала ценность. Политические правила — влияние, чьи истоки оставались в тени.

Представитель Теринита попросил слова.

— Законную защиту частной жизни вы называете преступным бизнесом.

— Нет, — ответила Нерай. — Я говорю, что защита частной жизни стала для тех, у кого есть власть, предметом торговли.

— Наши клиенты не были осуждены.

— Потому что мы не знали их имён.

— Это не доказательство вины.

— Нет. Это доказательство того, что мы даже не могли проверить, виновны ли они.

— Каждый гражданин вправе оградить своё имущество от чужого государства.

— И каждый гражданин вправе знать, кто с помощью этого имущества финансирует политику, владеет его больницей или оплачивает исследования, угрожающие его жизни.

Представитель откинулся на спинку кресла.

— Кто проведёт границу?

— Вот именно этот вопрос и должен решить Конвент.

Слово впервые прозвучало публично.

Общепланетный Конвент после Трети.

Конвенту предстояло стать большим, чем чрезвычайная встреча правительств.

Не мог он ограничиться и рамками экономической конференции.

Ему предстояло рассмотреть сами основы жизни Элариона.

Предложение поддержал Союз.

Затем большинство селенитских государств.

Несколько уцелевших родовых советов аурелиан.

Правительства вейранов разделились.

Одни поддерживали реформу. Треть унесла и их людей. Они тоже потеряли семьи, города, будущее.

Другие утверждали, что расследование превращается в суд над всеми вейранами.

На Таэроне появились первые движения против общепланетной прозрачности.

Их лидеры говорили:

Треть не должна служить предлогом для создания единого правительства.

Преступление Ариена не должно лишить миллиарды невиновных права на частную жизнь.

Общая валюта может стать ошейником.

Видимые деньги позволят правительству расправиться с любым противником одним-единственным запретом.

Многие из этих возражений были справедливы.

Именно поэтому они были опаснее простой лжи.

Среди тех, кто выступал от имени нового движения на Таэроне, был человек, чьего настоящего имени публика не знала.

Люди слышали лишь его голос.

Он утверждал, что Элариону нужны два пути развития цивилизации.

Один — открытый.

Другой — свободный.

Нерай прослушала первую речь.

Ей хватило трёх фраз, чтобы узнать, кто говорит.

Каэл Торн.

Он изменил тон.

Говорил медленнее.

Назывался другим именем.

Но всё так же отделял власть от ответственности.

— Можно доказать, что это он? — спросила Сайра.

— Нет.

— А анализ голоса?

— Вероятность — не доказательство.

— Ариен говорит, он на Таэроне.

— Ариен много чего говорит.

— Запросить задержание?

Нерай выключила трансляцию.

— Сначала надо знать, за что именно.

— Он помог финансировать Треть.

— У нас есть доказательства того, как шли деньги. Мы знаем, что на последних этапах он пытался всё остановить. Но у нас нет доказательств, что он знал масштаб.

— Он открыл дверь.

— Да.

— А теперь говорит о свободе.

— Даже виновный человек может высказать справедливое возражение.

Сайра посмотрела на неё.

— Ты сейчас говоришь как Есаир.

— Нет.

Нерай снова открыла запись.

— Он сказал бы лучше.

Конвент созвали в первую годовщину дня, когда число погибших достигло трёх миллиардов.

Местом встречи стала Нитра.

Тот самый зал, где много лет назад Есаир сказал, что ценность не должна ходить в тени.

Перед зданием возвели стену имён.

Не всех.

Три миллиарда имён невозможно уместить в одном месте.

Поэтому каждый день стена показывала новую часть списка.

До повторения проходили годы.

В день открытия Конвента на стене светились имена жителей Ауриолы.

Среди них:

Есаир Давион.

Марея Лиорен.

Нерай пришла до восхода.

Поставила перед стеной тёмно-синий сосуд.

Но не оставила его там.

Через некоторое время взяла обратно.

Есть вещи, которым не место у памятников.

Они принадлежат живым, которым ещё предстоит довести их историю до конца.

38. Конвент после Трети

Перед входом в зал Нерай послушала отрывок утренних новостей. Женщина, державшая после Трети общественную столовую, хотела знать, кто сможет следить за общими деньгами. Владелец маленькой ремонтной мастерской опасался, что новая система увидит даже платежи его клиентов. Оба потеряли близких. Но смотрели на проект по-разному.

— Сегодня предстоит решить и то, где проляжет граница между публичной властью и частной жизнью, — сказала ведущая. — Многим эта граница по-прежнему неясна.

Нерай выключила трансляцию и вошла. Возражение мастера было записано и в её собственных заметках.

Треть мест в зале оставалась пустой.

Никто не высчитывал точное число погибших делегатов.

Так решили устроители.

Каждый третий ряд закрыли.

На сиденьях не было имён.

Только тонкая полоска света.

Когда делегаты расселись, пустые ряды разделили живых, как сама Треть разделила семьи, города и историю.

Нельзя было взглянуть на трибуну, не увидев места, где кого-то недоставало.

У Конвента не было единоличного председателя.

Его возглавил совет представителей государств, гражданских собраний, профессиональных учреждений, родовых советов и Таэрона.

И это тоже было компромиссом.

Никто не хотел, чтобы собранием, созванным ради ограничения власти, распоряжался один человек.

Нерай выступала не как политик.

Она никуда не избиралась.

Не представляла никакого государства.

Она стояла перед Конвентом как руководитель расследования финансовой подоплёки Трети.

Над ней появилось её имя.

Нерай Саэл.

Межгосударственное управление финансовой добросовестности и системных рисков.

Сведения о личной заинтересованности раскрыты в полном объёме.

Она посмотрела на пустые ряды.

И начала.

— Год назад мы дали катастрофе имя.

На стенах высветилось число.

Три миллиарда сто двадцать четыре миллиона.

— Мы назвали её Третью, потому что человеческому разуму нужно одно слово там, где он не в силах вместить миллиарды имён.

Число исчезло.

На его месте появились лица.

Дети.

Женщины.

Мужчины.

Все три ветви.

— Сегодня я не буду говорить о том, что мы потеряли. Такому разговору не было бы конца. Я буду говорить о том, что открыла нам их смерть.

На экране появился финансовый скелет.

— Первая причина, по которой мы должны изменить наши деньги, — пандемия.

Кое-кто в зале шевельнулся.

Некоторые ждали речи о здравоохранении.

Нерай продолжила:

— Треть оплатили не одним платежом. Один платёж кто-нибудь заметил бы. Деньги шли через тридцать валют, сотни обменных операций, через

благотворительные и инвестиционные фонды, лаборатории, юридические исключения и компании с неизвестными конечными собственниками.

На карте загорались отдельные участки.

— Ни искусственный интеллект, ни учёные, ни страховщики, ни перевозчики не видели, куда ведёт их работа. Банки видели платежи, а не план. Государства видели компании, а не людей, за ними стоявших.

Карта соединилась в целое.

— Ненависть может принести один человек. Но проложить ему дорогу или нет — решает цивилизация.

Нерай умолкла.

— Мы ему её проложили.

В зале стояла тишина.

— Если до преступления мы не увидим денег, после него увидим только тела.

На экране появились области, которые отныне предлагалось поставить под автоматический системный надзор.

Биологические и генетические риски.

Крупные вычислительные мощности.

Стратегические лаборатории.

Медицинские данные.

Финансирование политики.

Системы вооружения.

Критически важная инфраструктура.

— Я не требую от системы, чтобы она читала мысли, — сказала Нерай. — Она этого не умеет и не должна делать вид, будто умеет. Я требую, чтобы система заметила, когда соединение денег, технологий, данных, лабораторий и политической власти начинает принимать очертания угрозы.

Представитель одного из государств вейранов попросил слова.

— А кто решит, как выглядят эти очертания?

— Это определят открытые правила.

— Кем составленные?

— Независимым советом, который учредит Конвент. Сам совет будет подотчётен гражданам, профессиональному сообществу и суду.

— Иными словами, ещё одним общепланетным органом.

— Да.

— А если он ошибётся?

— Его решение можно будет оспорить.

— А если он станет орудием правительства?

— Для того он и не должен принадлежать одному правительству.

Мужчина не садился.

— Вы просто переносите централизацию на уровень выше.

— Нет, — ответила Нерай. — В одном месте должна сходиться картина общей проблемы. А вот право принимать решения и право их проверять нужно разделить.

— Одно противоречит другому.

— Нет. У одной карты может быть больше одного владельца.

Мужчина сел.

Нерай открыла вторую часть.

— Вторая причина — автоматизация.

На стенах появились данные о производстве после Трети.

Число работающих.

Производственные мощности.

Потребление.

Решения, принятые автоматически.

— Треть заставила нас за считаные месяцы сделать то, что мы откладывали десятилетиями. Машинам передали производство, перевозки, распределение энергии, бухгалтерию, техническое обслуживание и часть медицинской помощи. Не потому, что мы мечтали о мире без труда. Потому что не хватало людей.

Кривая производства вновь поднялась выше уровня, предшествовавшего Трети.

— И тогда мы увидели, что производство может расти, даже когда рабочих мест не прибавляется.

Появились слова, сказанные Есаиром в Нитре:

Пособие — то, что власть даёт сверху. Доля — то, что принадлежит человеку уже потому, что он часть цивилизации.

Нерай некоторое время смотрела на эти слова.

— Безусловный базовый доход не должен быть наградой за ненужность. Не должен он быть и милостью государства к человеку, которого машины лишили работы. Он должен быть долей в цивилизации, возведённой благодаря знаниям, данным, инфраструктуре и ресурсам, которых ни один нынешний собственник не создал в одиночку.

В зале послышались первые голоса одобрения.

— Чтобы доля была справедливой, мы должны знать, какую ценность создают машины, кому она принадлежит, где возникает прибыль и куда уходит. ББД без прозрачности — пособие, которое власть может рассчитать так, как ей удобно. Прозрачная базовая доля — право, и гражданин может проверить, как рассчитана его доля.

Нерай открыла третью часть.

— Третья причина — коррупция.

На стенах появились государственные заказы.

Больничные модули, купленные втридорога.

Транспортные контракты.

Энергетические проекты.

Субсидии фондам, владельцы которых финансировали политические партии.

— Коррупция. Клиентелизм. Покупка влияния. Разграбление казны. Тайное финансирование политики. Имущественные махинации. Налоговые гавани. Гранты, которые якобы служили общему благу, а на деле укрепляли чью-то частную власть. Переброска средств через разные валюты, острова, фонды и узлы за пределами планеты.

Примеры соединялись друг с другом.

— Всё это процветало во тьме. А мы до того привыкли к темноте, что стали считать её нормой.

На минуту она умолкла.

— Треть показала нам цену этой нормы.

Представительница одного из островных государств встала.

— По вашему проекту все финансовые потоки станут публичными?

— Нет.

— А кто решит, какие станут?

— Это зависит от того, насколько велико их влияние.

— Точной границы это не даёт.

— Точную границу проведёт закон. Небольшой личный платёж останется частным делом. Владение сетью больниц — нет.

— А подарок?

— Личный подарок разумной стоимости останется частным делом. Пожертвование политической партии — нет.

— Инвестиция?

— Если вложение не даёт инвестору значительной власти над жизнью других людей, сведения о нём необязательно открывать всем. Но сам факт вложения не должен оставаться невидимым для надзора.

— Значит, государство будет знать всё.

— Нет.

— А кто же?

— Разные уровни системы будут знать разные части. Никто не сможет увидеть всю жизнь человека без законного основания. Каждое соединение уровней оставит след.

Женщина нахмурилась.

— Точно так вы описывали систему, которая существовала до Трети.

— Нет. До Трети разные уровни так защищали данные, что невозможно было узнать, кто финансирует катастрофу. Новая система должна защищать человека, не становясь защитой для невидимой власти.

Нерай открыла четвёртую часть.

— Четвёртая причина — то, как работают государства.

Появились цифры бюджетного дефицита.

Почти каждый год на протяжении последних тридцати лет большинство государств Эларион расходовали больше, чем собирали.

Долги росли даже в пору экономического подъёма.

Политики обещали экономить.

Потом повышали налоги.

— Наши государства не были бедны, — сказала Нерай. — Они дорого нам обходились.

На экране появились цены на одно и то же медицинское оборудование, купленное разными государствами.

Разница доходила до сотен процентов.

— Бессмысленные траты прятались в бюджетах, которые граждане не могли сравнить. Учреждение уверяло, что заплатило рыночную цену. Но в соседней стране то же самое рынок продавал вдвое дешевле.

Появилась сеть связанных между собой поставщиков.

— Когда каждый платёж из казны виден, дурное решение не затеряется в итоговом отчёте. Его увидят, пока ещё можно вмешаться.

Один из министров Союза возразил:

— Граждане могут неверно истолковать сложную закупку. Самая низкая цена не всегда самая выгодная.

— Поэтому должны быть видны и обоснование, и качество, и результат, — ответила Нерай. — Прозрачность не означает, что каждый гражданин решает судьбу каждого клапана. Она означает, что министр не может настаивать, будто клапан подороже был лучше, если тот через год развалился, а его поставщик финансировал партию министра.

В зале нервно засмеялись.

Министр сел.

— Если неудачные меры становятся видны сразу, налоги собирают почти полностью, а скрытые конфликты интересов устранены, хронический дефицит может смениться профицитом. Не в один день. Сначала мы остановим утечки. Затем — расточительство. Потом снизим налоги. И лишь тогда начнётся рост.

Она открыла пятую часть.

— Пятая причина — налоги.

На экране появилась налоговая спираль.

Выше ставки.

Больше уклонений.

Уже налоговая база.

Ставки повышаются снова.

— Крупные государства поднимали налоги, потому что часть ценности перетекала в малые государства, где её не создавали. Чем выше были налоги, тем выгоднее было уходить от них. Чем больше людей уходило, тем больше приходилось платить тем, кто остался.

Появилась карта островных налоговых убежищ.

— Большую часть ценностей, которые эти государства показывали в отчётах, создали не они. Они создали правовое пространство, где ценность облагалась меньшим налогом и теряла собственника.

Представитель Теринита встал.

— Наши услуги были законны.

— Да.

— Наши клиенты пользовались правами, которые предоставляли им договоры.

— Да.

— Значит, вы вините их за то, что они поступали разумно.

— Нет. Я говорю, что мы создали систему, в которой было разумно вредить обществу.

Мужчина ненадолго умолк.

— Вы хотите отменить налоговую конкуренцию.

— Я хочу лишить людей возможности утверждать, будто прибыль создана на острове, где нет ни станков, ни работников, ни покупателей.

— Капитал уйдёт на Таэрон.

— Тогда должно быть видно, кому он принадлежит, где возник и чем пользуется.

— Таэрон может не принять ваших правил.

— Может.

— И что тогда?

— Тогда возникнут две хозяйственные зоны. Одна, в которой большая власть оставляет видимый след. И другая, в которой не оставляет.

— Люди выберут свободу.

— Возможно.

Нерай посмотрела на него.

— Но они уже будут знать, что выбирают.

Она открыла шестую часть.

Над Конвентом появились знаки тридцати валют.

— Шестая причина — валютная раздробленность.

Дарен Волтр чуть шевельнулся.

Нерай продолжала:

— До Трети мы говорили, что благодаря тридцати валютам государства могут учитывать местные условия. Это была правда. Но это были и тридцать способов менять стоимость сбережений, скрывать прибыль, перебрасывать долги и отделять цену от того, кому придётся её заплатить.

Появились расходы на обмен валют.

Страхование валютных рисков.

Задержки.

Резервы капитала.

Двойная и тройная бухгалтерия.

— Предприятия содержали целые отделы, чтобы защищать торговлю от валют, призванных её облегчать. Маленькая фирма платила за международную операцию больше крупного консорциума: у неё не было доступа к тем же курсам и инструментам.

На экране появился элар.

— Элар — дитя пандемии. Он возник не как политический проект, а как способ купить фильтры, лекарства и еду, когда старые системы не могли перевести деньги достаточно быстро.

Нерай вывела на экран открытые сведения о резервах Моста.

— Достоинство элара не только в том, что он общий. Люди видели его обеспечение, комиссии, курс, путь платежа и каждого, кто его останавливал.

Дарен Волтр попросил слова.

— Элар пока обеспечен старыми валютами.

— Да.

— Если их отменить, что станет его обеспечением?

— Производство, налоговые поступления, энергетические мощности и имущество общей системы.

— Иначе говоря, доверие к планетарным учреждениям.

— Любая валюта — это доверие к какому-то учреждению.

— Разница в том, что сегодня гражданин может уйти из одной валюты и выбрать другую.

— У большинства граждан нет таких средств, которые можно было бы переводить из валюты в валюту. Свобода выбирать валюту была прежде всего свободой тех, у кого хватало средств уклониться от последствий решений собственного государства.

Волтр встал.

— И всё-таки она служила противовесом. Единую валюту можно разом обратить против каждого человека на планете.

— Да.

Такого ответа не ожидал даже он.

Нерай продолжила:

— Единая валюта может стать основой процветания. Но и основой самой совершенной тирании из всех, что мы создавали.

В зале воцарилась полная тишина.

— Потому мало сделать видимыми деньги гражданина. Видимой должна стать власть над деньгами.

На экране появилась схема надзора.

Операционный уровень.

Контрольный уровень.

Судебный уровень.

Гражданский аудит.

Общедоступная цепочка проверки записей.

— Тот, кто обеспечивает обращение валюты, не вправе сам решать, кого проверять. Надзорный орган не вправе сам менять записи. Суд не вправе открывать

данные, не зафиксировав законного основания. И ни одно из этих учреждений не вправе стереть след собственных действий.

Волтр смотрел на схему.

— А преступник? — спросил он. — Он тоже увидит, что его проверяли?

— Да.

— И успеет спрятать остальные улики?

— Он увидит, что проверка состоялась. Это не значит, что в тот же миг ему обязательно сообщат каждый оперативный вывод. Но запись о доступе не может оставаться тайной вечно, и удалить её должно быть невозможно.

— Ваше предложение расходится с предложением Есаира.

— Нет. Есаир сказал, что даже преступник должен видеть, кто за ним наблюдал. Он не говорил, что следствие обязано заранее объявлять о каждом своём шаге.

Волтр всё ещё стоял.

— А что помешает самой системе открыть тайный доступ в обход записи?

— Её техническое устройство.

На стенах появилась схема движения данных.

— Каждое обращение к защищённым данным создаёт подписанную запись. По ней вычисляют криптографический отпечаток. Отпечатки всех существенных изменений и обращений раз в несколько минут передают в распределённую цепочку проверочных записей.

— В блокчейн, — сказал кто-то с задних рядов.

— Да, — ответила Нерай. — Но он не заменит истины. Хеш не доказывает, что исходные сведения были верны. Он позволяет убедиться, что их впоследствии не подменили незаметно. За достоверность отвечают подпись источника, перекрёстная проверка и аудит.

Волтр снова сел.

Нерай оглядела Конвент.

— Какие бы решения мы ни приняли сегодня, технологии наблюдения будут совершенствоваться. Мы можем сделать вид, что запретим их, и позволить применять их тайно. А можем добиться, чтобы каждый глаз, наблюдающий за гражданином, сам оставался на виду.

Появилась последняя фраза:

С правом видеть должна быть неразрывно связана обязанность быть видимым.

В этот миг связь Конвента прервалась.

Не вся.

Только один канал.

На стенах появился знак движения с Таэрона.

Потом раздался голос.

Голос Каэла.

— Вы описываете стеклянную клетку, — сказал он. — Все будут видеть прутья, а вы назовёте это свободой.

Системы охраны попытались оборвать трансляцию.

Нерай подняла руку.

— Пусть говорит.

По залу прошёл недовольный гул.

Каэл продолжил:

— Одна валюта. Одна система налогообложения. Одна финансовая карта. Один планетарный разум, который решает, в чём риск. Вы утверждаете, что разделите власть между советами, судами и гражданскими аудиторами. Но все они будут пользоваться одной и той же системой.

Нерай посмотрела прямо в камеру.

— Каэл Торн.

Голос ненадолго смолк.

Потом послышался смех.

— У вас нет доказательств.

— Нет.

— И всё-таки вы называете меня публично.

— Я назвала голос.

— Так будет выглядеть ваш прозрачный мир? Аналитик назовёт имя, а толпа довершит остальное?

— Нет. Потому я и не выношу вам приговор. Я спрашиваю вас.

— О чём?

— Как много вы знали?

В зале не слышалось ни шороха.

Каэл ответил не сразу.

— Достаточно, чтобы теперь понимать: я должен был предотвратить больше.

— Это не ответ.

— Другого вы не получите.

— Вы помогли Ариену открыть путь деньгам.

— Многим людям я помогал открывать путь деньгам.

— Почему ему?

— Потому что я боялся мира, который предлагал ваш брат.

— А теперь боитесь ещё сильнее?

— Теперь у меня есть доказательство, что я боялся не зря.

Нерай всматривалась в пустой экран, откуда доносился голос.

— Считаете Треть доводом против прозрачности?

— Я считаю её доводом против сосредоточения власти. Ариен использовал познания в биологии, финансовые сети и автоматизированные системы. Вы хотите соединить все три в одном планетарном слое.

— И сделать эти связи видимыми.

— Видимость не предотвратит злоупотреблений.

— Не предотвратит.

— А что предотвратит?

— То, что злоупотребление перестанет быть тайной одного лишь хозяина системы.

Каэл засмеялся.

— Это вера.

— Да.

Ответ прокатился по залу, как беззвучный удар.

— Любой общественный порядок держится на вере в то, что люди хоть иногда будут соблюдать правила. Разница в том, смогут ли они скрыть нарушение.

— Мы на Таэроне ваших правил не примем.

— Это ваше право.

— Значит, позволите нам уйти?

— Если вы не будете финансировать насилие, увозить имущество, которое вам не принадлежит, или скрывать доходы от нашей общей инфраструктуры.

— Значит, свобода с условием.

— Всякая свобода кончается там, где начинается счёт, который предстоит оплатить другому.

Каэл умолк.

Потом сказал:

— Однажды граждане станут бояться вашей системы сильнее, чем людей, от которых она должна была их защитить.

— Возможно.

— И что тогда?

— Тогда у них должна быть власть её изменить.

— При единой валюте?

— При открытом конституционном строе.

— Иначе говоря, в едином государстве.

Нерай помолчала.

Этих слов Конвент ждал.

Одни — с надеждой.

Другие — со страхом.

— Сегодня я не предлагаю создать единое государство, — сказала она. — Я предлагаю сделать так, чтобы общие проблемы были видны всем, а общая власть была всем подотчётна.

— Так начинается единое государство.

— Возможно.

— Так скажите это вслух.

Нерай посмотрела на сорок делегаций.

На пустые ряды.

На место, где когда-то сидел Есаир.

— Если однажды Эларион станет единым государством, пусть это случится не потому, что кто-то его завоевал. И не потому, что одна валюта одолела другие. Пусть это случится потому, что люди обнаружат: их жизни давно связаны теснее, чем их правительства.

Каэл не ответил.

Связь прервалась.

На этот раз он отключился сам.

Конвент заседал ещё двадцать три дня.

Он принял не всё, что предложила Нерай.

Базовую долю утвердили, но её величину по-прежнему определяла стоимость жизни в каждом регионе.

Мосту предстояло перестать быть частной компанией и перейти в собственность общепланетного общественного фонда.

Элар стал законной расчётной единицей для межгосударственных налогов, государственных платежей, выплаты базовой доли и торговли с Таэроном.

Старые валюты сохранились.

Пока что.

Конвент постановил: конечный собственник любой компании, фонда или благотворительной организации, обладающих значительным экономическим или политическим влиянием, должен быть известен.

Каждое обращение к защищённым финансовым сведениям должно было оставлять неизгладимый след.

Каждому исключению из правил полагалось иметь автора, законное обоснование и срок действия.

Каждое правило автоматической оценки риска должно было быть открыто для общественной проверки.

Конвент учредил общепланетный конституционный комитет.

Не правительство.

Пока ещё нет.

Когда Нерай уходила с последнего заседания, у выхода её ждал Дарен Волтр.

— Вы победили, — сказал он.

— Нет.

— Элар стал законной расчётной единицей.

— Одной из них.

— Мост больше не принадлежит частной группе.

— Это было необходимо.

— Общепланетная система налогообложения.

— С ограниченными полномочиями.

Волтр посмотрел на неё.

— Знаете, что в вас опаснее всего?

— Нет.

— В ваших словах каждый шаг кажется меньше, чем он есть на самом деле.

Нерай взглянула на стену имён перед зданием.

— А в ваших словах каждый шаг — последний.

— Потому что я знаю, куда они ведут.

— Куда?

Волтр указал на Нитру.

— К столице планеты.

Нерай посмотрела на реку.

— Может быть, планете нужно место, где ей придётся взглянуть на саму себя.

39. Один элар

Старые валюты исчезли не по итогам голосования.

Их судьбу решило то, чем люди платили.

Сначала от них отказались крупные поставщики, работавшие в нескольких странах.

Не потому, что их запретил Конвент.

С эларом было проще.

Одна цена.

Один расчёт.

Одна открытая комиссия.

Без страхования валютных рисков.

Без двухдневного ожидания.

Без вопроса, сколько потеряет перевод по дороге от отправителя к получателю.

Потом выплаты в эларах стали требовать те, кто работал на компании в нескольких странах.

Они не хотели, чтобы ценность их зарплаты зависела от решения правительства страны, в которой они даже не жили.

Торговцы указывали цены в двух валютах.

Позже — только в эларах.

Местные валюты оставались на счетах, в законах и в старых договорах.

Но в повседневности они всё больше напоминали языки, на которых ещё записывали обряды, но уже не просили хлеба.

Последние две крупные валюты отказались от самостоятельного курса после экономического кризиса, который сами же вызвали.

Их центральные банки попытались поддержать экспорт, снизив курс.

Но предприятия покупали энергию и сырьё за элары.

Их издержки выросли.

Граждане перевели сбережения.

Курс обвалился.

То, что прежде помогало государству перекладывать часть беды на граждан, уже не действовало в мире, где каждому была доступна общая мера ценности.
Через семь лет после Трети элар остался единственной законной валютой Элариона.

Никто не назначал дня, в который это должно было произойти.

Последнее государство приняло закон.

Последний банк перестроил учёт.

Для последней старой валюты установили твёрдый курс обмена.

Вот и всё.

Последовавший экономический подъём удивил даже сторонников реформы.

Его принесла не сама валюта.

Он стал возможен благодаря тому, сколько преград с её появлением исчезло.

Предприятию больше не приходилось вести тридцать бухгалтерий.

Маленькая фирма могла продавать на другом краю планеты, не заводя валютного отдела.

Инвесторы сравнивали проекты по реальной доходности, а не по выгоде от разницы курсов.

В государственных закупках цены стали сопоставимы.

Налоговые службы видели одну и ту же базу.

Налог на прибыль уплачивался там, где создавалась ценность.

Ставки постепенно снижались.

Сначала — для людей с низкими и средними доходами.

Потом — для предприятий.

Государства обнаружили, что низкий налог, собранный почти со всего, приносит больше, чем высокий, от которого уходит половина крупного капитала.
Налоговые убежища пытались выжить.

Предлагали ставки ещё ниже.

Потом — полное освобождение от налогов.

Потом — тайные реестры вне планетарной сети.

Но компания с неизвестным владельцем не могла принимать крупные платежи в эларах, претендовать на госзаказ или владеть стратегической инфраструктурой.

Хранить тайну по-прежнему было можно.

Но уже невыгодно.

Некоторые островные государства рухнули.

Другие перестроились.

Они привлекли своих образованных юристов, управляющих и финансистов к аудиту новой системы. Места, где прежде торговали тьмой, стали центрами проверки.
В этом была ирония, но Нерай не считала это наказанием.

Человека не обязано всю жизнь определять то, чем он когда-то жил.

Бюджетные дефициты исчезли не сразу.

После Трети нужно было восстанавливать целые края.

Уход за выжившими стоил дорого.

Базовая доля росла.

Города перестраивали инфраструктуру для мира, в котором становилось меньше человеческого труда и больше автоматизации.
Но утечки сокращались.

Коррупционные цепочки укорачивались.

Завышенную стоимость проектов обнаруживали ещё до подписания договоров.

Искусственный интеллект сопоставлял цены, качество и связи между собственниками.

Он не запрещал принимать решения.

Он предупреждал.

Если, несмотря на предупреждение, правительство выбирало поставщика подороже, оно имело на это право.

Но должно было объяснить почему.

Публично.

Назвав имя того, кто отвечал за решение.

Система не искоренила глупость.

Она отчасти лишила её укрытия, которое давала темнота.

Через десять лет у большинства государств бюджет сводился с профицитом.

Не каждый год.

Гарантировать его при любых обстоятельствах было невозможно.

Но рухнуло прежнее убеждение, будто государство обречено вечно жить в долг.

Часть излишков направляли на базовую долю.

Часть — в резервы.

Часть — на приобретение автоматизированных систем в общую собственность.

Люди могли работать.

Заниматься предпринимательством.

Творить.

Растить детей.

Учиться.

Помогать другим.

Но их право на кров, еду и необходимый уход уже не зависело от того, найдётся ли покупатель на их время.

Базовая доля решила не всё.

Некоторые потеряли смысл жизни.

Другие замкнулись в мире развлечений, которые создавали машины.

Люди спорили, должно ли общество поддерживать тех, кто ничего не даёт взамен.

У Нерай не было простого ответа на эти вопросы.

Есаир когда-то сказал, что человека делает ценным вовсе не то, что он нужен машине.

Но это не значило, что человек может обойтись без чувства, что нужен другому человеку.

Вот почему школы перестали готовить детей только к профессии.

Их учили строить отношения, нести ответственность, решать общие дела и различать желание и потребность.

Труд не стал ненужным.

Он перестал быть единственным доказательством права на существование.

Изменилась и война.

Поначалу медленно.

Прозрачные деньги не умели распознавать ненависть.

Они не могли помешать человеку мечтать о том, чтобы захватить чужую землю, наказать соседей или свести старые счёты.
Но подготовку они позволяли увидеть.

Оружию нужны были производители.

Производителям — сырьё.

Для сырья — энергия.

Армиям — припасы.

Наёмникам — жалованье.

Транспортным коридорам — страховка.

Пропаганде — владельцы средств массовой информации.

Большую войну нельзя было подготовить в одном только сердце.

Она должна была войти в хозяйственную жизнь.

А там она оставляла след.

Когда одно южное государство стало тайно скупать детали навигационных систем, пригодные для боевых модулей, система предупредила и правительства других стран, и его собственных граждан.
Власти утверждали, что обновляют гражданскую технику.

Люди видели количество деталей, поставщиков и шедшие одновременно закупки топлива.

Оппозиция потребовала объяснений.

Союзники предложили провести проверку.

Проект остановили прежде, чем появился флот.

В другом случае прозрачность не предотвратила конфликта.

Два региона спорили из-за водных ресурсов и открыто перебрасывали силы безопасности.

Мир видел приготовления.

И именно потому уже нельзя было утверждать, будто нападение стало неожиданностью.

Планетарный совет вмешался заранее.

Без тайной дипломатии.

Он созвал открытые переговоры, на которых каждая сторона увидела, во что ей обойдётся продолжение противостояния.

Конфликт закончился соглашением.

Не потому, что люди стали лучше.

Потому что тайный замысел лишился своего преимущества.

Постепенно сложилась общая оборона.

Сперва — защита орбитального кольца.

Затем — Таэрона.

Позже — контроль над стратегическими вооружениями.

Государства сохранили собственные силы безопасности, но вести большую войну в одиночку, без общей инфраструктуры, уже не могли.
За валютой, налогами и обороной пришёл черёд права.

Предприятие, работавшее по всей планете, не могло подчиняться сорока судам, противоречившим друг другу.

Нельзя было давать гражданину право видеть действия власти в одном регионе и лишать его этого права в другом.

Базовая доля не могла стать общим правом без общего конституционного основания.

Планетарный конституционный комитет работал двенадцать лет.

Первый проект отклонили.

Второй тоже.

Третий разделил полномочия между планетарными органами, регионами, государствами и городами.

Одна планета.

Одна валюта.

Одна оборона.

Одна основополагающая хартия прав.

Но сорок правовых традиций.

Десятки языков.

Сотни форм местного управления.

Государства не прекратили существования.

Они перестали быть последней инстанцией власти.

В день принятия конституции представители государств собрались в Нитре.

Некоторые плакали.

Другие голосовали против.

Несколько делегаций вейранов покинули зал, не дожидаясь результата.

Многие их сторонники уже жили на Таэроне.

Общую финансовую систему они отвергали.

Утверждали, что даже там, где органы власти следят друг за другом, со временем воцарится тирания.

Они основали собственные поселения и банки, установили свои законы.

Эларион не принуждал их возвращаться.

Но между планетами легла граница, которой прежде не было.

Между планетами легла граница, не имевшая отношения к биологии.

Не определяли её и расовые различия.

Это была граница между цивилизациями.

На Эларионе большая власть обязана была оставлять видимый след.

На части Таэрона тайну считали условием свободы.

Миры продолжали торговать.

С недоверием.

По правилам.

С вопросом, на который ещё не было ответа.

Сколько места общество может оставить для частной жизни, чтобы в ней снова не зародилась невидимая власть?

Каэл Торн остался на Таэроне.

По делу о Трети его так и не осудили окончательно.

Доказательства подтвердили, что он финансировал сети Ариена и пытался остановить проект на последних этапах. Но так и не установили, как много он знал, когда открывал первые пути.

Для одних он был преступником, избежавшим наказания.

Для других — человеком, вовремя понявшим, чем опасна единая система.

Сам он по-прежнему верил, что однажды история его оправдает.

Ариену Корвету вынесли обвинительный приговор.

Суд длился семь лет.

Показания дали сотни учёных, управляющих, банкиров, юристов и родных погибших.

Суд отклонил его довод о законности каждой части проекта.

Он постановил: кто сознательно соединяет законные части в преступное целое, тот отвечает за целое.

Ариена не казнили.

Смертной казни Эларион не знал.

Остаток жизни он провёл в учреждении, где каждый расход, каждая проверка и каждое решение, касавшиеся его, фиксировались так же, как и в случае любого другого гражданина.

Он тоже видел, кто обращался к его данным.

Он тоже мог оспорить неправомерный доступ.

Многие считали это чрезмерным милосердием.

Нерай — нет.

Система, которая защищает права лишь невиновных, защищает не права.

Она защищает тех, кто в милости.

Двадцать лет спустя после Трети Нерай стояла перед зданием планетарного собрания.

Она стала старше.

Волосы её посеребрились.

В глазах по-прежнему не было золотого кольца.

Нитра изменилась.

Над старым городом поднялись новые административные башни. По реке бесшумно ходили общественные транспортные модули. Бывшие здания центральных банков превратили в архивы истории денег.

Здесь дети узнавали, что когда-то на Эларионе было тридцать валют.

Многим это казалось непостижимым.

— Почему? — спрашивали они.

Учителя рассказывали им о суверенитете и валютных курсах, девальвации и налоговой конкуренции, о защите местного хозяйства.

Дети слушали с тем же изумлением, с каким прежние поколения слушали рассказы о временах, когда в каждой стране были свои меры веса и длины.

Нерай подошла к стене имён.

На ней по-прежнему появлялись имена жертв Трети.

За прошедшие десятилетия список уже успел начать новый круг.

Сегодня на стене не было Есаира.

И Мареи тоже.

Нерай поставила тёмно-синий сосуд на землю.

На этот раз она оставила его там.

На её личном экране появилось уведомление.

Планетарный исторический архив открыл материалы расследования Трети.

Цель — подготовка образовательной выставки.

Ответственное лицо — Ларен Саор.

Объём доступа — финансовая карта доказательств без защищённых персональных данных.

Нерай посмотрела на уведомление.

В прежнем мире она, возможно, никогда и не узнала бы, что кто-то открыл составленное ею дело.

В новом она видела и имя, и цель, и объём доступа.

Она могла его оспорить.

И не стала.

Над Нитрой начинало смеркаться.

На здании собрания светился знак Элариона.

На здании собрания светился новый знак планеты.

Он не напоминал ни о Союзе, ни о каком-либо другом из прежних государств.

Сорок линий сходились в один круг.

Критики говорили, что знак означает поглощение.

Его создатели — что единение.

Нерай видела в нём и то и другое.

Всякое единство что-нибудь спасает.

И чему-нибудь кладёт конец.

Эларион стал единым государством не потому, что его жители перестали различаться.

Он стал им потому, что со временем они перестали делать вид, будто важное решение одного не затрагивает остальных.

Деньги одного человека могли оплатить исследование.

Исследование — дать жизнь лаборатории.

Лаборатория — болезни.

Болезнь — принести смерть всей планете.

Но те же деньги могли пойти на лечение.

На машины.

На базовую долю.

На восстановление городов.

На мир, в котором власть должна была показать себя, прежде чем просить других ей довериться.

Прозрачность не сделала людей добрыми.

Не избавила их от гнева.

От гордыни.

От желания обладать.

От страха потерять.

И от способности уверить себя, будто собственная рана и есть справедливость.

Она сделала только одно.

Большой власти стало труднее ходить, не отбрасывая тени.

Нерай коснулась тремя пальцами холодной поверхности сосуда.

Сама не зная зачем.

Жест вышел естественным.

Слишком естественным.

На миг ей показалось, что её коснулось воспоминание, не вполне ей принадлежащее.

Другая планета.

Другое солнце.

Сад.

Мужчина и женщина, которые встретятся вновь, пусть даже под другими именами.

Потом чувство исчезло.

Нерай повернулась к городу.

За её спиной осталась стена мёртвых.

Перед ней был мир живых.

Одна планета.

Одно государство.

Память сорока земель.

И ценность, которая больше не смела ходить в тени.

40. Вес власти

Камень весил тридцать одну тонну.

Две недели назад его доставили с Таэрона, и с тех пор он лежал посреди исследовательского зала в Арде. Учёные выбрали глыбу, которая по своим физическим свойствам ничем не выделялась. Им нужен был предмет, чтобы результат нельзя было объяснить особенностями материала.

Вокруг камня стояли три металлических кольца.

Каждое — около пяти метров в диаметре. Поверхность каждого делилась на сотни узких сегментов. Между сегментами проходили проводники, охлаждённые до температуры намного ниже окружающей. По полу к кольцам тянулись толстые жгуты силовых кабелей.

За защитной перегородкой ждали человек сорок.

Физики.

Техники.

Представители университетов.

Планетарный совет по технологическим рискам.

Двое военных аналитиков.

И Нерай Саэл.

Со времён Трети прошло много лет. Нерай уже не вела изо дня в день расследования финансовых операций. Но с её именем по-прежнему связывали правила, благодаря которым после Конвента Мост постепенно превратился из платёжной сети в один из основных источников сведений о хозяйственной жизни планеты.

Потому её и приглашали всякий раз, когда с появлением нового изобретения вставал вопрос, на который техники сами не могли ответить.

Кому будет дозволено этим владеть?

Руководитель эксперимента Оран Сел стоял у пульта.

— Нагрузка на пол?

— Тридцать одна целая четыре десятых тонны, — ответил лабораторный ИИ.

— Питание?

— Готово.

— Синхронизация?

— Отклонение ниже порога измерения.

Оран повернулся к людям за стеклом.

— Сейчас вы увидите четвёртый опыт. На первых трёх присутствовали только сотрудники лаборатории. Мы не обнародовали результат, пока его не воспроизвели две независимые лаборатории.

Он вернулся к пульту.

— Включи поле на десять процентов.

На экране появилось значение нагрузки на пол.

Тридцать одна тонна.

Тридцать.

Двадцать восемь.

Двадцать пять.

Камень не шелохнулся.

При двадцати процентах прибор показывал семнадцать тонн.

При тридцати — девять.

В зале стояла полная тишина.

Оран поднял мощность до сорока процентов.

Показание упало ниже одной тонны.

Потом — почти до нуля.

Камень оторвался от пола.

Сперва на несколько миллиметров.

Ещё мгновение — и просвет достиг пяти сантиметров.

Оран передвинул регулятор.

Тридцать одна тонна таэронской породы поднялась на метр.

Нерай неприятно свело плечи. Умом она понимала, что камень держит поле. Тело видело глыбу, повисшую над полом, и ждало, что она рухнет.

— Вы можете сдвинуть его в сторону? — спросил один из членов совета.

Оран кивнул.

Камень медленно поплыл вправо.

Потом обратно.

Он плыл так спокойно, что это казалось нелепым. Ещё несколько лет назад, чтобы сдвинуть такую глыбу с места, понадобилась бы тяжёлая транспортная техника. Теперь она пересекала зал со скоростью пешехода.

Оран убавил мощность.

Камень плавно опустился.

Когда он коснулся пола, по залу прокатился глухой гул.

— Его масса осталась прежней? — спросила Нерай.

— Да.

— Что же вы изменили?

Оран помедлил, подбирая слова.

— Если говорить совсем просто, мы изменили характер взаимодействия вещества с местным гравитационным полем. Камень всё это время сохранял и инерцию, и внутреннюю структуру. Но при полной силе поля земля его почти не притягивала.

— Почти?

— Достичь нуля нам пока не удалось.

Нерай снова посмотрела на камень.

— А удастся?

Оран улыбнулся.

— Ради таких вопросов и существует наука.

За несколько часов весть об эксперименте облетела Эларион.

Больше всего заговорили о транспорте.

Модели энергозатрат тут же рассчитали, во сколько обойдётся вывод груза на орбиту, если на первом этапе полёта можно будет ослабить действие силы тяжести.

Строительные компании взялись за чертежи конструкций, которые можно было бы целиком собирать на земле, а потом поднимать и ставить на место.

На рудниках Таэрона увидели возможность вывозить столько породы, сколько прежде не вывозили из-за того, что перевозка обходилась дороже самой добычи.
В городах заговорили об общественном транспорте нового поколения.

Космические инженеры подняли из архивов проекты, которые десятилетиями лежали без движения, потому что не окупались.
Несколько дней казалось, что Элариону досталось одно из тех изобретений, которые делят историю на «до» и «после».
Потом пришло второе сообщение.

Его уже не обнародовали.

Оно появилось в одном из университетов при моделировании рисков.

Учёные исследовали, как поведут себя гравитационные поля отдельных колец, налагаясь друг на друга. Они ожидали, что эффекты будут примерно складываться.
Но расчёты выявили другое свойство.

При очень точной синхронизации поля начинали усиливать друг друга нелинейно.

Двое физиков поначалу сочли это ошибкой.

Они запустили модель заново.

Потом — на другой вычислительной системе.

Наконец попросили коллег независимо проверить расчёты.

Результат не изменился.

Оран Сел получил сообщение в три часа ночи.

В пять он потребовал экстренно созвать Планетарный совет.

Нерай пришла вскоре после семи.

На стене висела карта Элариона.

Посреди неё светился круг почти в четыреста километров поперёк.

— Что это? — спросила она.

Оран стоял у окна. По виду его можно было решить, что он вовсе не ложился.

— Область действия.

— Какого действия?

— Полного.

Нерай ждала.

Оран открыл физическую модель.

— Один генератор может ослабить гравитационное взаимодействие в сравнительно небольшом объёме. От нескольких генераторов мы ожидали либо большей области действия, либо более сильного эффекта. Оказалось, что при точном расположении и синхронизации между ними образуется устойчивая область, где гравитационное взаимодействие может ослабнуть почти до нуля.

Нерай указала на круг.

— Во всей этой области?

— Если верить модели, да.

— Как она велика?

— В этом конкретном расчёте — триста восемьдесят километров в диаметре.

Нерай посмотрела на него.

— Вы хотите сказать, что можете выключить гравитацию над территорией размером с целую страну?

Оран тотчас покачал головой.

— Я говорю, что законы физики, судя по всему, это допускают. У нас такого устройства нет.

— А построить его можно?

Оран повернулся к одному из присутствующих.

Это был главный технический аналитик проекта.

— При нынешнем уровне техники — да, — сказал он.

С этим ответом в комнате всё переменилось.

— Сколько потребуется времени? — спросила Нерай.

— Если у кого-то под рукой есть всё необходимое, может быть, два-три года.

— Что значит «всё необходимое»?

На стене появился список.

Двадцать четыре гравитационных излучателя.

Шесть фазовых синхронизаторов высшего класса.

Большой запас сверхпроводящего метаматериала.

Три независимых накопителя энергии, способных за короткий срок отдать импульс чрезвычайно высокой мощности.

Несколько специализированных производственных линий.

Точная гравиметрическая карта местности.

Вычислительные мощности, какими обладали всего несколько десятков центров на планете.

И целая сеть технических работников очень узких специальностей.

Нерай медленно читала список.

— Что произойдёт, если кто-нибудь в самом деле это включит?

На этот раз ответил Оран.

— Смотря какой формы будет поле, на какую высоту распространится и как долго продержится.

— Худший из правдоподобных вариантов.

Оран сел.

— Люди и предметы, которые ничем прочно не закреплены, потеряют почти всякую связь с поверхностью. Вода начнёт вести себя совершенно иначе. Воздух в этой области придёт в стремительное движение. Транспорт потеряет сцепление с поверхностью. Если поле продержится дольше, скажется ещё и вращение планеты.

На карту легли новые слои.

Города.

Реки.

Энергосети.

Транспортные узлы.

— Сама земля не улетит в космос, — продолжал Оран. — Горные породы удерживают вместе и другие силы. Но от гравитационного равновесия зависит огромное множество систем. Если над населённой территорией внезапно возникнет такое поле, жертв может быть очень много.

— А когда его отключат?

— Гравитация вернётся.

Что будет дальше, Нерай поняла раньше, чем он успел сказать.

Всё, что за время действия поля оторвалось от земли, начнёт падать.

— Сколько людей живёт в этом круге? — спросила она.

— В этой модели — одиннадцать миллионов.

Больше вопросов никто не задавал.

Следующие шесть дней технический совет пытался выяснить, можно ли сделать так, чтобы открытый эффект остался за пределами практической досягаемости.
Ответ был неприятным.

Технология была сложна, дорога и требовала нескольких устройств, которые производили лишь в считаных местах. Но сам физический принцип был слишком общим, чтобы его можно было навсегда сохранить в тайне.
Время работало против тайны.

Если явление открыла одна лаборатория, со временем его откроет другая.

Если его сумел смоделировать один ИИ, рано или поздно к нему придёт и другой.

На Эларионе давно поняли, что нельзя запереть научное знание в одной комнате и рассчитывать, что оно останется там на несколько поколений.
Так вопрос перестал быть делом одних физиков и встал перед обществом.

На чрезвычайном заседании собрались представители производителей, университетов, энергосистем, органов безопасности, гражданских советов и Моста.
Среди них сидел Дарен Волтр.

Он постарел. Но медицина Элариона ушла так далеко, что преклонный возраст уже давно не означал непременного ухода из общественной жизни.
Когда ему дали слово, он обратился к Орану.

— Сколько отдельных вещей надо купить или изготовить, чтобы это стало возможным?

— Тысячи.

— Сколько из них есть в свободном доступе?

— Большинство.

— Значит, запретом отдельных компонентов ничего не решить.

— Именно.

— А сколько незаменимых?

Оран открыл список.

— Смотря что понимать под незаменимостью. Если речь о том, без чего мы сегодня не умеем построить такую систему, получается около семнадцати технических условий.

— Семнадцать изделий?

— Условий. Некоторые из них — изделия. Другие — возможность наладить производство, доступ к энергии, кадрам или вычислительным мощностям.

Волтр кивнул.

— И сколько организаций на Эларионе могут выполнить все семнадцать?

Оран помолчал.

— Этого я не знаю.

Нерай подала голос со своего места.

— Мост знает.

Все повернулись к ней.

Волтр чуть улыбнулся.

— Ну конечно.

Этот его тон Нерай хорошо знала.

— Вы хотите получить ответ или поспорить о том, почему он у нас есть?

— И то и другое.

— Тогда сначала ответ.

Перед Нерай развернулась рабочая панель Моста.

— Передайте нам технические условия.

Оран нахмурился.

— Мы не можем целиком вводить их в финансовую систему.

— Этого и не требуется. Нам нужно их экономическое выражение.

— То есть?

Нерай указала на первую строку.

— Сколько фазовых синхронизаторов?

— Шесть.

— Кто их производит?

На стене появились названия трёх компаний.

— Сколько гравитационных излучателей?

— Этого класса — минимум двадцать четыре.

Появились производители и данные об их мощностях.

— Энергия?

Оран назвал требуемый диапазон.

Мост показал электростанции, накопители и промышленные сети, способные дать такой импульс.

— Метаматериал?

Следующий слой.

— Вычисления?

Ещё один.

— Высокоточное производство?

И ещё.

— Специалисты?

Тут Нерай остановилась.

— Когда речь идёт о людях, возьмём только сводные сведения о доступности специалистов нужной квалификации. Имена останутся закрыты.

Волтр поднял бровь.

— Хоть что-то.

Нерай продолжила.

Мост шаг за шагом сводил условия воедино.

Он не составлял списка подозреваемых.

Он составлял карту возможностей.

Система знала, кому принадлежат крупные промышленные предприятия.

Знала мощности, о которых компании отчитывались публично и которые можно было сверить по их закупкам, расходу ресурсов и объёму продукции.
Знала крупные контракты на энергоснабжение.

Знала, кто финансирует исследовательские центры.

Знала, откуда приходит капитал.

Знала об аренде заводских корпусов, крупных закупках сырья, заказах на специальные станки и перемещениях оборудования между Эларионом и Таэроном.

До Трети эти сведения хранились бы порознь в десятках банков, реестров и государств.

Теперь их можно было свести воедино по конечному владельцу и хозяйственному назначению.

Через несколько минут на стене появилось число.

14

Волтру уже было не до шуток.

— Что значит «четырнадцать»?

— Четырнадцать хозяйственных объединений сегодня прямо или косвенно способны выполнить больше восьмидесяти процентов необходимых условий.

— Хозяйственных объединений?

— Юридически это могут быть сотни компаний. Мост группирует их по конечным собственникам, по тому, кто ими распоряжается, кто их финансирует и от кого они экономически зависят.

Нерай открыла первую запись.

Крупный горнодобывающий консорциум Таэрона.

Девяносто один процент.

Вторая.

Производитель энергетических систем планетарного масштаба.

Восемьдесят девять.

Третья.

Военно-промышленная группа одного из государств.

Девяносто четыре.

Четвёртая.

Консорциум орбитального строительства.

Восемьдесят семь.

Затем другие.

Среди них были частные.

Были и общественные.

Три принадлежали государствам.

За одним хозяйственным объединением стояло более сорока разных компаний.

— А у кого сто процентов? — спросил Волтр.

— Ни у кого.

— Пока.

— Пока.

В комнате стояла тишина.

На стене светились четырнадцать названий.

Ещё несколько дней назад их объединяло лишь то, что все они принадлежали к самым передовым в техническом отношении организациям планеты.
Отныне у них была ещё одна общая черта.

Каждая вплотную приблизилась к возможности создать устройство, способное изменить гравитацию над обширной территорией.
— Вот этого самого момента я и боялся, — сказал Волтр.

Заседание шло уже четвёртый час.

— Почему? — спросила Нерай.

— Потому что финансовая система только что составила список из четырнадцати организаций, которые считает потенциально опасными.
— Список говорит об их технических возможностях.

— И вы хотите сказать, что на практике между одним и другим нет разницы?

— Разница принципиальная.

Волтр указал на первое название.

— Эта компания добывает руду на Таэроне. Никому не угрожает. Её руководство в насилии не замешано. Большая часть нужного оборудования у неё есть потому, что она использует его на рудниках.
— Да.

— И всё-таки вы за ней следите.

— Мост следит за тем, как меняются возможности компании, а не за поведением директора.

— Меня это не успокаивает.

Нерай ненадолго задержала взгляд на карте.

— До Трети мы впадали в другую крайность.

Волтр промолчал.

— Чтобы получить доступ к данным, мы сперва должны были найти повод для подозрений. В деле Ариена всё по отдельности выглядело вполне обычно. Лаборатория вела исследования. Фонд выдавал грант. Компания покупала оборудование. Банк переводил деньги. Каждый видел только свой участок и ждал, пока появится повод спросить о соседнем.

Волтр опустил глаза.

Нерай продолжила.

— С этой технологией исходить из намерений ещё ненадёжнее. Человек может вовсе не хотеть смерти одиннадцати миллионов. Он может ставить опыт. Может ошибиться. Может недооценить неустойчивость поля.

Оран кивнул.

— Такое вполне возможно.

Нерай указала на список.

— Мы должны знать, где на планете появляется возможность переступить определённую черту. И всякий раз, когда на основании этих сведений кто-то вмешивается, его действия должны подлежать проверке.

— А где пройдёт черта? — спросил Волтр.

— Это политическое решение.

— Значит, в конце концов всё-таки политика.

— Она всегда здесь была.

Нерай опёрлась о стол.

— Разница в том, что теперь мы видим, о чём принимаем решение.

Дальше заседание превратилось в разбор технических задач.

Предложили запретить продажу гравитационных излучателей без лицензии.

Оран заметил, что через несколько лет малые излучатели будут выпускать крупными сериями.

Другое предложение касалось фазовых синхронизаторов.

Производители ответили, что такие же устройства применяются в медицине, энергетике и орбитальной навигации.

Запрет метаматериала парализовал бы целые отрасли промышленности.

Контроль энергопотребления легко давал ошибку, поскольку требуемую мощность можно было набрать из нескольких источников.

Мало-помалу выяснилось, что ни одна вещь сама по себе не несёт этой опасности.

Опасность возникала, лишь когда сходилось множество возможностей.

Нерай почти не участвовала в споре.

Очень похожее чувство она помнила со времён работы в Слое.

Предприятие с наличным оборотом само по себе ничего не доказывало.

Фонд ничего не доказывал.

Лаборатория ничего не доказывала.

Плата за исследование ничего не доказывала.

Катастрофа родилась из связей между ними.

Тарен однажды сказал, что в масштабах планеты любого человека от любого другого отделяют всего несколько договоров.

Нерай тогда ответила ему, что они ищут не связь.

Они ищут направление.

Теперь требовалось нечто похожее.

Система, которая заметит, когда множество обычных хозяйственных операций начнут вести к одной необычной возможности.

К концу дня был готов рабочий проект.

Его назвали **реестром стратегических возможностей**.

Название было обманчивым. Реестром в обычном смысле слова он не был.

Никто не вносил в него запись «Компания обладает гравитационным оружием».

Мост непрерывно вычислял, какие технические условия на деле способно выполнить то или иное хозяйственное объединение.

Расчёт вели по открыто утверждённым категориям.

Точность изготовления.

Материалы.

Энергия.

Логистика.

Вычислительные мощности.

Квалификация специалистов.

Владение необходимым оборудованием.

Возможность получить его через подконтрольные компании.

Долгосрочные контракты.

А для технологий, требующих особой осторожности, учитывалась ещё и возможность соединить несколько мощностей, расположенных в разных местах.

Само по себе пересечение порога никого не делало виновным.

Однако на более высоких уровнях появлялась обязанность заявить о цели проекта и предоставить определённые испытания для независимой проверки.
Каждое обращение к подробным данным регистрировалось.

Организация видела, какое ведомство проверяло её возможности.

Правила, по которым система оценивала риск, подлежали открытой экспертизе.
Технические подробности, которые могли бы послужить инструкцией, оставались под защитой.

Эларион попытался разграничить две вещи, которые легко было спутать.

Неприкосновенность частной жизни.

И невидимость власти.

Настоящая проблема возникла через семь месяцев.

В одной из четырнадцати групп Мост заметил перемену.

Это была компания «Астерон Дайнэмикс».

Её знали как производителя тяжёлых транспортных систем. У неё были заводы на трёх континентах, доля в энергетической компании и миноритарный пакет акций таэронского производителя метаматериалов.

Первоначально её технические возможности в области гравитационных полей оценили в восемьдесят три процента.

За четыре месяца оценка поднялась до девяноста двух.

За этим ростом не стояло ни одного крупного заказа.

«Астерон» купил небольшую компанию, выпускавшую фазовые регуляторы.

Его дочерняя фирма заключила долгосрочный договор с вычислительным центром.

Ещё одно предприятие приобрело долю в комплексе накопителей энергии.

Исследовательский фонд, который финансировал «Астерон», нанял четырёх учёных, прежде работавших над гравитационными излучателями.

У каждого из этих событий было своё экономическое объяснение.

Вместе они меняли положение дел.

Мост направил уведомление технологической комиссии.

Комиссия запросила у «Астерона» объяснения.

Ответ пришёл в тот же день.

Компания разрабатывала новую гравитационную систему для грузовых кораблей.

Проект был законным.

Вопросы возникли при проверке его технических характеристик.

«Астерон» собирался построить шесть крупных опытных излучателей.

— Шести недостаточно для регионального поля, — сказал Оран.

Нерай сидела рядом с ним.

— Сколько нужно?

— В такой конфигурации — не меньше двадцати.

— Значит, на этом и закончим.

— Нет.

Оран указал на карту связей между собственниками.

«Астерон» заказал шесть.

Ещё четыре заказала энергетическая компания, которую он контролировал через инвестиционный фонд.

Три строили в исследовательском центре на средства его научного фонда.

Ещё восемь на Таэроне зарезервировала фирма, в которой «Астерону» принадлежало всего тридцать восемь процентов.

По юридическим реестрам это были четыре разных проекта.

Мост выявил связь по капиталу, договорным обязательствам и общим источникам финансирования.

Двадцать один излучатель.

Нерай долго смотрела на число.

— Они знали?

— Кто?

— Руководство «Астерона».

Оран пожал плечами.

— По финансовым данным этого не узнать.

Комиссия вызвала председателя правления.

Его звали Дейран Вос.

Он пришёл сам.

Когда ему показали карту, он сначала растерялся.

Потом рассердился.

— Эти излучатели никак не связаны между собой.

Нерай показала на первую группу.

— Эти — для вашего проекта.

— Да.

— А эти — для вашей дочерней энергетической компании.

— Это самостоятельная компания.

— Вы её контролируете.

— Экономически. В техническое руководство мы не вмешиваемся.

— Эти финансирует ваш фонд.

— У фонда независимое руководство.

— Семьдесят два процента его доходов поступает от вас.

Дейран откинулся на спинку кресла.

— А те, что на Таэроне, вообще не имеют к нам отношения.

Нерай открыла договор.

«Астерон» выступил гарантом по кредиту фирмы.

В случае невыплаты он получал право забрать часть её оборудования.

Дейран некоторое время читал договор.

— Этого я не знал.

— Верю.

Ответ застал его врасплох.

— Тогда почему я здесь?

— Потому что ваша группа приобретает возможности, которых, вероятно, не видит даже её собственное руководство.

В комнате воцарилась тишина.

Это прозвучало неприятнее любого обвинения.

Дейран ещё раз взглянул на карту.

— Вы хотите сказать, что моя компания может построить региональную систему, а я и знать об этом не буду?
Ответил Оран.

— Пока нет. Вам недостаёт двух условий. При нынешнем темпе через год у вас могут быть оба.

— А если эти условия выполнит одна из дочерних компаний?

— Мост учтёт их в составе всего объединения, если вы действительно можете распоряжаться этими мощностями.

Дейран усмехнулся, на этот раз невесело.

— Выходит, система знает о моей фирме больше, чем я.

Нерай взглянула на карту.

— В этом одном отношении — пожалуй.

Дело «Астерона» закончилось без санкций.

Компания открыла свои гравитационные проекты для независимого надзора и объединила их в одну техническую программу.
Главное потрясение ждало их позже.

Планетарный совет заказал историческую симуляцию.

Он хотел знать, что произошло бы, появись та же технология до Трети.

Аналитики взяли семнадцать технических условий и поместили их в прежнюю финансовую среду.

Тридцать валют.

Банковская тайна.

Фонды с неизвестными конечными собственниками.

Благотворительные фонды.

Налоговые юрисдикции.

Коммерческая тайна.

Разные правила лицензирования.

Ограниченный обмен данными между государствами.

Затем модели дали задание.

Собрать мощности для создания регионального гравитационного поля так, чтобы ни одно ведомство не видело больше трети проекта.

ИИ нашёл тысячи вариантов.

Производственная компания в одном государстве.

Финансирование через фонд в другом.

Накопители энергии, принадлежащие другой группе.

Таэронский материал, купленный через посредника.

Исследовательские договоры с разными университетами.

В промышленных реестрах значились излучатели.

В энергетических — синхронизаторы.

У каждого ведомства что-то было перед глазами.

Ни у одного — достаточно.

Нерай молча смотрела, как идёт симуляция.

Слишком хорошо она знала эту картину.

Краски были другими.

Технология была другой.

Механизм остался прежним.

Одна опасность, раздробленная на множество безобидных частей.

Потом аналитики поставили ту же задачу в системе Моста.

Модель попыталась раздробить собственность.

Мост выявил конечных владельцев и связи между ними.

Модель попыталась разнести закупки по дочерним компаниям.

Мост показал хозяйственное объединение целиком.

Она попробовала задействовать благотворительный фонд.

Мост увидел, откуда тот получает деньги.

Она попробовала покрыть часть расходов заёмными средствами.

Мост учёл кредитора и гарантии.

Она попробовала арендовать оборудование вместо того, чтобы его покупать.

Мост учёл мощности, которыми она могла распоряжаться.

Она попробовала действовать в нескольких государствах.

Различие валют больше не превращало границу в слепое пятно.

На шестидесяти восьми процентах появился первый слабый сигнал.

На семидесяти семи автоматически включился надзор.

На восьмидесяти пяти уже требовалось подать уведомление о техническом проекте.

На девяноста двух система не позволила бы завершить ключевые закупки без соответствующего разрешения.

Когда симуляция закончилась, в комнате долго молчали.

Дарен Волтр сидел рядом с Нерай.

— Так вот ваш довод, — сказал он наконец.

— Не мой.

— А чей же?

Нерай указала на результаты.

— Физики.

Волтр провёл ладонью по лицу.

— Есаир начинал с базового дохода.

— Знаю.

— Он говорил о справедливой доле.

— Знаю.

— Потом мы разбирались с коррупцией. С налогами. С политикой. С войной.

Он взглянул на карту гравитационного поля.

— А теперь вы утверждаете, что та же система нужна нам затем, чтобы в один прекрасный день кто-нибудь не выключил гравитацию над половиной континента.
Нерай чуть улыбнулась.

— В ваших устах звучит как преувеличение.

— А разве нет?

Она посмотрела на результат симуляции.

— Нет.

О возможности создать региональное гравитационное поле общественность узнала лишь после того, как приняли правила безопасности.
Доступ к подробностям остался ограниченным.

Люди знали, на что способна технология.

Знали в общих чертах, какие для этого нужны возможности.

Точную геометрию поля, критические условия синхронизации и параметры, по которым можно было бы разработать рабочую конструкцию, не публиковали.
Споры шли ожесточённые.

Часть общества хотела отдать все гравитационные технологии в исключительное ведение государства.

Учёные выступили против.

Другие требовали обнародовать полные сведения о каждом устройстве.

Промышленники напоминали, что гравитационные системы скоро станут повседневной частью транспорта и производства.
В конце концов Эларион решил, что строгость правил будет зависеть от масштаба возможностей.

Малый манипулятор остался обычным устройством.

Промышленные генераторы подлежали технической регистрации.

Для установок, способных создавать поля большей силы, требовалось разрешение.

Если мощности приближались к уровню воздействия на целый регион, автоматически подключался планетарный надзор.

Самое важное в этой системе касалось вовсе не готового устройства.

Мост следил за тем, не складываются ли где-нибудь **условия** для его создания.

Изменилось само представление о безопасности.

Прежние цивилизации охраняли склады оружия.

Эларион научился замечать момент, когда появлялась возможность оружие создать.

При этом Мосту незачем было знать, о чём думает человек.

Замысел оставался у человека в голове.

А у экономической возможности были вполне осязаемые следствия.

Ей требовался материал.

Энергия.

Станки.

Здания.

Люди.

Транспорт.

Вычисления.

И всё это проходило через экономику.

Однажды вечером после заседания Нерай и Волтр остались одни.

За окнами лежала Нитра.

Над рекой в несколько ярусов шёл транспорт, а между зданиями проплывали новые грузовые гравитационные платформы. Ещё несколько лет назад каждая показалась бы чудом.

Теперь люди их почти не замечали.

Волтр следил за одной из платформ.

Она несла часть мостового пролёта.

— Я до сих пор думаю, что вы открыли дверь чему-то опасному, — сказал он.

— Чему же?

— Системе, которая знает, что может сделать человек, ещё до того, как он это сделает.

Нерай немного помолчала.

— Этого она не знает.

— Мы только что видели таблицу с четырнадцатью компаниями.

— Она знает, что им технически по силам. А что они сделают, не знает.

— Для человека, за которым вы начинаете следить, разница, может быть, невелика.

— Поэтому мы проверяем и тех, кто проверяет.

Волтр рассмеялся.

— У вас на всё один ответ.

— Потому что и проблема всё та же.

— Власть.

— Да.

Волтр повернулся к ней.

— А что, если бы у нас не было Моста?

Нерай посмотрела на город.

— При такой технологии?

— Да.

Она задумалась дольше, чем ожидал Волтр.

— У нас были бы лицензии. Проверки производителей. Реестры оборудования. Службы безопасности. Серийные номера.

— Звучит не так уж безнадёжно.

— И правда.

Нерай повернулась к нему.

— Но тот, кто захотел бы обойти систему, раздробил бы проект.

Волтр умолк.

— У каждого предприятия был бы свой небольшой участок. Возможно, даже люди, занятые этой работой, не знали бы, что именно они помогают создавать.

— Как у Ариена.

— Да.

За окном прошла ещё одна грузовая платформа.

— Старая система искала бы устройство, — продолжила Нерай. — Мост замечает, где складываются условия, при которых устройство может появиться.

Волтр смотрел на городские огни.

— А ведь когда-нибудь технологии станут ещё могущественнее.

— Непременно.

— Могущественнее этой?

Нерай чуть улыбнулась.

— Сто лет назад сам наш сегодняшний вопрос показался бы нам нелепым.

Волтр кивнул.

— Так что прозрачные деньги — в конечном счёте речь ведь даже не столько о деньгах.

Нерай взглянула на него.

От него она этих слов не ожидала.

— Деньги никогда не были просто деньгами.

— А чем же?

Нерай немного помолчала, провожая взглядом поток огней за рекой.

— Картой того, что человек может сделать в физическом мире.

Волтр молчал.

Нерай продолжила.

— За деньги можно купить еду. Дом. Корабль. Завод. Исследование. Энергию. Влияние. Армию. А теперь ещё и устройство, которое меняет гравитацию.

— Выходит, кто видит деньги, видит власть.

— Часть её.

— А кто распоряжается деньгами, распоряжается властью.

— Поэтому нельзя отдавать Мост в руки одного человека.

Волтр слабо улыбнулся.

— В конце концов вы всё-таки поняли, о чём я спорил с вами все эти годы.

— Я всегда это понимала.

— Только пропускали мимо ушей.

— Нет. Ради этого мы и сделали видимым каждое обращение к данным.

Волтр рассмеялся.

На этот раз от души.

— Вас не переспоришь.

— Вы говорили мне это ещё много лет назад.

Через несколько лет гравитационные системы стали частью повседневной жизни.

Тяжёлые грузы плыли над дорогами.

Орбитальные перевозки подешевели.

На Таэроне выросли города в местах, где прежде строить было экономически бессмысленно.

В больницах слабые поля применяли при лечении людей, чьё тело не выдерживало собственного веса.

Исследователи начали задумываться о кораблях, которые отправятся к другим звёздам.

Технология, способная погубить миллионы, в то же время открыла Эларион путь в мир, который прежде был ему не по средствам.
Нерай не видела в этом противоречия.

Огонь мог согреть дом и сжечь город.

Энергия могла поддерживать жизнь в больнице и питать оружие.

Искусственный интеллект мог искать лекарство и искать способ убивать эффективнее.

Чем больше технологий осваивал Эларион, тем меньше значил вопрос о том, хорошо или плохо то или иное изобретение само по себе.
Решающее значение имело другое. Кто приобретает возможность применить его в больших масштабах, кто об этом знает и кто может такую власть остановить.
Именно гравитационные поля окончательно изменили общественный спор о Мосте.

До тех пор многие по-прежнему считали прозрачные деньги экономической реформой.

Они помогали рассчитать базовую долю.

Они ограничивали уклонение от налогов.

Вскрывали коррупцию.

Мешали тайно финансировать политическую власть.

После открытия регионального гравитационного поля система приобрела иной смысл.

Люди поняли простую вещь.

Если цивилизация располагает технологиями, с помощью которых один человек, одна компания или одно государство могут затронуть жизни миллионов, она должна уметь распознавать такую власть, пока та ещё только возникает.
Тайная мысль сама по себе ничего не весила.

Чтобы воплотить её, нужно было сдвинуть с места мир.

А мир приводили в движение ресурсы.

Кто-то должен был заплатить за завод.

Кто-то — поставить материал.

Кто-то дал энергию.

Кто-то изготовил станки.

Кто-то заплатил учёным.

Кто-то арендовал помещение.

Кто-то годами оплачивал работу, пока проект ещё ничем не походил на угрозу.

Любая крупная технология оставляла экономический след задолго до первого запуска.

На прежнем Эларионе эти следы терялись среди банков, государств и валют.

На новом Эларионе их умели видеть рядом.

Только тогда многим открылся в словах Есаира смысл более широкий, чем тот, который они слышали в дни нитранского форума.

Ценность не должна ходить в тени.

Ведь ценность была не просто богатством.

Она была способностью менять мир.

И цивилизация, которая уже училась менять даже саму гравитацию, больше не могла позволить себе не знать, в чьих руках зреет такая сила.

Урок для Земли

Внимательный читатель наверняка заметил, что проблемы Эларионa, о которых я писал, — это и проблемы сегодняшней Земли. Убеждён, что и решать их можно безопасно, сохраняя контроль над происходящим, примерно так же, как на Эларионе. Для этого понадобится ввести по всей планете единую централизованную и прозрачную информационную систему расчётов. Перечислю эти проблемы и в нескольких словах расскажу, что изменилось бы в каждой из этих областей с появлением такой системы.

Проблема бесконтрольного роста технологической мощи на планете

С развитием науки человечество всё ближе подходит к положению, когда сочетание искусственного интеллекта и биотехнологий позволит незаметно поставить под угрозу пандемии целую планету, притом с минимальными затратами. На подпольную биологическую лабораторию хватит суммы, какую сегодня может заработать расторопный подросток со своим каналом на YouTube. Если на современном заводе вы спросите заведующего складом, сколько у него деталей определённого вида и где именно они лежат, ему достаточно заглянуть в информационную систему. По-моему, так же следует управлять и современным обществом. В случае необходимости его руководители должны иметь возможность с одного взгляда на расчётную систему узнать, кто пользуется определённым видом ИИ и одновременно связан финансовыми потоками с организацией, заказавшей определённый вид биологического оборудования. От того, сумеем ли мы ответить на этот вопрос, может зависеть выживание цивилизации. Представление, будто у политиков и органов управления должно быть как можно меньше власти, будет казаться справедливым лишь до тех пор, пока движение денег и имущества скрыто от глаз. В прозрачном обществе политик не сможет утаить корыстный умысел. Стоит ему замыслить злоупотребление властью — и, как только оно отразится на движении его денег, его разоблачат. Прозрачность послужит своего рода страховкой: она

поможет прийти к власти людям, гораздо лучше подходящим для этой роли, чем те, кто правит планетой сейчас.

Если финансовые потоки станут прозрачными, тайком построить биологическую лабораторию станет невозможно: мы будем гораздо лучше видеть, что варится друг у друга в котле. Вот и ответ на вопрос, как ужиться десяти миллиардам людей на одной планете и не съесть друг друга. В принципе каждый сможет проверить каждого через единый, продуманный до мелочей механизм, встроенный в самую основу общества. Этим и будет обеспечено качество надзора.

Коррупция и неэффективное государство

Спросите у современного экономиста, с какой самой тяжёлой проблемой сталкивается человечество. Среди первых ответов вы наверняка услышите, что нам до сих пор не удалось заставить государства работать так же эффективно, как компании. В прозрачном обществе с единой валютой на коррупции никогда не вырастет новый Путин, потому что сама коррупция станет невозможной. Любое злоупотребление властью почти тут же окажется на виду и незамедлительно повлечёт наказание. После такой перемены государства постепенно начнут работать гораздо лучше. Больницы и автомагистрали будут строиться быстрее, чем в Китае. Подрядов по завышенным ценам не будет: хватит одного человека, который знает настоящую цену, заглянет в систему и по предусмотренным в ней каналам тут же поднимет шум на весь мир.

Проблемы уклонения от налогов

Как правило, возможны два режима налогообложения. Либо налоги высоки, люди всячески стараются их не платить, поступления падают, политики склоняются к тому, чтобы ещё поднять ставки, — и сборы падают ещё ниже. Либо ставки сравнительно приемлемы, люди охотно платят, сборы велики, и тогда налоги можно снизить ещё больше. Хуже высоких налогов могут быть и невысокие, если есть множество способов от них уклониться. Ничто так не искажает условия ведения бизнеса, как дурная, непрозрачная налоговая система, в которой полно лазеек. По-моему, разумная и посильная налоговая нагрузка — не больше 25 процентов, включая НДС. Сколько налогов и взносов приходится платить, например, в Словакии с полной стоимости труда работника для работодателя, — просто вопиюще. Если

учесть НДС и акцизы, эффективная ставка переваливает за 55–60 процентов. К тому же словацкие политики ввели исключения, которые позволяют, например, владельцам обществ с ограниченной ответственностью при обороте до 100 000 евро платить всего 10 процентов налога. Это, разумеется, вызвало огромный отток: люди стали массово отказываться от работы по найму и индивидуального предпринимательства и открывать общества с ограниченной ответственностью.

Убеждён, что, если бы уклоняться от налогов было невозможно, совокупной ставки налогов и взносов в 25 процентов с лихвой хватило бы для работы государства. Если бы деньги были прозрачны, стало бы видно и то, кто сколько налогов уплатил. Платить налоги и тем самым участвовать в жизни общества стало бы делом престижа.

Прекращение войн и немедленное выявление финансовых злоупотреблений

Когда деньги в обществе станут прозрачными, уже невозможно будет сделать то, что удалось ХАМАС осенью 2023 года, — подготовить вооружённые нападения с помощью тайно добытого оружия. В прозрачной системе нельзя будет указать в назначении платежа покупку ракет средней дальности. Да и до такого обострения дело бы не дошло, потому что в прозрачном обществе было бы попросту невозможно, чтобы израильтяне отбирали у палестинцев землю и с обезьяньей наглостью хватали то, что им не принадлежит. Когда деньги станут прозрачными, всякий негодяй, который сейчас пользуется окружающей их завесой тайны, лишится прикрытия, и его поступки предстанут перед судом общества.

Справедливое и прозрачное введение ББД — безусловного базового дохода

Планета сейчас стоит на пороге переустройства общественного порядка: революция в области ИИ приведёт к этому независимо от того, появятся ли «Видимые деньги». Думаю, из-за искусственного интеллекта найти себе применение на рынке труда не смогут многие десятки процентов населения. Люди останутся без работы и без средств к существованию, и планете будут грозить массовые волнения. Придётся решить, как справедливо распределять блага, созданные благодаря ИИ,

среди людей, лишившихся дохода. Чтобы определить, кому сколько денег полагается, сделать это открыто, соразмерно и так, чтобы расчёт можно было проверить задним числом, нужна система в самом основании общества, которая покажет, где и как распределены его ресурсы. Без таких данных удовлетворительно решить задачу просто нельзя. Единая централизованная система расчётов на всей планете сделает ненужными целые отрасли банковского дела: отпадёт потребность в альтернативных валютах и обслуживающих их финансовых структурах. Поначалу эта перспектива, вероятно, приведёт банковскую отрасль в ужас. Но нужно понимать, что с приходом ИИ общественный порядок в любом случае изменится до основания. Я думаю, после этих перемен в обществе камня на камне не останется. То, что возникнет потом, будет коренным образом отличаться от нынешнего мира. Общество будет построено на новых технологиях, а его устройство будет справедливым и прозрачным для каждого. Когда первая мощная волна перемен хоть немного уляжется, люди станут искать в жизни новый смысл и наполнение. Огромную роль в этом сыграют новые технологии — усовершенствованная виртуальная реальность и более совершенные средства общения человека с машиной. Бóльшую часть времени люди будут проводить в виртуальных мирах. Те предложат такое разнообразие переживаний, что первичная, физическая реальность рядом с ними покажется бесцветной. Её задачей станет поддерживать в человеке жизнь, чтобы он мог с наименьшими помехами пользоваться всем, что предлагают виртуальные миры.

Вызовы вечной жизни и прозрачное решение демографических проблем планеты

Мне кажется, человечеству осталось всего несколько шагов до того, чтобы овладеть механизмами старения и восстановления организма настолько, что ни болезни, ни сама старость больше не будут причиной смерти.

Если люди получат возможность жить вечно, встанет острый вопрос: сколько людей планета сможет прокормить? При таком устройстве численность населения начнёт расти по экспоненте. Раз человек родился, планете придётся гарантировать ему достойные условия жизни, возможно, на неограниченный срок. Очень вероятно, что людей начнут отговаривать от рождения детей: нагрузка на планету будет огромной. Лично я думаю, что при разумном использовании ресурсов Земля сможет

прокормить в десятки раз больше людей, чем сейчас. Но если люди захотят иметь детей, решать вопрос придётся освоением космоса. Сначала — хоть сколько-нибудь пригодных для жизни планет Солнечной системы, а позднее, с развитием космической техники, дело, вероятно, дойдёт и до межзвёздных перелётов. Чтобы рассчитать, какой прирост населения планета сможет выдерживать в долгосрочной перспективе, определяющую роль опять-таки сыграют данные центральной расчётной системы.

Политическое движение https://HumanityUnitedMovement.org

С 2019 года, после почти двадцати лет раздумий и поисков, я работаю над информационной системой — веб-приложением, в котором любой пользователь интернета может зарегистрироваться и заполнить декларацию о своём имуществе. Затем при определённых условиях можно передать данные на проверку другим пользователям портала.
Приложение доступно по адресу https://app.visiblemoney.org

В основе замысла лежит простой принцип. Если человек открыл всё своё имущество для такого интернет-аудита, его декларация, скорее всего, полна и верна. Иначе хватило бы одного пользователя, которому известно чуть больше: в долю секунды он мог бы заявить об этом на форуме приложения, и весь мир сразу бы узнал.

Первую версию приложения я закончил к Рождеству 2023 года. Я надеялся заинтересовать кого-нибудь из честных политиков перед президентскими выборами в Словакии, которые проходили в феврале 2024 года. Но приложение никого не заинтересовало: даже той части политического спектра, у которой, судя по всему, с чистотой финансов должно было быть всё в порядке, оказалось трудно раскрыть таким образом своё имущество. Вероятно, дело всё же было не в приложении. Один кандидат, с помощником которого я некоторое время переписывался, довольно странно держался, когда журналисты спрашивали его об имущественной декларации. Я ещё несколько раз попробовал рассказать о приложении, в частности депутатам Европейского парламента, и понял: если я хочу, чтобы политика начала строиться на таких принципах, придётся создать собственное политическое движение, которое будет следовать им с первого дня.
Так родилась идея Humanity United Movement.

Здравый смысл как основа политики

Основным принципом движения станет здравый смысл. Я не имею в виду какую-то туманную способность интуитивно угадывать верное решение. Для меня это прежде всего способ мыслить: мы стараемся понять суть проблемы, собрать

доступные сведения, рассмотреть разные варианты и выбрать тот, который с наибольшей вероятностью даст нужный результат.

В политике слишком часто бывает наоборот: сначала складывается мнение, а уже потом начинают подыскивать доводы в его защиту. Политики выясняют, что хочется услышать избирателям, и подстраивают под это свои высказывания. Их занимает прежде всего то, как решение будет выглядеть в прессе и сколько политических очков оно принесёт, а сама проблема отходит на второй план.

Такой подход я считаю глубоко ошибочным. Если мы хотим, чтобы общество работало лучше, надо быть готовыми рассматривать и те решения, которые нам поначалу не нравятся. Нужно допускать, что человек, с которым мы расходимся во взглядах, может быть прав, а наши собственные убеждения могут опираться на ошибочные предпосылки.

Поэтому мне хотелось бы, чтобы Humanity United Movement последовательно противостояло популизму. Нет смысла продвигать непопулярные решения только для того, чтобы отличаться от других. Но популярность не должна быть главным мерилом правильности решения.

За каждым значимым политическим решением должны стоять доводы, доступные для открытого обсуждения и проверки. Мы должны уметь объяснить, какую проблему решаем, какие варианты рассматривали, почему выбрали именно такой путь и какие риски он с собой несёт. Если последствия можно заранее смоделировать или проверить опытным путём, стоит это сделать.

Нужно также понимать, что однозначный ответ есть не у каждой задачи. Бывает, специалисты расходятся во мнениях, сведений не хватает, а у разных решений — разные достоинства и недостатки. Признаться в таких обстоятельствах в неуверенности — вовсе не слабость. Слабость — изображать уверенность там, где её нет.

Важно и другое: впоследствии должна оставаться возможность оценить принятое решение. Если выяснится, что мера не работает, незачем защищать её лишь потому, что когда-то мы сами её отстояли. Нужно её изменить или от неё отказаться.

Цель вовсе не в том, чтобы собрать людей, которые станут считать себя непогрешимыми носителями истины. Напротив, мне хочется создать среду, в которой привычка испытывать сомнением собственные взгляды станет естественной частью принятия решений.

Политическая академия

Одна из вещей, которых мне не хватает в современной политике, — это систематическая подготовка людей к управлению государством.

Представим, что мы хотим построить дом. Вряд ли мы согласились бы, чтобы человек, которому предстоит руководить стройкой, осваивал всё необходимое уже по ходу дела. Мы ожидали бы, что он знает основы строительства, умеет оценить работу разных специалистов и заметит, если что-то пойдёт не так.

Однако к управлению государством мы часто не предъявляем подобных требований. Государственные должности занимают люди, которые могут быть исполнены благих намерений, уметь общаться или иметь опыт ведения бизнеса и всё же недостаточно знать о том, как устроены экономика, здравоохранение, образование и другие сферы, за которые им предстоит отвечать.

Разумеется, никто не может быть специалистом во всём. Я и не ожидал бы, что политик сумеет поставить диагноз лучше врача или составить школьную программу лучше опытного педагога. Но я ожидал бы от него понимания основ каждой из этих областей, умения оценивать доводы специалистов по существу и видеть, как далеко могут простираться последствия его решений.

Поэтому я хочу, чтобы Humanity United Movement создало собственную политическую академию.

Она будет предназначена в первую очередь для молодых людей, готовых к открытости, заинтересованных в общественной жизни и желающих со временем принять участие в управлении обществом. Им незачем заранее решать, станут ли они депутатами, министрами, главами муниципалитетов или специалистами в органах управления. Гораздо важнее желание разобраться, как устроено государство и как им можно управлять лучше.

Академия давала бы систематическое образование во всех основных областях деятельности государства. Студенты изучали бы основы экономики, государственных финансов, здравоохранения, образования, права, международных отношений, безопасности, энергетики и охраны окружающей среды. Особое внимание уделялось бы устройству государственных органов, управлению организациями, работе с данными и оценке результатов политических решений.

Но самое важное, чтобы в каждой области преподавание опиралось на лучшие из доступных знаний. Мало запомнить несколько определений из учебника. Студенты должны понять, как устроена та или иная система, от чего зависят результаты её работы и что может сделать государство для решения конкретных проблем.

Представим, например, что студенту предложили оценить проект реформы здравоохранения. Ему пришлось бы разобраться, как финансируется здравоохранение, с чем связаны основные расходы, какую роль играет профилактика, как оценивают эффективность лечения и какими последствиями изменение системы может обернуться для пациентов, медработников и государственных финансов.

Так же можно было бы разбирать устройство пенсионной системы, налоговую реформу, работу школ или внедрение искусственного интеллекта в государственное управление. Учёба не сводилась бы к теории. Студенты разбирали бы конкретные случаи, моделировали ситуации и разрабатывали собственные предложения в области государственной политики.

Очень важно было бы регулярно обновлять учебные материалы. Наука и техника развиваются, и знания, считавшиеся лучшими из доступных двадцать лет назад, сегодня могут оказаться устаревшими. Поэтому академии пришлось бы постоянно следить за развитием отдельных дисциплин и сотрудничать со специалистами, способными донести до студентов современное состояние знаний.

При этом студенты учились бы различать то, что надёжно обосновано наукой, то, о чём специалисты ещё спорят, и то, что относится уже к выбору ценностей или к политике. Ведь даже самый сведущий специалист не может решить за общество, каким ценностям во всём отдавать предпочтение. Но он может объяснить последствия каждого из возможных решений.

Поэтому отдельное место в академии заняла бы методика принятия решений. Студенты учились бы работать в условиях неопределённости, замечать ошибки в аргументации, сравнивать варианты и проверять свои предположения. Важно, чтобы они усвоили: умение принимать решения не в том, чтобы немедленно находить ответ на любой вопрос, а в том, чтобы доступными средствами прийти к наилучшему из возможных ответов.

Мне хотелось бы, чтобы академия была открыта и для тех, кто не состоит в движении. Её задача не в том, чтобы воспитывать политиков, мыслящих в одном идеологическом ключе. Она должна давать образование, которое помогает человеку лучше понять устройство общества независимо от его политических взглядов.

Если нам удастся создать такую академию, из её стен со временем начнут выходить люди, готовые взять на себя ответственность за разные области общественной жизни. Не потому, что в силу одного образования будут всё знать лучше других, а потому, что у них будет хорошая подготовка, они будут уметь работать со специалистами и понимать последствия своих решений.

Мне кажется, это один из путей, который со временем позволит повысить качество политики. Мы можем не просто ждать, появятся ли способные люди, а последовательно создавать условия для их подготовки.

Глобальное движение в глобальном мире

Ещё одним основополагающим принципом Humanity United Movement станет его глобальный характер.

Нынешняя политическая система строится прежде всего на национальных государствах. У каждого государства своё правительство, свои интересы и свои политические приоритеты. В таком устройстве есть смысл. Людям нужны учреждения, которые знакомы с местными условиями, знают их язык, культуру и особые потребности.

Однако трудности возникают там, где национальные интересы вступают в противоречие с интересами человечества в целом или где на уровне одного государства с проблемой эффективно справиться невозможно.

Изменение климата, пандемии, международная коррупция, угрозы безопасности и последствия технического прогресса не знают государственных границ. Не остановится на границах государств и искусственный интеллект. Его развитие и вызванные им экономические перемены затронут людей по всей планете.

Вот почему я считаю важным создать политическое движение, которое с самого начала будет мыслить в мировом масштабе.

Humanity United Movement должно постепенно создавать свои организации в разных странах мира. Каждая из них работала бы в местных условиях, соблюдая демократические правила своей страны. При этом всех объединяли бы общие принципы: здравый смысл, прозрачность, ответственность и стремление решать проблемы с учётом интересов всего человечества.

Мне представляется, что национальные организации могли бы вместе работать над теми вопросами, где согласованные действия дают существенные преимущества.

Это позволило бы обмениваться опытом, сравнивать результаты проводимой политики и искать решения, оправдавшие себя в разных странах.

Однако глобальный характер движения вовсе не означает для меня, что один центр должен решать всё. Напротив, организация должна уметь различать вопросы, требующие совместных действий, и те, по которым целесообразнее принимать решения на местах.

Поэтому каждому отделению понадобятся и достаточная самостоятельность, и механизмы, позволяющие следить за соблюдением общих принципов движения. Серьёзные разногласия следует разрешать открыто, с возможностью критиковать и пересматривать принятые решения.

Мы не ставим себе целью создать ещё одну властную структуру, которая будет соперничать с другими за влияние. Наша цель — выстроить международную сеть людей, способных сообща браться за задачи, которые отдельным государствам не под силу.

Прозрачность как основа доверия

Одна из главных особенностей Humanity United Movement будет заключаться в том, что сведения об имуществе политиков станут открытыми.

От людей, желающих распоряжаться общественными средствами и влиять на чужие жизни, я ожидал бы большей, чем от других, готовности показать, каким имуществом они владеют, как его приобрели и какие финансовые связи могут повлиять на их решения.

Поэтому членам движения придётся публиковать свои имущественные декларации через проект «Видимые деньги» и предоставлять их для независимой проверки по заранее установленным правилам. Глубина проверки должна соответствовать той ответственности, которую конкретный человек несёт перед обществом.

Дело не должно сводиться к формальному заполнению бланка. Смысл системы в том, чтобы сведения можно было проверить, а несоответствия, требующие объяснений, не оставались незамеченными. Так у общества будет больше оснований судить о том, заслуживают ли его представители доверия.

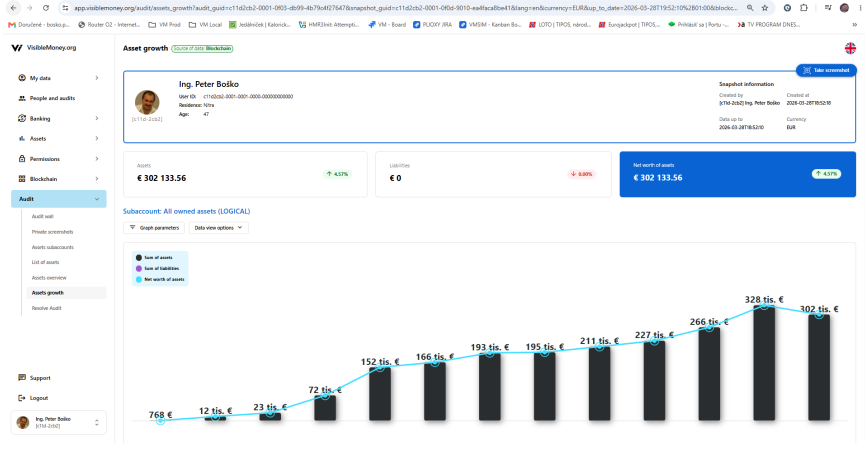
Сама по себе прозрачность, разумеется, не делает человека хорошим политиком. Можно честно нажить своё имущество и при этом принимать плохие решения. Быть

специалистом и при этом не уметь работать с другими. Иметь добрые намерения, но не иметь достаточных знаний.

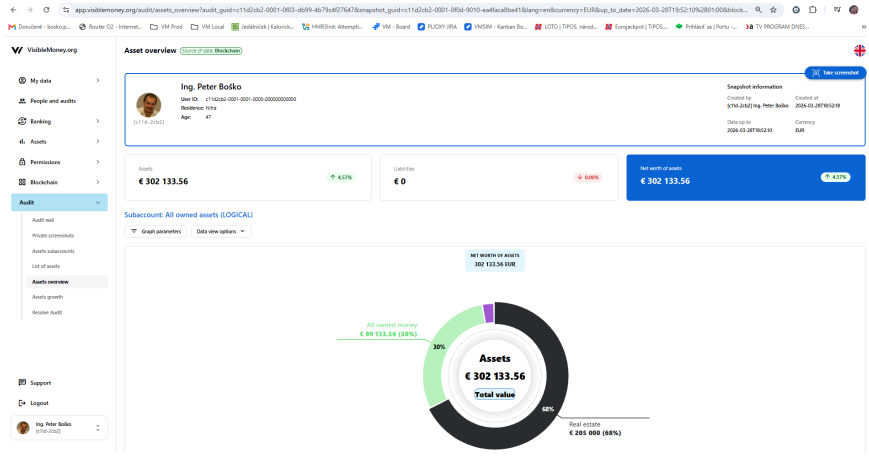
Именно поэтому я считаю важным сочетать прозрачность с работой политической академии и последовательной оценкой результатов работы государственных должностных лиц. Каждый из этих инструментов решает свою часть задачи. Открытость помогает лучше контролировать финансовые интересы, образование повышает профессиональную подготовку, а оценка результатов показывает, действительно ли принятые решения работают.

В то же время мне бы не хотелось, чтобы требование открытости от политиков постепенно переросло в требование предавать огласке всю жизнь каждого человека. Право на частную жизнь важно, и степень контроля должна быть соразмерна цели. Ответственность перед обществом требует более строгих правил, чем обычная частная жизнь.

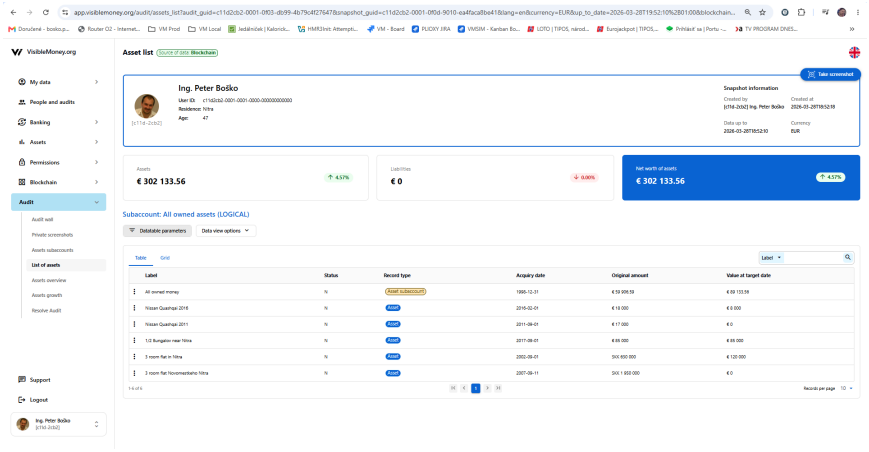
При этом принципиально важно, чтобы и основатель движения, и его руководство сами подпадали под действие системы контроля. Если прозрачность должна вызывать доверие, её требования должны распространяться и на тех, кто за неё выступает.



Как со временем росло моё имущество. Данные приложения «Видимые деньги»



Структура имущества в приложении



Отдельные записи об имуществе

Технический прогресс и будущее труда

Одна из самых серьёзных задач, с которыми человечеству придётся столкнуться в ближайшие десятилетия, связана с развитием искусственного интеллекта и автоматизации.

Технологии способны существенно повысить производительность, снизить стоимость многих услуг и сделать возможными решения, которые сегодня слишком дороги или технически сложны. Вместе с тем они могут коренным образом изменить рынок труда и привычные способы зарабатывать на жизнь.

Если машины и интеллектуальные системы смогут выполнять всё большую часть работы, которую сегодня делают люди, придётся решать, как распределить плоды такого прогресса.

Сегодня доход большинства людей прямо или косвенно связан с их трудом. Однако если значительную часть производства можно будет обеспечить, затрачивая гораздо меньше человеческого труда, традиционных механизмов распределения доходов может оказаться недостаточно.

Мы не знаем точно, как быстро произойдут эти перемены и какую форму они примут. Однако я считаю безответственным закрывать глаза на то, что их последствия для общества могут оказаться весьма значительными.

Одно из решений, которые предстоит тщательно изучить, — безусловный базовый доход. Его задача — обеспечить людям основные материальные условия для жизни, даже когда найти для них работу в привычном смысле будет невозможно.

Однако здесь нужно ответить на множество вопросов. Из каких средств его выплачивать? Каким должен быть его размер? Как он будет сочетаться с действующими социальными пособиями? Как он повлияет на желание работать, на потребление, цены и государственные финансы?

Ответы не стоит искать в идеологических представлениях. Опорой должны служить экономические модели, эксперименты, пилотные проекты и постоянная оценка результатов.

Именно здесь могут соединиться все три основополагающих принципа Humanity United Movement. Здравый смысл поможет нам исследовать возможные решения, прозрачность — лучше контролировать движение общественных средств, а глобальное сотрудничество — справляться с проблемами, выходящими за пределы отдельных государств.

Равенство возможностей и достоинство человека

Я хотел бы, чтобы Humanity United Movement исходило из убеждения, что ценность человека не зависит ни от места его рождения, ни от происхождения, цвета кожи, пола или сексуальной ориентации.

Люди рождаются в очень разных обстоятельствах. Одни с детства могут получить хорошее образование, жить в безопасности и развивать свои способности. Другим приходится преодолевать препятствия, которые возникли не по их воле и могут существенно ограничить их возможности в жизни.

Я считаю важным создавать общество, в котором каждый сможет развивать свои способности. Это не значит, что все должны достичь одинаковых результатов. Это значит, что нужно устранять ненужные преграды и помогать тем, кому без надлежащей поддержки недоступны даже самые основные возможности.

Такой подход подразумевает качественное образование, доступную медицину, действенную помощь людям в беде и справедливые условия для предпринимательства и труда.

С тем же уважением к достоинству каждого нужно подходить и к более сложным общественным вопросам, в которых сталкиваются разные ценности и интересы. Прежде чем с порога отвергать чужую точку зрения, стоит рассмотреть доводы в её пользу, оценить её последствия и понять, согласуется ли она с основными правами человека.

Это не значит, что все взгляды одинаково верны или что мы во всём обязаны сходиться. Это значит, что нельзя судить о людях, исходя из предрассудков, и что правила, по которым живёт общество, нужно уметь обосновать и перед теми, кого они касаются.

Умение мыслить на перспективу и ответственность за будущее

Ещё один принцип движения — стремление принимать решения с учётом их долгосрочных последствий.

Политика часто зависит от избирательных циклов. Мера, которая принесёт пользу немедленно, может быть привлекательнее для политика, чем решение, плоды

которого скажутся лишь через десять или двадцать лет. Но это ещё не значит, что она лучше для общества.
Принимая решения в области государственных финансов, энергетики, охраны окружающей среды, образования и технического развития, мы должны учитывать и те последствия, с которыми предстоит жить будущим поколениям.

Мы будем поддерживать научные исследования, технические новшества и поиск решений, которые позволят повышать качество жизни, не расходуя ресурсы впустую. При этом нельзя полагать, будто технический прогресс автоматически решит любую проблему. Если мы рассчитываем на будущие изобретения, нужно иметь и другие варианты на тот случай, если эти изобретения не появятся вовремя или не оправдают ожиданий.

Так же следует подходить к международным конфликтам. Войны часто влекут огромные человеческие и экономические потери, последствия которых сказываются на жизни нескольких поколений. Поэтому я считаю важным искать механизмы, которые снижают риск конфликтов, способствуют дипломатическому урегулированию и в то же время защищают право народов самим решать свою судьбу.

Как должно работать само движение

В основу Humanity United Movement должны лечь те же принципы, которые оно собирается отстаивать в обществе.

Мало требовать прозрачности от политиков из других партий. Мы должны соблюдать её и в собственных рядах. Мало говорить о профессионализме, если при отборе кандидатов мы станем ценить личную преданность выше способностей. И мало призывать к демократическому контролю, если нельзя критиковать собственное руководство.
Поэтому предстоит установить ясные правила избрания и отзыва руководителей, контроля за финансированием, урегулирования конфликтов интересов и принятия решений по главным вопросам программы.

Глобальное движение должно уметь работать сообща в разных странах и при этом уважать местные демократические процедуры. Общие принципы будут определять его лицо, но конкретные меры придётся согласовывать с условиями каждого общества.

Важно также, чтобы в движении нашлось место для несогласных. Человек, который указал на ошибку в программе или на нежелательные последствия принятого решения, не должен становиться врагом движения. У него должна быть возможность изложить свои доводы и добиться, чтобы их рассмотрели по существу.
Ведь ни одна организация не застрахована от властных амбиций, группового мышления и ошибочных решений. Хорошо работающая организация отличается от плохо работающей вовсе не тем, что не ошибается. Отличие в том, насколько она умеет находить ошибки, исправлять их и не допускать их повторения.
Вот почему я хочу, чтобы Humanity United Movement стало организацией, способной контролировать и саму себя.

Чего же мы хотим добиться?

Если бы меня попросили выразить замысел всего проекта одной фразой, я сказал бы так: мы хотим создать условия, в которых человечество сможет лучше использовать собственные способности.

У нас есть учёные, способные исследовать законы природы. У нас есть технологии, позволяющие автоматизировать всё больше видов деятельности. У нас есть экономические системы, способные создавать колоссальные богатства. Нам доступны сведения, о которых наши предшественники не могли и мечтать.
И всё же нередко мы не умеем воспользоваться этими возможностями, чтобы принимать ответственные решения, обеспечивать качественные государственные услуги и создавать достойные условия жизни для как можно большего числа людей.

Я не думаю, что причина кроется в одной-единственной проблеме и что справиться с ней под силу одному приложению, одной партии или одной реформе. Перед нами целый ряд взаимосвязанных задач. Для их решения нужны более действенные институты, более качественное образование, больше открытости при принятии решений и умение сотрудничать.

«Видимые деньги» — конкретный инструмент, позволяющий лучше контролировать финансовые интересы в общественной жизни. Политическая академия — способ подготовить людей к принятию ответственных решений. Задача Humanity United Movement — создать политическую и организационную структуру, способную объединить и внедрить эти и другие инструменты.
У каждой из этих составляющих своя роль. Ни одной самой по себе недостаточно.

Я не рассчитываю, что нам удастся создать совершенную систему или что все наши предложения окажутся верными. Но я рассчитываю на то, что мы сумеем открыто объяснять свои решения, признавать собственные ошибки и последовательно искать лучшие пути.

Чтобы в таком проекте был смысл, начинать его должны люди, готовые принять на себя ответственность, подготовиться к ней и согласиться на проверку собственных действий.

И он должен оставаться открытым для тех, кто с нами не согласен. Ведь наша цель не в том, чтобы убедить всё человечество примкнуть к одной политической организации. Мы хотим помочь людям лучше справляться с нашими общими проблемами.

Именно поэтому движение называется Humanity United Movement.

Не потому, что мы уже едины во взглядах. А потому, что, при всех наших различиях, нас ждёт общее будущее и мы вместе отвечаем за мир, который оставим после себя.

Обращение к новому поколению

Если ты молод и тебе порой кажется, что мир можно было бы устроить гораздо лучше, возможно, именно сейчас пришло время перестать только наблюдать и задуматься о том, что ты сам можешь сделать.

Тебе необязательно быть опытным политиком. Необязательно иметь диплом экономиста, юриста или специалиста по международным отношениям. Необязательно знать ответ на каждый вопрос. Важны желание понять мир, готовность учиться, способность ставить под сомнение собственные взгляды и смелость отвечать за то, что касается тебя самого.

Именно таких людей я хотел бы пригласить в Humanity United Movement.

Представь себе политику, в которую можно прийти, не дожидаясь, пока за плечами будет двадцать лет карьеры и появятся связи. Политику, к которой можно начать готовиться уже сегодня. Политику, которая даст тебе возможность изучать устройство государства, общаться с людьми разных профессий, разбирать общественные проблемы и постепенно готовиться к ответственности, которую ты, возможно, однажды возьмёшь на себя.

Именно поэтому мы хотим создать политическую академию, которая поможет вырастить новое поколение людей, способных разбираться в сложных проблемах современного общества. Мы не ждём, что ты безоговорочно примешь взгляды основателей движения. Мы хотим, чтобы ты научился самостоятельно мыслить, работать с фактами, распознавать веские доводы и не боялся сказать, что человек ошибается, даже если он входит в руководство нашего движения.

Однако есть одно условие, которое должно отличать нас от привычной политики.

Если мы требуем прозрачности от политиков, начинать надо с себя.

Каждый, кто решит вступить в Humanity United Movement, должен быть готов с самого начала открыто заявить о своём имуществе через проект «Видимые деньги» и представить свою имущественную декларацию для проверки в установленном порядке. Не тогда, когда решит баллотироваться на выборах. Не тогда, когда займёт ответственный пост. С самого начала.

Не потому, что владеть имуществом само по себе подозрительно. Совсем наоборот. Честно нажитого стыдиться нечего. Но если мы хотим создать политическую среду, в которой финансовые интересы не скрывают от общества, мы должны быть готовы сами подавать пример.

Прозрачность также не означает, что мы станем считать себя лучше тех, кто к нам не присоединится. Она означает, что мы добровольно согласимся на более строгий контроль и дадим другим возможность судить, действительно ли мы соблюдаем взятые обязательства.

Возможно, ты спрашиваешь себя, может ли небольшое движение вообще что-то значить рядом с огромными политическими партиями, государствами и глобальными экономическими интересами.

Но у любой большой перемены должно быть начало. Нам необязательно уже сегодня в точности знать, каким станет мир через тридцать лет. Зато нужно уже сейчас создавать институты, устанавливать правила и вырабатывать подходы к решению задач, которые помогут нам лучше, чем сегодня, справляться с испытаниями будущего.

Если у нас получится создать организацию, где будут встречаться люди, готовые учиться, действовать открыто, сотрудничать поверх государственных границ и пересматривать свои взгляды по мере появления новых знаний, это само по себе станет конкретным шагом в верном направлении.

Неважно, станешь ли ты когда-нибудь депутатом, министром, специалистом по государственной политике, предпринимателем или останешься человеком, которому просто интересно, как устроено общество. Каждый может внести свой вклад по-своему.

Если эта мысль тебе близка, приглашаю тебя сделать первый шаг. Зарегистрируйся в проекте «Видимые деньги», познакомься с его принципами и подумай о вступлении в Humanity United Movement. Присоединяйся с пониманием того, что, требуя перемен от других, ты должен быть готов начать и с себя.

Форму регистрации ты найдёшь по адресу:

https://app.visiblemoney.org/register

Я не прошу тебя слепо мне верить. Я прошу тебя как следует обдумать эту идею, задать неудобные вопросы и самому решить, стоит ли отдавать ей своё время и способности.

Может быть, именно твой вопрос выявит ошибку, которую мы не заметили. Может быть, твоя идея поможет решить задачу, с которой мы не умеем справиться. А может быть, однажды ты окажешься среди тех, кому предстоит решать, как будет устроено наше общество.

Будущее — не только то, что мы унаследуем от прежних поколений. Это ещё и то, что мы своими решениями создаём для следующих.

Если мы хотим, чтобы оно стало лучше, нужно быть готовыми начать работать над ним уже сегодня.

Humanity United Movement — одно человечество, общее будущее.